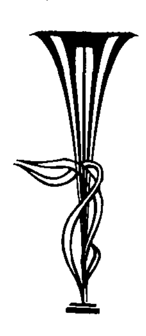
"Ваш рыцарь"

Андрей Белый

Письма к М.К. Морозовой

1901-1928

МОСКВА
ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА
2006

РУССКИЕ ПОЭТЫ

УДК 821.161.1-6
ББК 84(2Рос=Рус)1-49
Б43

На суперобложке:
М.К. Морозова. 1890-е

На фронтисписе:
Андрей Белый. Портрет работы Л. Бакста. 1906

Андрей Белый

Б43 **«Ваш рыцарь»:** Письма к М. К. Морозовой. 1901–1928; предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова и Джона Малмстада. – М.: Прогресс-Плеяда, 2006. – 292 с.: ил. – ISBN 5-93006-055-Х.

В книге впервые публикуется по архивным источникам полный свод писем крупнейшего русского писателя-символиста Андрея Белого (Б. Н. Бугаева; 1880–1934) к Маргарите Кирилловне Морозовой (1873–1958) – вдове известного промышленника и мецената М. А. Морозова (1870–1903), учредительнице целого ряда благотворительных и культурных начинаний в Москве начала XX века (Религиозно-философское общество, издательство «Путь» и др.). В мистическом экстазе боготворил М. К. Морозову юный Андрей Белый; для него она была «Прекрасной Дамой» – воплощением зари и весны; позднее – близким другом. Письма к ней, по своему содержанию и образному строю созвучные с художественными произведениями Белого, имеют исповедальный характер: они выразительно обрисовывают внутренний мир писателя, раскрывают специфику его идейно-эстетических исканий в их становлении и развитии.

Изобразительный ряд книги опирается прежде всего на альбом «Андрей Белый. Александр Блок. Москва» (М., 2005), а также на альбом «Рисунки русских писателей» (М., 1988), альбом на немецком языке «Андрей Белый. Символизм. Антропософия. Путь» (Дорнах, 1997) и другие издания, где воспроизводятся реликвии, хранящиеся в различных музеях, библиотеках и фондах, в Архиве «Наследие Р. Штейнера» (Дорнах, Швейцария). Ценную помощь оказали издателям сотрудники Государственного Литературного музея, Государственного музея А. С. Пушкина, Государственного музея-заповедника А. А. Блока «Шахматово», Музея-квартиры А. А. Блока (ГМИ СПб), Музея-квартиры Андрея Белого (ГМП), Музея-квартиры Валерия Брюсова «Серебряный век» (ГЛМ), Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Музея-мастерской скульптора А. С. Голубкиной (ГТГ). Особая благодарность – Елене Наседкиной, Монике Спивак, Евгению Кольчужкину.

А. В. Лавров, Джон Малмстад

«ПРЕКРАСНАЯ ДАМА» АНДРЕЯ БЕЛОГО

В поэме «Первое свидание», написанной почти в один присест, в Троицын день и Духов день 1921 года (6/19 и 7/20 июня), Андрей Белый окунается благодарной воскрешающей памятью в события и переживания двадцатилетней давности – в первый год XX века, угадывавшийся им тогда как первый год новой, неведомой эры; мистические интуиции, управлявшие сознанием и всем внутренним миром начинающего автора, возвещали о наступлении «эпохи зорь», о грядущем преображении мира. Все окружающее призывало тех, кто готов был видеть и слышать, внимать «тайным знакам», возвещало о «зоре» (чаще всего в таком начертании слова, в отличие от орфографически правильной и семантически нейтральной «зари»). Символом «зори» оборачивался женский образ – для автора «Первого свидания» один, для Сергея Соловьева, его ближайшего друга и «сочувственника» в мистических переживаниях, – другой:

Он – вот, провидец и поэт,
Ключарь небес, матерый мистик,
Голубоглазый гимназистик, –
Взирает в очи Сони Н-ой,
Огромный заклокочив клочень;
Мне блещут очи – очень, очень –
Надежды Львовны Зариной.
Так соглашаясь с Соловьевым,
Провидим Тайную весной:
Он – Сонечку, живую зовом;
Я – Заревую: в Зариной...[1]

Еще раз подобие «зори», Зарина, возникает в «Первом свидании» при описании московского симфонического концерта:

[1] Андрей Белый. Первое свидание. Поэма. Пб.: Алконост, 1921. С. 25.

Вдруг!...

Весь – мурашки и мороз!
Между ресницами – стрекозы!
В озонных жилах – пламя роз!
В носу – весенние мимозы!

Она пройдет – озарена:
Огней зарнéй, неопалимей...
Надежда Львовна Зарина
Ее не имя, а – *«во-имя»!..*
Браслеты – трепетный восторг –
Бросают лепетные слезы;
Во взорах – горний Сведенборг;
Колье – алмазые морозы...[2]

Морозы, стрекозы, мимозы, розы, озарена, зарней, слезы, мороз – все эти слова и звукосочетания анаграмматически прочитываются совершенно однозначно, раскрывая подлинную фамилию прообраза Надежды Львовны Зариной: Морозова[3]. Маргарита Кирилловна Морозова, живописуемая и в следующих строках «Первого свидания»:

Серьга – забрежжившая жизнь;
Вуаль провеявшая – трепет;
Кисей вуалевая брызнь
И юбка палевая – лепет;
А тайный розовый огонь,
Перебегая по ланитам
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаливший меланитом, –
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи...
Летит вуалевая шаль

На бледнопалевые плечи.
И я, как гиблый Гибеллин,
У Гвельфов ног, – без слов, без цели:
Ее потешный палладин...
Она – мадонна Рафаэля![4]

---

[2] Андрей Белый. Первое свидание. С. 45–46.

[3] См.: Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур... // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 226–228.

[4] Андрей Белый. Первое свидание. С. 46.

Сила и яркость эмоций, пронизывающих эти описания, – всего лишь отблеск подлинно пережитого автором двадцатью годами ранее, когда «мадонной Рафаэля» ему предстала незнакомая дама, случайно увиденная на одном из симфонических концертов. Сознание Андрея Белого – тогда студента Московского университета Бориса Бугаева, еще не обретшего свой псевдоним, – однако, уже готово было воспринять столь наглядное и определенное воплощение своих возвышенных и неопределенных чаяний.

В позднейших автобиографических записях Белый так повествует о событиях своей внутренней жизни в феврале 1901 года: «... моя встреча глазами с М. К. М. на симфоническом концерте во время исполнения бетховенской Симфонии; и отсюда мгновенный вихрь переживаний, мной описанный в поэме "*Первое Свидание*". С той поры совершенно конкретно открывается мне: все учение о Софии Премудрости Вл. Соловьева, весь цикл его стихов к Ней; и моя глубокая и чистая любовь к М. К. М., с которой я даже не знаком и которую я вижу издали на симфонических концертах, становится символом сверхчеловеческих отношений; мне становится ясным, что "*мистерия новой любви*" есть мистерия, образующая новую Иоаннову Церковь "детей любви" <...>. Метель, музыка, Она, М. К. М., Откровение Иоанна, – вот лейт-мотивы этого месяца...»[5]. Переживания и постижения, в которых признается Белый, имели для окончательного формирования его духовного мира определяющее значение; именно 1901 год, как заявляет он в тех же записях, дал исходный импульс его последующим исканиям и опытам творческой самореализации, и весь этот год был

[5] *Материал к биографии*. Л. 17–17 об. Трудно со всей определенностью утверждать, какой именно концерт имеет в виду Белый в начальных строках этой цитаты: в первые месяцы 1901 г. произведения Бетховена (но не его симфонии!) исполнялись в Москве на собраниях Русского Музыкального общества дважды – 20 января (Концерт для скрипки с оркестром D-dur, op. 61) и 8 февраля (квартетное собрание с исполнением трех бетховенских сочинений); 9-я симфония Бетховена (D-moll, op. 125) была исполнена там лишь 7 апреля 1901 г. – т. е. уже после описываемого Белым события и отправки им первых писем к Морозовой (см.: Отчет Московского отделения Императорского Музыкального Общества. 1900–1901. М., 1902. С. 6–8, 11). Весьма вероятно, что в позднейших изложениях пережитого Белый контаминировал – как и в поэме «Первое свидание» – свои впечатления, в действительности восходящие к нескольким музыкальным собраниям.

ознаменован и наполнен для него прежде всего той самой «встречей глазами»: «... в этот год осознал я вполне веяние Невидимой Подруги, Софии Премудрости. Кроме того: весь этот год для меня окрашен первой глубокой, мистическою, единственной своего рода любовью к М. К. М., которую, однако, не смешивал я с Подругой Небесною; *М. К. М.* в иные минуты являлася для меня лишь *иконою, символом* лика Той, от Которой до меня долетали веянья»[6].

Мистический «роман» усиленно развивается в марте 1901 года: «... вырастает и начинает все покрывать лейтмотив в моей мистической любви к М. К. М.; поэзия Фета и Лермонтова мне звучит прообразовательно; во всех любовных стихотворениях Фета – отблеск одной любви: любви Мировой Души к рыцарю; я ощущаю себя этим рыцарем – одновременно рыцарем Небесного Видения и земной иконой Ее; эта земная икона – М. К. М. Кроме концертов я начинаю видеть ее на Арбате и в Денежном переулке – в часы, когда она возвращается домой; лошадей ее, кучера ее я знаю в лицо; с этой поры я ежедневно после обеда начинаю бродить вдоль Арбата, вдоль Денежного переулка, вдоль Воздвиженки в надежде встретить М. К. М. Она уже знает меня в лицо; и мне кажется, что взгляд ее, на меня обращенный, – взгляд добрый и ласковый; лейт-мотив этого времени – еще не написанная строчка Блока, с которой я встречусь уже через 7 месяцев: *"Я озарен: я жду твоих шагов"* <...> в совершенном мистическом озарении я пишу М. К. М. длинное письмо, в котором я посвящаю ее в предмет моего культа; в нем я пишу о Ницше, о Вл. Соловьеве и о том, что мы ждем свершений огромного будущего; я подписываюсь *"Ваш рыцарь"*; и со страхом я жду встречи с ней на одном из симфонических концертов; на концерте М. К. М. бросает на меня взгляд, из которого мне становится ясным, что она знает, что автор письма – "я" и что она – не сердится на меня»[7]. За первым письмом последовали другие, сходного содержания и стиля.

---

[6] *Материал к биографии.* Л. 16.

[7] Там же. Л. 17 об. – 18. Стихотворение Блока «Бегут неверные дневные тени...», которое цитирует Белый, написано 4 января 1902 г., было послано семейству Соловьевых в январе или первой половине февраля 1902 г., Белый тогда снял с него рукописную копию (см.: Котрелев Н. В. Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы

Этот прецедент – отправление незнакомой даме писем с признаниями, имевшими мало общего с излияниями пылкого влюбленного («рыцарь», подписавший первое письмо, совсем не походил на банального «поклонника»), – вскоре нашел свой отголосок в художественном творчестве их автора. Маем 1902 года датирован «Рассказ № 2» Андрея Белого, при его жизни не публиковавшийся – безусловно, по причине сугубо личной подоплеки сюжета – и дошедший до читателя лишь в новейшее время[8]. Рассказ – исповедь героя о своем глубоком, возвышенном чувстве к женщине, которой он шлет письма, остающиеся безответными: «Вчера я послал ей письмо. Опять я не мог удержаться, потому что она думала обо мне – я это знаю... Я всегда знаю, когда она думает обо мне... Тогда я представляю себе ее синие очи и грустно-коралловую улыбку уст... Она смотрит на меня немного удивленно, полусмеясь от сочувствия... И в то же время она боится моих диких выходок... Мы с ней даже незнакомы, но я имею дерзость посылать ей письма. Боже вечностей... Я не мог ошибиться в том, что она думает обо мне, – ведь Ты же создал все так, что "оно" – одно, несмотря на расстояния... И мы все встречаемся где-то, по нашему желанию, вне пространства и времени, и там знаем друг друга...»[9]. В «ней» герой рассказа видит воплощение мировой гармонии, реальный ее образ размывается, ускользает, но узнается в небесной «зоре», в «бледно-голубой бесконечности». Герой сходит с ума и общается со своим двойником – пришельцем из мира вечных сущностей; в безумии он постигает, что он сам и «она» – лишь отражения самих себя, своих подлинных ипостасей, обретающихся в вечности, любящих друг друга и встречающихся вне пространства и времени.

В «Рассказе № 2» «мистериальная» любовь Белого получила самое определенное и законченное художественное воплощение. Но еще ранее, в 1901 году, Белый создал «Симфонию (2-ю, драматическую)», которой суждено было стать его литературным дебютом (книга вышла в свет отдельным

и исследования. М., 1980. Кн. 1. С. 245; Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 1. С. 89, 511. Примеч. З. Г. Минц).

[8] См.: Лавров А. В. Юношеская художественная проза Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 138–148.

[9] Там же. С. 138.

изданием в апреле 1902 года). В ней обыгрывается та же тема: «мечтательный демократ» написал письмо «сказочной нимфе» и после встречи со своей «сказкой» покончил с собой; впечатления Белого от мимолетных встреч с предметом своего поклонения на Арбате и других московских улицах также отразились в тексте «симфонии»:

«1. И тогда демократ увидел свою сказку, сказку демократа.

2. По улице ехал экипаж, а на козлах сидел окаменелый кучер в цилиндре и с английским кнутом.

3. В экипаже сидела сказка, сказка демократа.

4. У нее были коралловые губы и синие, синие глаза, глаза сказки. <...>

8. Ее муж был кентавр, а сама она была сказка и морская нимфа.

9. Так проехала сказка, сказка демократа, чуть-чуть улыбнувшись своему мечтателю, пронзив его синим взором»[10].

Именно «Симфония (2-я, драматическая)» открыла адресату анонимных любовно-мистических посланий, кто был их автор. «Я никогда не встречала Андрея Белого, и даже в то время у меня не было с ним общих знакомых», – подчеркивает Морозова в мемуарном очерке о нем, обрисовывая ситуацию, сложившуюся задолго до начала ее личного общения с начинающим писателем-символистом:

«Как-то весной 1901-го года я получила письмо, подписанное “Ваш рыцарь”. Письмо это меня очень заинтересовало своим необычным содержанием, оригинальным языком и общим складом мысли, напомнившим мне Вл. Соловьева, с сочинениями которого я тогда только что познакомилась. Письмо это я сохранила. Через некоторый промежуток времени я получила опять письмо, с той же подписью. По почерку на конверте я тотчас же узнала, от кого оно, хотя я не имела никакого понятия о том, кто мне писал, кто был этот рыцарь в действительности. И так я получала изредка эти письма в течение трех лет. Всегда эти письма очень меня привлекали, и я их берегла.

Весной 1903 г. я купила в книжном магазине небольшую книжку поэта Андрея Белого “Вторая симфония” –

[10] Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С. 98–99.

драматическая, так как я о ней слышала от многих. Приехав домой, я раскрыла книжку и была поражена тем, что нашла в ней буквально выражения из этих писем "рыцаря", и поняла, что под именем Сказки в этой симфонии он говорит обо мне. Симфония эта, несмотря на ее некоторые странности, меня пленила своей какой-то весенней свежестью и цельностью»[11].

Действительно, «Симфония (2-я, драматическая)» и ранние анонимные письма Белого к Морозовой могут восприниматься как составные части некоего единого текста, как разножанровые вариации «жизнетворческой» темы, заполнявшей собою весь внутренний мир автора. Лирико-исповедальная эпистолярная версия этого текста была столь же монологичной, сколь и отображения его в других жанровых формах – «симфониях», стихотворениях, прозаических этюдах; письма не требовали и не предполагали ответа, они являли собою лишь опыт самовыражения, не претендовавший на то, чтобы быть актом коммуникации – во всяком случае, по общеупотребительным нормам бытового поведения. В первом письме, обращенном к Морозовой, «рыцарь» счел необходимым предупредить ее, чтобы она не воспринимала его философическую лирику как необычную словесную маску для обыкновенных любовных признаний; в «мистериальном» он не допускал даже малейшего налета светской куртуазности, даже примеси «посюстороннего» содержания и поэтому не пытался тогда завязать личное знакомство с объектом своего поклонения. Стремясь к полноте и чистоте мистических постижений, Белый, однако, отдавал себе отчет – по крайней мере, в ретроспективном осмыслении пережитого, – что «встреча глазами» всколыхнула в нем не только порывания «за пределы предельного», что «сказка» пленительна для него в своей женской самодостаточности и в контурах московской яви, окрашивающихся и осветляющихся «зоревыми» отблесками. Сходные настроения переполняют и его ближайшего друга: «С. М. Соловьев <...> тоже гуляет, чтобы встретиться с М. Д. Ш., живущей на Пречистенке. У него к ней такое же отношение, какое у меня к М. К. М.: одновременно – и мистическое, и эротическое.

[11] Морозова М. К. Андрей Белый / Предисл. и примеч. В. П. Енишерлова. Публ. Е. М. Буромской-Морозовой и В. П. Енишерлова // *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 525–526.

Мы оба – в волнах любви, в волнах зори <...> Мы не подозреваем, что в это же время в Петербурге студент, А. А. Блок, встречает зори этой удивительной *весны*, что Э. К. Метнер <...> так же встречает зорю и ощущает эту зорю совершенно особенной, небывалой; март 1901 года – наступление для всех нас эпохи зари»[12].

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя, –

пишет примерно в то же время Александр Блок в своем программном стихотворении[13]. Объект теургических предчувствий и предзнаменований для него – тот же, что и для Андрея Белого, и для Сергея Соловьева, и, видимо, для Эмилия Метнера, не отразившего своих переживаний в художественных текстах: универсальный, аккумулирующий в себе всю полноту интуитивно постигаемого преображенного бытия мистический символ, иногда не называемый, иногда облекаемый в словесные формулы – «Прекрасная Дама», «Дева, Заря, Купина». Формул для этого женственного воплощения высшего начала может быть множество, начиная с «Подруги вечной» Владимира Соловьева в его поэме «Три свидания» (1898); Вечной Женственностью и софиологией Соловьева поверяются и стимулируются мистические медитации «младших», начинающих символистов[14]. «Облик один», распознаваемый в земных женских ликах, – для каждого из влекущихся к нему свой: для Блока – Любовь Дмитриевна Менделеева, для Сергея Соловьева – «арсеньевская гимназистка» Мария Дмитриевна Шепелева, для Андрея Белого – Маргарита Кирилловна Морозова. И неважно, что первая из упомянутых – сравнительно давняя знакомая и затем невеста и жена поэта, а вторая и третья – предмет по-

---

[12] *Материал к биографии.* Л. 18.

[13] Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. С. 60.

[14] Ср. заключения, приводимые психологом Г. И. Поляковым в его позднейшем исследовании личности Белого: «Из событий личной жизни отметим имевшее место в 1901 г. его сильное увлечение М. К. Морозовой, которое носило в тот период чисто платонический характер. Очень важно, что связывал в воображении ее образ с образом Софии из сочинений Соловьева и художественно сплавлял в себе эти два образа» (Спивак Моника. Посмертная диагностика гениальности. Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. С. 221).

таенной юношеской мистической влюбленности; важны не различия в жизненных ситуациях, а черты сходства в переживаниях, в смысловом наполнении центрального образа, организовывавшего все пространство внутреннего мира. Существенно то общее в «жизнетворческих» импульсах, о котором писал Белый в позднейших, сочинявшихся уже с оглядкой на советские нормы высказывания, мемуарах, пытаясь под налетом иронии обрисовать и истолковать феномен «первого свидания»: «... в январе 1901 года заложена опасная в нас “мистическая” петарда, породившая стольские кривотолки о “Прекрасной Даме”; корень ее в том, что в январе 1901 года Боря Бугаев и Сережа Соловьев, влюбленные в светскую львицу и в арсеньевскую гимназистку, плюс Саша Блок, влюбленный в дочь Менделеева, записали “мистические” стихи и почувствовали интерес к любовной поэзии Гете, Лермонтова, Петрарки, Данте; историко-литературный жаргон – покров стыдливости»[15].

Мистические вдохновения соединились у Андрея Белого с восторженными впечатлениями от женского облика, от глаз, в которых открывались бездонные глубины («... у нее были ослепительные глаза, с отблеском то сафира, то изумруда»[16]); этот облик привлекал к себе и вызывал высокие эмоции у всех, способных оценить земную красоту. Мемуаристы описывают «величественную фигуру красивой дамы в длинном платье со шлейфом»[17]: «В Москве ее хорошо знали, стоило ей появиться, высокой, стройной, в шляпе с большими полями над прекрасным лицом, – в публике пробегала волна восхищения»[18]; «Маргарита Кирилловна была великолепная дама, безусловно приятная во всех отношениях»[19]. Приведенные отзывы принадлежат представителям поколения, следующего за поколением Андрея Белого: такою увидели и запомнили уже не очень юную Морозову в 1910-е годы, значительно позже знаменательного посещения студентом Бугаевым симфонического концерта.

---

[15] *Начало века*. С. 25.

[16] Там же. С. 508.

[17] Фиолетова Н. Ю. История одной жизни // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9. С. 14.

[18] Гиацинтова Софья. С памятью наедине. М., 1985. С. 413.

[19] Локс Константин. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 101.

Маргарита Кирилловна Морозова родилась 22 октября 1873 года в Москве в купеческой семье Мамонтовых[20]. Ее отец, Кирилл Николаевич Мамонтов, не приумножил славы своего уважаемого рода (двоюродный брат его – Савва Иванович Мамонтов, промышленник и меценат, владелец подмосковного имения Абрамцево, ставшего в 1870–1890-е годы одним из центров художественной жизни; родная сестра, Вера Николаевна, была женой не менее почитаемого купца-мецената Павла Михайловича Третьякова, основателя знаменитой художественной галереи); он запутался в делах, бежал за границу, проиграл в рулетку последние деньги и застрелился в Марселе, оставив жену, Маргариту Оттовну (урожденную Левенштейн), с двумя дочерьми, Маргаритой и Еленой, без всяких средств к существованию. Маргарита Оттовна «открыла маленькую мастерскую шитья белья и платьев», где «работала с раннего утра до вечера»[21] и смогла обеспечить своим близким скромный достаток. Обе ее дочери-бесприданницы, однако, вышли замуж за весьма состоятельных людей: Елена – за Родиона Дмитриевича Вострякова, Маргарита – за Михаила Абрамовича Морозова (1870–1903), представителя богатейшего купеческого клана. «Благодаря своей красоте, уму и богатству, – свидетельствует современница, – эти дамы сразу заняли видное и несколько своеобразное положение в московском обществе. Семейная жизнь их сложилась неудачно, особенно у Елены Кирилловны, которая в возрасте 23 лет была покинута своим мужем. <...> Сестры Маргарита и Елена Кирил-

---

[20] См.: Морозова М. К. Мои воспоминания / Публ. Е. М. Буромской-Морозовой, примеч. Д. М. Евсеева // Наше наследие. 1991. № 6 (24). С. 89–109. Там же (С. 110–111) – очерк Натальи Семеновой о Морозовой («Четыре “эпохи” одной жизни»). О Морозовой подробно рассказывает Наталья Думова в своей книге «Московские меценаты» (М., 1992. С. 97–107) и в статье «“Сказка” Старого Арбата» (Арбатский архив. Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. I. С. 198–239). См. также: Воспоминания М. К. Мамонтовой-Морозовой / Вступ. и подгот. текста Е. М. Буромской-Морозовой, В. П. Енишерлова // Куранты. Историко-краеведческий альманах. М., 1983. С. 344–352; Постернак Ольга. Отблески Сказки // Наше наследие. 2004. № 70. С. 136–139.

[21] Морозова М. К. Мои воспоминания. С. 91. См. также: Зилоти В. П. В доме Третьякова. М., 1992. С. 63–64.

ловны были признанными московскими красавицами; они прекрасно одевались, с них писали портреты знаменитые художники, они блистали на всех выдающихся спектаклях и концертах, словом, вели образ жизни меценатствующего купечества московского начала XX века. Внешность сестер была различна: в Елене Кирилловне преобладала красота линий, при некоторой вялости красок; Маргарита Кирилловна была хороша своим колоритом и напоминала тициановских женщин»[22].

Свадьба Маргариты Кирилловны и Морозова состоялась 10 ноября 1891 года. М. А. Морозов был не только преуспевающим промышленником, но и коллекционером новейшей русской и западноевропейской живописи, а также литератором, пробовавшим свои силы в прозе, в исторических сочинениях, в художественной критике[23]. Широкая, увлекающаяся, неординарная натура, Морозов являл собою одну из заметных достопримечательностей Москвы. В частности, немаловажной составляющей сценического успеха комедии А. И. Сумбатова-Южина «Джентльмен», впервые представленной в Малом театре в 1897 году[24], послужило угаданное публикой сходство между Морозовым и ее главным героем, взбалмошным, глуповатым и добродушным богатеем Ларионом Рыдловым, печатающим свои литературные опыты под псевдонимом «Маркиз Вольдир»; сходство усугублялось очерченной в пьесе семейной ситуацией: жена Рыдлова тяготится своим положением, семейной «дубовой жизнью» («...я продалась и продалась на всю жизнь»[25]) и пытается расстаться с мужем. Пересуды (стимулированные действительно неровными взаимоотношениями между супругами Морозовыми) продолжались долго, и со временем автор «Джентльмена» даже предпринял попытку их пре-

---

[22] Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника. Paris, 1988. Кн. 1. С. 89–90.

[23] См. о нем статью В. М. Боковой в кн.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 133–134.

[24] См.: Сумбатов-Южин А. И. Пьесы. М., 1961. С. 673–674. Примечания В. Маслиха и Н. Сверчкова.

[25] Сцена. Вып. XVIII. «Джентльмэн». Комедия в 5 действиях князя А. И. Сумбатова. М., 1897. С. 54, 58.

сечь[26]. Параллели такого же толка не миновали и М. К. Морозову, когда она приобрела в Москве известность не меньшую, чем ее супруг: ее узнали в одной из героинь драмы Вл. И. Немировича-Данченко «Цена жизни», – но если в «Джентльмене» определенный умысел автора, дававший основания для отмеченных аналогий, все же соотносился с реальностью, то в случае с пьесой Немировича-Данченко такового умысла и быть не могло[27].

---

[26] Когда в статье «Серов портретист» С. С. Мамонтов упомянул «изумительный по экспрессии портрет М. А. Морозова, послужившего прототипом известной комедии кн. Сумбатова "Джентльмен"» (Русское Слово. 1914. № 35, 12 февраля. С. 6), Сумбатов-Южин направил в связи с этим сообщением «письмо в редакцию»: «Пока эти слухи не выходили из области толков и инициалов, я не имел возможности их печатно опровергнуть. <...> Но когда в статье полными буквами напечатаны фамилии, а слухи приняли категорическую форму утверждения, тогда я и вправе, и обязан просить вас напечатать и мое, не менее категорическое, заявление. 1) Я познакомился с М. А. Морозовым не только после того, как комедия была написана, но и после того, как она была впервые дана на сцене Малого театра <...> не имея представления об оригинале, я не мог писать портрета и его не написал» (Кн. А. И. Сумбатов о «Джентльмене» (Письмо в редакцию) // Русское Слово. 1914. № 37, 14 февраля. С. 6). В действительности коллизия была более причудливой, чем ее очертил в данном заявлении автор «Джентльмена»: обрисовывая своего героя, он ориентировался на образ автора книги «Карл Пятый и его время» (М., 1894) М. Юрьева, каким он ему представлялся, и лишь позднее узнал от Вл. И. Немировича-Данченко (удивившегося сходству «джентльмена» Лариона Рыдлова с Морозовым), что М. Юрьев – псевдоним Морозова (см.: Айхенвальд Ю. Александр Иванович Сумбатов-Южин. М., 1987. С. 220–225; Думова Наталья. Московские меценаты. М., 1992. С. 64–66).

[27] Сведения о том, что Морозова послужила прототипом одной из героинь «Цены жизни», содержащиеся в нескольких новейших публикациях, восходят к свидетельству в воспоминаниях П. А. Бурышкина: «М. К. Морозова <...> была выведена в театральной пьесе – в "Цели жизни" <так!> В. Немировича-Данченко, – в карикатурном, но не слишком злом виде» (Бурышкин П. А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. С. 124). Мемуарист явно основывался на своих впечатлениях от возобновленной постановки «Цены жизни» в Малом театре в 1913 г.: второстепенная героиня пьесы, Клавдия Тимофеевна Рыбницына, «весь курс философии прошла», рассуждает на философские темы, пытается содействовать изданию философского журнала и т. д. (см.: Немирович-Данченко Вл. И. Пьесы. М., 1962. С. 383, 388–389, 395, 397 и др.). Можно было бы истолковывать этот образ как шарж на Морозову, руководившую в 1910-е гг. религиозно-философским издательством «Путь» и тесно связанную с рядом крупных отечествен-

Когда Андрей Белый впервые увидел свою «сказку» и отправил ей «рыцарские» письма, Морозова была еще замужем; начало же их личного знакомства приходится на пору, когда она стала вдовой: М. А. Морозов скончался 12 октября 1903 года в возрасте тридцати трех лет. На попечении Морозовой осталось четверо малолетних детей (один из ее сыновей, Михаил Михайлович, впоследствии крупный шекспировед, переводчик и театровед, получил известность еще в раннем детстве благодаря кисти Валентина Серова, увековечившей его в 1904 году как Мику Морозова – в самом, пожалуй, прославленном русском детском портрете), но также она унаследовала от мужа изрядный капитал, дававший ей возможность посвятить себя активной благотворительной и культурно-организационной деятельности. Характер общения, установившегося между Морозовой и Белым, вполне соответствовал тому сценарию, который он ранее осуществил в своем «Рассказе № 2», повествуя в заключительной его части: «... я успокоился... Я и теперь люблю *"ее"* – этой особенной любовью, не *"ее"*, но люблю в ней Вечность... Я и теперь вижу ее в закатных зорях и в небесной глубине, но теперь мое чувство спокойно, тихо и радостно... <...> Она – уже почтенная дама, сильно занятая благотворительностью, но разве лета играют тут роль... Мы никогда не говорили друг другу о моих чувствах к ней, но она их знает, я это чувствую, и в наших отношениях есть много тихой грусти с оттенком слишком нежного сочувствия, пожалуй влюбленности...»[28]. «Я его пригласила к нам, – вспоминает Морозова в очерке «Андрей Белый» о начальной поре их личного общения, – и он заходил раза два или три и при этом никогда ни одним словом, ни одним жестом не давал понять, что он мне писал. Это, конечно, показывало большую чуткость и деликатность в нем и очень меня к нему расположило»[29].

ных мыслителей, если не принимать во внимание один непреложный факт: «Цена жизни» была впервые опубликована и сыграна на сцене Малого театра в 1896 г., задолго до того, как определились и стали широко известны те интересы Морозовой, которыми наделена героиня пьесы Немировича-Данченко.

[28] Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. С. 147.

[29] *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 528.

Вскоре после кончины мужа Морозова уехала вместе с детьми в Швейцарию, откуда возвратилась в Москву в конце марта 1905 года. В ближайшие дни или недели после этого и состоялось ее знакомство с Андреем Белым, к тому времени уже приобретшим в московских литературных и окололитературных кругах определенную известность. Давая краткое ретроспективное описание апреля 1905 года, Белый ограничивается следующим сообщением: «Этот месяц для меня отмечен знакомством с Маргаритой Кирилловной Морозовой <...> М. К. пригласила меня бывать у нее; с той поры я часто просиживаю у нее вечерами»[30]. Это знакомство произошло на одном из публичных собраний, которые стала устраивать Морозова в своем особняке, стараясь содействовать бурному общественному подъему 1905 года. «У нас в доме часто собирались, устраивались беседы и читались лекции на самые животрепещущие темы, – свидетельствует Морозова в воспоминаниях о Белом. – На одной из таких лекций ко мне подходит кто-то из моих знакомых, не помню, кто именно, и говорит: “Здесь находится Андрей Белый и просит меня представить его Вам”. Я, конечно, согласилась и увидела подходившего ко мне молодого человека, очень скромного вида, в студенческой светло-серой тужурке. Он стал часто заходить на эти лекции и собрания и всегда подходил ко мне, и мы немного и отрывочно беседовали на самые общие темы»[31]. Наконец, в мемуарах Белый дополнительно характеризует обстоятельства, при которых состоялась эта встреча и какое продолжение она получила: «В это время Москва волновалась; митинговали везде; по преимуществу в богатых домах; буржуазия была революционно настроена; часто такие собрания протекали в особняке на Смоленском бульваре, у М. К. Морозовой. С ней познакомился я на вечере – в пользу бундистов; произошел на собрании крупный скандал: социал-демократы сцепились с бундистами; градоначальник Козлов запретил все собрания в доме Морозовой; с того вечера часто я стал заходить к М. К.; все-таки здесь собиралися: неофициально; читал Кизеветтер; я помню, что Фортунатов читал М. К. Морозовой и Е. К. Востряковой

[30] *Материал к биографии.* Л. 52.

[31] *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 528.

(сестре ее) лекции по конституционному праву; и на одной я присутствовал; в это время в морозовском доме впервые сорганизовалась группа общественных деятелей с Милюковым: слагалась кадетская партия – здесь; Милюков бывал часто у М. К. ...»[32]

К апрелю 1905 года Белый относит «сближение с Морозовой», к маю – «сближение, еще большее <...>»[33]. В это время в Москву приезжают Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, и Белый организует лекцию Мережковского в доме Морозовой[34]. Завязавшиеся контакты со светской дамой, увлеченно занятой общественной деятельностью, ни в малой мере не исказили и не приглушили во внутреннем мире Белого тот мифологизированный образ, который определился в нем в пору наиболее полного переживания «эпохи зорь» и рожденных ею «мистериальных» упований. Можно даже констатировать, что «мистерия» в данном случае плавно перетекла в повседневную жизнь, наполнив и освятив своим содержанием сферу личных взаимоотношений; сакральное прошло испытание бытом и сохранило свою суть и свои очертания в изначальной подлинности. И в этом – немалая заслуга Морозовой, умевшей быть чуткой и отзывчивой, готовой воспринять и осмыслить правду чужой души в ее своеобычных проявлениях и зачастую обескураживающих эксцессах. «Допускаю, что она не всё понимала <...>, – отмечает Ф. А. Степун, повествуя о философских словопрениях, проходивших у нее в доме, – но уверен, что она понимала

---

[32] Андрей Белый. Начало века. «Берлинская» редакция (1922—1923) // РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 11. Л. 146–147. Видимо, с упомянутой лекцией историка, приват-доцента Московского университета Степана Федоровича Фортунатова (1850—1918) соотносится недатированное письмо Морозовой к Белому (РГБ. Ф. 25. Карт. 34. Ед. хр. 8. Л. 55–56):

Любезный Борис Николаевич! Спасибо за статью и за внимание. В субботу в 8 ч. вечера Ст. Фед. Фортунатов прочтет нам лекцию, не хотите ли послушать и посидеть с нами, у нас будет человек пять-шесть! До свидания, приходите!

Преданная Вам *М. Морозова.*

[33] *Ракурс к Дневнику.* Л. 28 об.

[34] См.: *Белый – Блок.* С. 219. В письме от 15 апреля 1905 г. Мережковский извещал Белого о намечаемом приезде в Москву в среду 20 апреля (РГБ. Ф. 25. Карт. 19. Ед. хр. 9).

всех»[35]. И Белый сразу смог по достоинству оценить то понимание, которое он, вступивший уже в полосу духовного и психологического кризиса, в период драматической ломки основ своего мировидения, обрел в лице своей вочеловечившейся «сказки». «... Да, она понимала стихийно тончайшие ритмы интимнейших человеческих отношений; но с присущей ей светскостью, под которой таилась застенчивость, она не всегда открывалась вовне; очень многие относились небрежно к ней; и видели в ней *"меценатку"*, а удивительного человека – просматривали. Я ей обязан не раз в жизни был бесконечно», – признается Белый в мемуарах[36].

Летом того же года, когда установились их личные отношения, он побывал в имении Морозовой на верхней Волге: «У Морозовой прожил я десять дней, еще более подружившися с гостеприимной хозяйкой, с которою говорили мы много и с жаром на темы о жизни, о людях, о сокровеннейших отношеньях людских; и *о зорях*; в М. К. было много зари; вспоминаю я дни, проведенные здесь, с благодарностью. <...> Утрами мы не встречались: работали; мы встречались к обеду; потом расходились до чаю; и после чаю гуляли, или сидели, беседуя над обрывистым берегом Волги (до ужина); и – после ужина: часов до 11. Прощаясь с М. К., я был вовсе другой человек; к ней приехал какой-то сожженный; уехал же – бодрый и радостный»[37]. Сама Морозова писала своей близкой подруге: «Верю в жизнь, а главное в Бога и в такие души, как Ваша и Бугаева! Ваша широкая и глубокая, Бугаева нежная, тонкая до бездонности. Мне нужны такие души!»[38] В мемуарном очерке о Белом она признавалась: «Слушать Бориса Николаевича было для меня совсем новым, никогда мной раньше не испытанным наслаждением. Я никогда не встречала, ни до, ни после, человека с такой, скажу без преувеличения, гениальной поэтической фантазией. Я сидела и слушала, как самые чудесные, волшебные сказки, его рассказы о том, что он пишет, или о том,

---

[35] Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. London, 1990. Т. I. С. 259–260.

[36] Андрей Белый. Начало века. «Берлинская» редакция // РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 11. Л. 147.

[37] Там же. Л. 196.

[38] Письмо к Е. И. Полянской от 2/15 августа 1909 г. // РГБ. Ф. 171. Карт. 3. Ед. хр. 10. Л. 53 об.

что он думает писать. Это был действительно гениальный импровизатор. <...> Его живая поэтическая речь <...> поражала своими неожиданными чудесными образами, сравнениями, необыкновенным сочетанием слов, новыми словами, которые находили тончайшие оттенки и открывали глубины, в которые, казалось, вы заглядывали. Перед вами раскрывались какие-то просторы, освещались картины природы, двумя-тремя брошенными словами. Также и люди, часто наши общие знакомые, друзья, в этих импровизациях получали какой-то фантастический, а иногда карикатурный образ, но который раскрывал в двух-трех штрихах их сущность. <...> В беседе Борис Николаевич был единственным ни с кем не сравнимым. Все, конечно, сводилось к тому, что он говорил один, а его собеседники его слушали, как завороженные <...> насколько я всегда была очарована живой, полной фантастических образов, беседой Бориса Николаевича, настолько я всегда несколько разочаровывалась его произведениями при чтении их. Местами они увлекали и захватывали, но цельности я в них не находила. И мне всегда казалось, что он еще не нашел полного и точного выражения всего, что рождалось в его гениальной фантазии»[39]. Далеко не все, кому доводилось слушать подобные монологические импровизации Белого, получали от них те же или аналогичные впечатления (Н. С. Арсеньев, например, воспринимал его публичные выступления как «болезненно-сладострастное кликушество»[40]), но Морозова принадлежала к числу тех, кто умел не только слушать, но и слышать своего со-

[39] *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 529–530. Возможно, заключительные фразы в приведенной цитате раскрывают содержание «скепсиса», с которым Морозова взирает «на деятельность Андрея Белого», отмечаемого в письме к ней Э. К. Метнера от 22 марта / 4 апреля 1907 г. (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а). Ср. также свидетельства П. Н. Милюкова: «В центре восторженного поклонения М. К. находился Андрей Белый. В нем особенно интересовал мою собеседницу элемент нарочитого священнодействия. Белый не просто ходил, а порхал в воздухе неземным созданием, едва прикасаясь к полу, производя руками какие-то волнообразные движения, вроде крыльев, которые умиленно воспроизводила М. К. Он не просто говорил: он вещал, и слова его были загадочны, как изречения Сивиллы» (Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 287–288).

[40] Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Frankfurt/Main: Посев, 1974. С. 63.

беседника и корреспондента, кто способен был воспринять уникальный творческий дар Белого и силу его выражения сквозь непривычные, порой экстравагантные формы его словесной и поведенческой манифестации.

Какое-то, хотя бы и самое отдаленное представление о содержании и стилистике словесных импровизаций Белого можно составить по его письмам к Морозовой той поры – с учетом лишь оговорки, которую она не забыла сделать, соотнося его зафиксированные на бумаге произведения с непосредственными опытами его же речевого самовыражения. Многие из этих писем выдержаны в тональности прежних анонимных посланий, и характерно, что акты душевной коммуникации, осуществлявшиеся при их посредстве, имели зачастую автономный характер, совершались параллельно регулярным «внешним» контактам и без видимой зависимости от них. «Поэзия» личной исповеди и «проза» бытового этикетного поведения были рассредоточены по разным жизненным сферам; в этом отношении ситуация, определившаяся в пору сочинения Белым анонимных лирических посланий, существенным образом не изменилась, не подверглась принципиальным коррективам. Стиль эпистолярного общения, установившегося между лирическим субъектом и объектом его самовыражения, не предполагал и не требовал полноценного и равноправного диалога между корреспондентами; сотворенный Белым идеал зачастую оборачивался зеркалом, посредством которого воспринимал свои собственные черты новоявленный мистический Нарцисс. «Когда мы с ним проводили вечера вдвоем, – вспоминает о Белом Морозова, – он никогда не говорил о своем отношении ко мне – он об этом всегда мне писал, и никогда об этом письме не упоминал, когда мы вновь встречались, как будто этого письма и не было. Очень часто, после долгой беседы, я на другой день получала письмо, или подписанное "Б. Бугаев", или, изредка, "Ваш рыцарь". Конечно, и я об этих письмах никогда не упоминала и виду не показывала об их получении. Я считаю такое отношение Бориса Николаевича очень тонким и чутким. Если бы его романтическое отношение ко мне было взаимным, то, конечно, наши отношения могли бы сложиться иначе. Но он очень тонко чувствовал, что на этом плане взаимности между нами не было, и это молчание

давало нам возможность общаться очень оживленно на другом плане, на плане общих симпатий и личной дружбы»[41].

Значительная часть переписки Андрея Белого и Морозовой, однако, была стимулирована не внутренними токами, а вполне обыденными причинами, повседневной московской жизнью, организацией вечеров и собраний, деловыми и неделовыми визитами и т. п. «Весной 1905 года, – вспоминает Белый, – получаешь, бывало, тяжелый, сине-лиловый конверт; разрываешь: на толстой бумаге большими, красивыми буквами – четко проставлено: "Милый Борис Николаевич, – такого-то жду: посидим вечерком. *М. Морозова*". Мимо передней в египетском стиле идешь <...> в очень уютную белую комнату, устланную мягким серым ковром, куда мягко выходит из спальни большая-большая, сияющая улыбкой Морозова; мягко садится: большая, – на низенький, малый диванчик; несут чайный столик: к ногам; разговор – обо всем и ни о чем; в разговоре высказывала она личную доброту, мягкость; она любила поговорить о судьбах жизни, о долге не впадать в уныние, о Владимире Соловьеве, о Ницше, о Скрябине, о невозможности строить путь жизни на Канте» и т. д.[42].

Темы, затрагивавшиеся в беседах с Белым, были непосредственным образом связаны с общественной деятельностью Морозовой, которая в середине 1900-х годов приобрела весьма интенсивный характер. Для осуществления своих инициатив Морозова не жалела средств, которыми обладала, продолжая и развивая воспринятые от покойного супруга традиции благотворительности и меценатства (к началу 1910 года капитал, которым она располагала, составлял почти 3 с половиной миллиона рублей[43]). «Удивительная по уму и вкусу женщина, – писал о Морозовой В. В. Розанов в «Опавших листьях». – Оказывается, не просто "бросает деньги", а одушевлена и во всем сама принимает участие»[44]. В период революционной активизации общества в середине 1900-х годов она попыталась, как отмечает Белый в мемуарах, внести свою лепту в дело формирования политических

---

[41] *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 531.

[42] *Начало века.* С. 508.

[43] См.: Думова Наталья. «Сказка» Старого Арбата // Арбатский архив. С. 220.

[44] Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 302.

партий, завязала общение с П. Н. Милюковым (с которым у нее сложились на непродолжительное время неформальные отношения[45]); основную же свою энергию вложила в создание и обеспечение деятельности московского Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, открывшегося осенью 1905 года (она и финансировала Общество, и принимала живейшее участие в его руководстве)[46]. На средства Морозовой издавался в 1906—1910 годах «Московский Еженедельник» под редакцией кн. Е. Н. Трубецкого, либеральный общественно-политический орган, уделявший также внимание религиозно-философской проблематике. Морозова была и председательницей Московского музыкального общества; ученица и почитательница А. Н. Скрябина, на протяжении ряда лет она перечисляла ему денежные субсидии и была связана с композитором и его первой женой тесными дружескими отношениями[47].

Уроки игры на фортепиано Морозова брала одно время также у другого крупнейшего композитора эпохи, начинающего Николая Метнера, которого исключительно высоко ценил Андрей Белый. Во второй половине 1900-х годов Белый и Морозова нередко проводили время вместе с братьями Метнерами – Николаем и Эмилием; последний был ближайшим другом Белого с юношеских лет. Сближение с ними «дамы с султаном» (так в шутку называли Морозову в их интимном кругу: «... она надевала огромную шляпу с огромным султаном; казалась тогда “великаншею”»[48]) относится к 1906—1907 годам, и произошло оно, как свидетельствует и сама Морозова в мемуарном очерке «Метнер»,

---

[45] См.: Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. С. 286–288. Письма Милюкова к Морозовой (июнь—декабрь 1905 г.), цитированные Н. Думовой в статье «"Сказка" Старого Арбата» (С. 211–213), в том числе и одно из них, опубликованное В. И. Кейданом (см.: *Взыскующие града*. С. 46–47), свидетельствуют, что их автор переживал тогда серьезное увлечение своей корреспонденткой, которое, по всей вероятности, не стало взаимным.

[46] См.: Кейдан Вл. На путях к граду земному // *Взыскующие града*. С. 18–22, 36–39.

[47] См.: Морозова М. К. Воспоминания о А. Н. Скрябине / Публ., вступ. статья и примеч. А. Носова // Наше наследие. 1997. № 41. С. 45–64.

[48] *Начало века*. С. 508.

под влиянием Белого[49]. Последний сохранил об этих регулярных общениях самые светлые воспоминания: «Незабываемы встречи для меня “en trois”, когда собиралися мы у Морозовой с Метнером, или когда приезжала Морозова к Метнеру; мы затворялись в уютнейшей комнате Метнера; о чем мы не спорили? Разговор быстро делался искристым; в Метнере было много чудесного блеска; в Морозовой – музыкального слуха к оттеночкам мысли; впадали мы в шутки и в шаржи, изображая знакомых... и Морозова заливалась таким заразительным смехом; а я для уюта садился на мягкий ковер перед ней, перед Анной Михайловной Метнер, или забирался под письменный стол; и оттуда я с пафосом проповедовал что-нибудь<...>»[50]. Атмосфера интеллектуально-юмористических импровизаций, непроизвольно возникавшая в ходе этих встреч, была для Белого целительной и благотворной: именно в ту пору он мучительно переживал свои драматические отношения с Л. Д. Блок и конфликт с А. А. Блоком, которые внесли сумятицу в его внутренний мир и в значительной мере обусловили чрезвычайно остро воспринимавшийся им душевный разлад. В мемуарах Белый с благодарностью свидетельствует: «Маргарита Кирилловна поддерживала меня своим мягким эпическим пафосом в трудные годы мои; она чуяла глубокое, внутреннее отчаяние во мне – и вызывала меня на откровенность, чтобы смягчить мою боль; ласково, бывало, смеется; глаза же – (великолепные, сверкающие, голубые) – впиваются в душу; и разговор переходит с религиозного или морального обсуждения темы дня на конкретнейшие переживания моей личной жизни; да, – прямо скажу: мы ходим к Морозовой за моральной поддержкой; выкладывать ей всё-всё: о себе, о своих отношениях к людям; рассказывал ей о моих отношеньях с А. А. и Л. Д.; Маргарита Кирилловна молча слушает, помнится, вся закутавшись в мягкую уютную тальму; лишь

---

[49] См.: Морозова М. К. Мои воспоминания // Наше наследие. 1991. № 6 (24). С. 107.

[50] *О Блоке.* С. 309. О тех же встречах рассказывает и Морозова в очерке о Белом (*Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 532–533). Описывая кабинет Морозовой, В. Ф. Эрн отмечает (в письме к Е. Д. Эрн от 14 февраля 1910 г.): «Среди многих других портретов висит хорошая фотография Белого с надписью “Глубокоуважаемой и *бесконечно близкой* Маргарите Кирилловне”» (*Взыскующие града.* С. 241).

вспыхивающие блеском ее бриллиантовые глаза играют бывало переживаниями твоей личной жизни»[51].

«Романтические» и эротические импульсы, изначально входившие в сложный состав «мистериального» чувства Андрея Белого, вызванного образом Морозовой, в этот период их дружеского сближения, по всей вероятности, перестали играть в его внутреннем мире значимую роль, если не сошли на нет. Сама Морозова, согласно ее приведенным выше признаниям в мемуарах, четко определила характер этих взаимоотношений, исключавший возможность какого-либо развития по направлению к «науке страсти нежной». Во второй половине 1900-х годов в ее личной жизни занял прочное и ни с кем не разделяемое место один-единственный человек – князь Е. Н. Трубецкой, профессор Московского университета и редактор «Московского Еженедельника», философ, развивавший основоположения Вл. Соловьева, правовед, религиозный и общественный деятель; растянувшаяся на годы неразрешимая любовная драма, таимая от всех окружающих (Трубецкой был связан долгом по отношению к своей семье), со всей силой запечатлелась в их переписке, длившейся с 1906 по 1918 год[52]. С другой стороны, Андрей Белый продолжительное время был поглощен своей нераз-

[51] *О Блоке.* С. 308. Столь же, если даже не более существенную роль сыграли дружеские встречи с Морозовой в жизни Э. К. Метнера, который многократно в письмах к ней подчеркивал, насколько значимы для него ее чуткость и отзывчивость: «Никогда никто не был способен так утешать меня, так примирять с самим собою <...>. Вот почему я так цепляюсь за часы и минуты, проводимые с Вами» (17 апреля 1908 г.); «Вы — единственная, которая все или почти все знает обо мне; больше вас известно только богам» (6 июля 1908 г.); «...я преклоняюсь перед Вами (умоляю, не примите этого за фразу) как перед мадонной, преклоняюсь перед Вашим любящим страдающим сердцем <...> помимо дружеского сестринского отношения ко мне (немцы говорят в таком случае о schwesterliche Freundin), Вы — моя «domina» в особенном высоком духовном смысле, и мое восхищение как бы нейтрализуется этим преклонением...» (19 марта 1909 г.); «У Вас совершенно исключительная способность к дружбе безупречной и бесповоротной» (18 июля 1910 г.), и т. д. (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а, б).

[52] Подборка писем за 1909—1911 гг. представлена в публикации: «Наша любовь нужна России...» Переписка Е. Н. Трубецкого и М. К. Морозовой / Вступ. статья, состав., публ. и коммент. Александра Носова // Новый мир. 1993. № 9. С. 172–229; № 10. С. 174–215. Значительная часть переписки вошла в кн.: *Взыскующие града* (см.: Указатель публикуемых документов. С. 722–723).

деленной страстью к Л. Д. Блок; когда же эта страсть изжила и исчерпала себя, его чувственные влечения обрели новый объект – А. А. Тургеневу, с которой он и соединил свою судьбу в 1910 году. В этих обстоятельствах Морозова способна была предстать и раскрыться Белому уже не столько в образе недостижимой возлюбленной и «Души Мира», сколько в материнской ипостаси, любящей, отзывчивой и понимающей собеседницей; тем более и потому, что у родной своей матери, Александры Дмитриевны Бугаевой, он ни понимания своих интересов и проблем, ни утешения, ни даже уважения к своим занятиям не встречал[53]. Морозова знала ее неплохо («Я бывала довольно часто у матери Бориса Николаевича, с которой он жил вместе») и, при всей мягкости и сдержанности, отличающей ее мемуарные оценки и зарисовки, констатировала: «К сожалению, отец и мать Бориса Николаевича относились к его творческому пути не только критически, но и не признавали его и даже считали его самого не вполне нормальным. <...> Это все приносило Борису Николаевичу большие мучения. <...> Эмилий Карлович Метнер поехал летом к Бугаеву погостить у него в имении Серебряный Колодезь, Тульской губернии, и писал мне оттуда: "Александра Дмитриевна до ужаса чужда своему сыну, и он невыразимо страдает от этого; ему надо непременно жить отдельно, иначе его нервы не выдержат; ему мешают работать и критикуют каждый его шаг, явно считая занятия его – блажью, а самого его чуть ли не дармоедом". Я думаю, что это не преувеличено, хотя Борис Николаевич лично мне никогда не жаловался на отношение к нему матери»[54].

Тональность душевного созвучия и полного взаимопонимания, преобладавшая во взаимоотношениях Белого и Морозовой второй половины 1900-х годов, несколько изменилась в последующую пору; их контакты в начале 1910-х годов стали более «внешними», деловыми, встречи – менее

---

[53] Ср. анализ «материнского субстрата» в образе мистической возлюбленной у Белого в статье Моники Спивак «Андрей Белый, семь его возлюбленных и одна мать» (Эротизм без берегов. М., 2004. С. 222–232).

[54] *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 533–534. Приведенная цитата из письма Э. К. Метнера от 2 июня 1908 г. исправлена по автографу (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 а).

частыми (что отчасти объяснялось тем, что Белый много времени проводил вне Москвы). Отношения Морозовой с жизненной спутницей Белого, А. Тургеневой, не сложились. «Конечно, я совсем не знала Асю, – отмечает Морозова, – но насколько мне нравилась ее внешность, настолько, по-моему, от всего ее существа веяло холодом; она была какая-то непроницаемая, и мне казалась опасной»; «Завязать какие-нибудь отношения с Асей или даже побеседовать с ней интимно, мне так и не удалось»[55], – и это обстоятельство, разумеется, отразилось и на характере ее общения с Белым. Помимо личных причин, возникли и причины «общественные», которые привнесли в это общение дополнительный набор тем и проблем. Почти одновременно, в 1909—1910 годах, в Москве начали свою деятельность два новых издательских объединения – «Мусагет» под руководством Э. К. Метнера и при ближайшем участии Белого и «Путь», созданный по инициативе Морозовой[56]. Хотя оба объединения ставили религиозно-философские культурные ценности во главу угла и тем самым оказывались начинаниями дружественными и родственными между собой по основному пафосу, хотя участвовали в них люди, зачастую связанные между собой тесными и доброжелательными личными от-

[55] *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 537, 538. В одном из набросков, относящихся к ее мемуарному очерку о Белом, Морозова отмечает: «Мне иногда случалось ехать с Александрой Дмитриевной вместе от общих знакомых и увозить ее до дома. Мы тогда всегда говорили о Б<орисе> Н<иколаевиче>. Помню, что она была очень против женитьбы Б<ориса> Н<иколаевича> на Асе и, по-моему, правильно об этом рассуждала» (Там же. С. 544). Косвенным свидетельством настороженно-сдержанного отношения к А. Тургеневой со стороны Морозовой служат суждения Э. К. Метнера в письме к ней от 10 августа 1911 г.: «Я вовсе не *против* Аси; она очень мила и любит Бориса Н<иколаевич>а, но есть ужимки и выверты, которые нам с Вами, дорогой мой друг, не могут не претить (особенно Вам: Вы — воплощенная естественность и гармония); — — — у Бориса Н<иколаевич>а по наследству от его матери имеются уже *свои* гримасы и кривляния, теперь к ним присоединятся тургеневские...» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б).

[56] См.: Голлербах Евгений. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 66–75. Деятельность Морозовой как основательницы и руководительницы «Пути» отражена в подготовленных Н. А. Струве публикациях писем к ней С. Н. Булгакова (Вестник Русского Христианского движения. 1985. № 144. С. 123–135) и Г. А. Рачинского (Там же. 1985. № 145. С. 153–171).

ношениями, тем не менее в идейных установках «Мусагета» и «Пути» прослеживались вполне определенные признаки антагонизма, чреватые и внешней конфронтацией.

«Мусагет» был сформирован как сугубо «западнический», и даже германофильский, по своим тяготениям идейный центр, ориентированный в области философии на неокантианство, в области религиозной мистики – на мыслителей западноевропейского Средневековья и Возрождения, в синтетических культуросозидательных установках – на традиции Гёте, Вагнера, Ницше; «Путь» задумывался как издательство, развивающее традиции русской национальной религиозно-философской и общественной мысли, как объединение мыслителей, в той или иной мере причастных к современному «неославянофильству». Создавалась почва, на которой Белый и Морозова могли оказаться в противоположных и конфликтующих между собой идейных станах, – однако такой ситуации тогда не возникло, зримых проявлений ее не обнаружилось (если не считать одного раздраженного письма Белого, написанного, видимо, в мае 1910 года и до адресата, скорее всего, не дошедшего). С одной стороны, Белый-«мусагетец» был непоследователен в своих установках и, защищая сначала от «славянофильской» косности научную методологию философского знания, готов был вскоре с тем же пафосом и в противовес Западу восхищаться российским «неевропейством»; с другой – Морозова, предоставляя свои издательские возможности для высказывания славянофильствующим мыслителям, внимала все же с наибольшим доверием и пониманием «соловьевцу» Евг. Трубецкому, одному из самых деятельных авторов «Пути», трезво и скептически оценивавшему «почвеннические» утопические проекты и со всей резкостью выступавшему против национального самолюбования[57].

[57] Ср., например, письмо Трубецкого к Морозовой от 31 марта 1911 г.: «Говорить о святости русской общественности *теперь*, когда Россия создала самую безобразную государственность на свете, когда в сфере общественности она вечно колеблется между жандармократией и пугачевщиной, – просто неприлично! Значит, в устах наших друзей слова "Народ-Богоносец" – старая, разбитая скорлупа без старого, да и без нового смысла, мертвая формула. <...> Ветхий Завет был действительно заключен *с одним народом* – еврейским; но после того <...> особого Завета с Россией Бог не заключал. Новый Завет – не национальный, а вселенский, а потому никакого *особого* "Народа-Бо-

Идейное и жизненное размежевание Белого с Морозовой началось все же в 1912 году, когда, уехав вместе с А. Тургеневой за границу (и получив, в частности, денежный аванс под книгу, обещанную «Пути»), он вскоре был «полонен» Рудольфом Штейнером и его антропософской доктриной, остался на несколько лет за границей и, не встретив сочувствия и понимания в своем антропософском «ученичестве» у многих прежних московских друзей, прервал с Москвой все традиционные связи. Морозова была одной из немногих, кто пытался понять и принять Белого в его новом духовном статусе, однако ни сочувствующей антропософскому учению, ни тем более его последовательницей она стать не могла. В многостраничных письмах Белый со всем усердием пытался растолковать Морозовой закономерность и смысл своего приобщения к штейнерианству, однако желаемого отклика на сей раз, по всей видимости, не встретил. «Я ужасно сожалею, что я, хотя очень скромно и осторожно, но <...> выражала свои сомнения», – пишет Морозова по этому случаю в воспоминаниях о Белом[58]. Их переписка заглохла, чтобы

гоносца" быть не может. *Богоносцами* должны быть все народы; игнорировать это – значит подменивать христианское – русским. Из всего славянофильства наши друзья выставляют вперед как знамя именно самое ядовитое и вредное, что в нем было» (*Взыскующие града*. С. 383–384). О том, что в споре между Трубецким и «неославянофилами» (в том числе В. Ф. Эрном, их наиболее радикальным представителем) Морозова в большей мере солидаризировалась с Трубецким, свидетельствует ее письмо к Э. К. Метнеру от 3 апреля 1915 г.: «Вы наверно знаете о разных выступленьях Эрна и Евген<ия> Никол<аевича>. Эти выступления выражают два теченья, которые будут спорить долго! Спор этот меня очень волнует и мучит! Такие люди, как Эрн, или лучше сказать, такое искажение основных и святых идей, очень вредит их торжеству. Теперь или никогда нужно поставить перед сознанием интеллигенции религиозную и национальную идею. А Эрн и большие массы, которые будут идти за ним, губят всё и толкают в другую сторону! И религиозное и национальное должно быть по-новому понято и освещено, и это дело будущего, но надо расчищать пути» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 30).

[58] *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С. 542. Морозова пыталась разобраться в ситуации также с помощью Э. К. Метнера, которому писала в Цюрих 3 апреля 1915 г.: «Мне хотелось бы, чтобы Вы мне написали о Борис<е> Никол<аевиче>, Асе и всех Ваших впечатленьях штейнерьянства и «Его» самого <Штейнера. – *Ред.*> <...> я бы хотела получить письмо об этом, чтобы лучше вдуматься во все» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 30). В ответном письме (Цюрих, 1/14

возобновиться – но уже главным образом по формальным поводам – в 1916 году, по возвращении Белого из-за границы. Возобновились и прежние регулярные встречи, но ненадолго; в революционные месяцы и затем в большевистской Москве они происходили лишь от случая к случаю.

После 1917 года жизнь Морозовой резко изменилась: в 1918 году ее особняк в Мертвом переулке (приобретенный ею в 1914 году за 160 тыс. руб.) был реквизирован, в нем разместили Отдел по делам искусств при Наркомпросе (позднее там размещалось норвежское посольство); хозяйке новые власти милостиво выделили в подвале ее дома две комнаты для прислуги, где она и поселилась вместе с сестрой Е. К. Востряковой[59]. Дочери Морозовой уехали за границу (старшая – еще накануне революции), там же оказались многие из ее ближайшего окружения; Е. Н. Трубецкой, вынужденный бежать из Москвы весной 1918 года, скончался в Новороссийске 23 января 1920 года.

Андрей Белый остался одним из немногих свидетелей и участников ее прежней жизни, но и с ним отношения приобрели эпизодический характер, освещаясь лишь воспоминаниями о давно прошедшем: единственное известное нам его письмо к ней пореволюционного времени насыщено впечатлениями от поездки на Кавказ, которая всколыхнула в нем юношеские мифотворческие переживания. Морозова встретилась с новой жизненной спутницей Белого: «Как-то он меня пригласил зайти к одним знакомым и там познакомил с молодой женщиной, о которой говорил, как о своей

июня 1915 г.) Метнер известил Морозову о разрыве своих отношений с Белым и высказался о «штейнерианцах» в целом: «Говорить с ними нельзя, т<ак> к<ак> всегда окажешься в дураках, чтобы избежать скандала и не назвать болванами их самих. На Асю я накричал и окончательно поссорился снова с Бугаевым. Это двуглавая кошка Борася, которой хочется крикнуть *брысь*» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б). Сам Белый причислял Морозову к тому кругу своих московских знакомых и друзей, которые негативно относятся к его антропософскому «ученичеству»; еще в октябре 1913 г. он писал матери в этой связи: «... вероятно, придется мне выйти из Религ<иозно->Фил<ософского> О<бщест>ва, прервать всё с Морозовой, Булгаковым и т. д. Фанатики они: действительно они нас просто теснят за антропософию» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[59] См.: Думова Наталья. «Сказка» Старого Арбата // Арбатский архив. С. 227, 233.

будущей жене. Это была Клавдия Николаевна Васильева. Клавдия Николаевна мне сразу очень понравилась своим очень миловидным, чистым лицом и особенно своими большими голубыми прелестными глазами. Впечатление мое было очень определенно светлое, и я ужасно обрадовалась за Бориса Николаевича и очень успокоилась за его судьбу»[60]. Однако эта встреча не способствовала новому сближению. «Последние 3–4 года его жизни мне не удалось видеть Бориса Николаевича, вследствие больших трудностей моей семейной жизни <...>, – сообщает Морозова. – Борис Николаевич жил за Москвой, в Кучине. Он меня звал к себе, но я была принуждена отказаться от поездки к нему, о чем ему и написала. Ответа я от него не получила и поняла, что он на меня обиделся. Это меня огорчило, но я себя успокоила тем, что успею загладить неприятное впечатление в самом ближайшем будущем. На этом я успокоилась. И вдруг я узнаю о серьезной болезни и совсем для меня неожиданной смерти Бориса Николаевича. Всегда с большой грустью вспоминаю эти дни, они так всколыхнули все лучшее и светлое нашей долгой дружбы, которое всегда останется одним из лучших воспоминаний моей жизни»[61].

Трудности жизни, о которых вскользь упоминает в своем мемуарном очерке Морозова, ей на склоне лет пришлось испытать немалые. В 1930-х годах ее с сестрой выселили из подвала, где они продолжали ютиться; после этого они жили в подмосковном Лианозове, затем – в Москве на Покровке, в комнатке под лифтом. «Лишь в 50-х годах окончательно решился вопрос с жильем: сестры получили две комнаты в новом доме на Боровском шоссе. <...> Свой девятый десяток Маргарита Кирилловна доживала в беспросветной нужде, существовала за счет материальной помощи нескольких друзей»[62]. Скончалась она в Москве в 1958 году, пережив на шесть лет своего сына Михаила.

Когда-то, делясь в письме к Е. Н. Трубецкому своими впечатлениями от прочтения Вл. Соловьева, Морозова отмечала, что этот мыслитель «удивительно ярко выражает полноту жизни как согласование вечного, идеального и

[60] *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 543.

[61] Там же. С. 544.

[62] Думова Наталья. «Сказка» Старого Арбата // Арбатский архив. С. 235.

деятельного начала»[63]. Сочетание этих начал, как нам представляется, наглядно заявлено всем индивидуальным обликом самой Морозовой. В этом отношении мистическая интуиция в свое время не подвела московского студента Бориса Бугаева, соединившего свои грезы и представления о «Сказке», «Душе Мира», «Вечной Женственности» с одним из самых выразительных и полнокровных, знаковых женских образов, которые способна была явить Москва в первые десятилетия XX века; с личностью, в которой духовные порывы, душевная теплота и недюжинная созидательная энергия сливались в гармоническом синтезе. Уникальность этой личности чувствовал и осознавал не один Андрей Белый. «Не могу сказать, чтобы я очень близко знал Маргариту Кирилловну, – писал много лет спустя после «мусагетско»-«путейских» прений, в эмиграции, Ф. А. Степун, – и все же память о ней с годами все крепнет в душе. Может быть, потому, что, вспоминая свое последнее перед высылкой из России посещение этой замечательной женщины, не пожелавшей эмигрировать, я невольно чувствую, что в советской Москве пока еще жива и моя Москва»[64].

Письма Андрея Белого к М. К. Морозовой сохранились, по всей вероятности, не в полном объеме (в частности, Морозова сообщает: «Последнее, полученное мною, письмо датировано 30-м годом»[65], – однако этот текст нам неизвестен).

Часть писем Андрея Белого к М. К. Морозовой приведена или процитирована в ее мемуарном очерке о писателе (см.: *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 527–542; Воспоминания об Андрее Белом / Сост. и вступ. статья В. М. Пискунова. Коммент. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. М.: Республика, 1995. С. 31–47). Кроме того, письма Андрея Белого к Морозовой 1912–1913 годов были напечатаны Джоном Малмстадом в составе его публикаций «Андрей Белый и антропософия» (Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1988. Вып. 6. С. 415–440) и «Андрей Белый в поисках Рудольфа Штейнера. Письма Андрея Белого

[63] Письмо от 8 июня 1909 г. // Новый мир. 1993. № 9. С. 181.
[64] Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. Т. 1. С. 258–259.
[65] *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 531.

А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой» (Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 111–160).

Все известные нам письма Андрея Белого к М. К. Морозовой печатаются в настоящем издании по автографам. Подавляющее большинство их хранится в фонде М. К. Морозовой в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф. 171. Карт. 24. Ед. хр. 1 а, 1 б, 1 в, 1 г; Карт. 2. Ед. хр. 83 – письмо 7). Кроме того, три письма Белого к Морозовой хранятся в фондах Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 11 – письма 95, 99) и в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 4. Ед. хр. 13 – письмо 130).

92 письма Морозовой к Белому хранятся в его фонде в РГБ (Ф. 25. Карт. 34. Ед. хр. 1–8). В примечаниях к письмам Белого приводятся некоторые из них.

Особую сложность при подготовке настоящей публикации представляло собой то обстоятельство, что значительная часть писем Андрея Белого и почти все письма Морозовой к нему не имеют авторских датировок, конверты к ним (по почтовым штемпелям на которых можно было бы установить дату отправления и получения) в большинстве случаев не сохранились, а в тексте самих писем очень часто отсутствуют упоминания тех или иных фактов и реалий, в соотнесении с которыми правомерно закреплять данное письмо в определенном месте общего хронологического ряда. Не имея во многих случаях достаточно веских оснований для размещения значительного числа писем в более или менее достоверно определяемой хронологической последовательности, мы приводим эти документы под рубрикой «Недатированные письма», в которой последовательность расположения текстов условна (некоторые соображения относительно предполагаемой датировки отдельных писем даются в примечаниях к ним).

Список условных сокращений

Андрей Белый. Проблемы творчества – Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации / Сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М.: Сов. писатель, 1988.

Белый – Блок – Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М.: Прогресс–Плеяда, 2001.

Взыскующие града – Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках <...> / Сост, подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. И. Кейдана. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

ГЛМ – Отдел рукописей Гос. литературного музея (Москва).

РНБ – Отдел рукописей Рос. национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург).

ЛН. Т. 85 – Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976.

Материал к биографии – Андрей Белый. Материал к биографии // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3.

Между двух революций – Андрей Белый. Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова М.: Худ. лит., 1990.

Начало века – Андрей Белый. Начало века / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М.: Худ. лит., 1990.

О Блоке – Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М.: Автограф, 1997.

Ракурс к Дневнику – Андрей Белый. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100.

РГАЛИ – Российский гос. архив литературы и искусства (Москва).

РГБ – Отдел рукописей Российской гос. библиотеки (Москва).

ЦГИАМ – Центральный гос. исторический архив г. Москвы.

Многоуважаемая
Маргарита Кирилловна,

Захотелось безумно сказать Вам — пусть, кощунствуя, чрезъ посредство, что Вы — Светлое Видение. Не знаю, чему радуюсь, чему улыбаюсь, глядя на Васъ, — но смеюсь, улыбаюсь, радуюсь.
Душа моя сiяетъ.

[illegible]

Москва [illegible]

Автограф письма Андрея Белого

1

Март 1901 г. Москва[1]

«Зачем опять любовь
И грустные волненья...»
«Il croit que c'est un signe étrange,
Il croit que c'est une source d'or
Il croit que c'est un jeu des anges...»
(M. Maeterlinck)[2].

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Человеку уже давно заснувшему для жизни живой извинительна некоторая доля смелости. Для кого мир становится иллюзией, – тот имеет бо́льшие права. Кто в действительности открыл вторую действительность, – тот вне условий....

Если Вам непонятно мое письмо, смотрите на него так, как будто оно написано не Вам, но Вашей Идее....

Мы все переживаем зорю... Закатную или рассветную? Разве Вы ничего не знаете о великой грусти на зоре? Озаренная грусть перевертывает все; она ставит людей как бы вне мира. Заревая грусть, – только она вызвала это письмо....

Близкое становится далеким, далекое – близким; не веря непонятному, получаешь отвращение к понятному. Погружаешься в сонную симфонию....

Разве Вы ничего не знаете о великой грусти на зоре?...

Так тяжело оставаться без молитвы! Если Вы знаете, что такое молитва, Вы не осудите меня...

Вы не осудите молитву!

Мы устали от вечной зори. Мы проделали все, что следовало, но солнце не взошло, зоря не погасла...

Мы простились с философией, спели нашу милую, цыганскую песенку – поклонились Ницше до земли. Мы думали – великан встает у горизонта; над его головой показались два месячных рога; они растопили великана: это был только синий купол тучи; он растаял на вечернем небе перед изумленными поклонниками....

Мы тщетно ожидали *«Нового Иерусалима»*, который все спускается с неба, все не может спуститься – неохристианство обмануло...

Солнце не взошло, зоря не погасла...

Мы повесили над прошлым безмирный цветок, обратили взор к далекому Бенаресу[3], ждали новых времен... Новые времена не приносили новостей. Новые времена затенились прошедшим...

Солнце *опять* не взошло, *но и зоря не погасла...*

И вот мы очутились одни, с зорей, как и прежде... Выпили чашу до дна и на дне увидали собственное отражение, насмешливое... Ужаснулись до крайних пределов, возвратились, вернулись обратно... детьми... Мы остались всё теми же ницшевскими *«канатными плясунами»*, балансирующими над бездной!..[4]

...Только канатными плясунами!...

Но все изменилось... Я нашел живой символ, индивидуальное знамя, все то, чего искал, но чему еще настало время совершиться. Вы – моя зоря будущего. В Вас – грядущие события. Вы – философия новой эры. Для Вас я отрекся от любви. Вы – запечатленная! Знаете ли Вы это?...

Когда я подошел к бездне, дошел до конца, *«явилось великое знамение на небе: Жена облеченная в солнце; под ее ногами луна и на голове ее венец из двенадцати звезд»* (Иоанн)[5]. Тайна обнаружилась.

Вы – запечатленная! Знаете ли Вы это?

С тех пор мне все кажется, будто Вы мой товарищ.... по тоске, будто я сорвал нетленную розу, раздвинул небо, затопил прошлое....

Вы – запечатленная! Знаете ли Вы это?

Я осмелился Вам писать только тогда, когда все жгучее и горькое стало ослепительно ясным. Если Вы спросите *про себя*, люблю ли я Вас, – я отвечу: «*безумно*». Но из боязни, что Вы превратно поймете мою любовь, – я объявляю, *что совсем не люблю Вас.*

Вот безумие, прошедшее все ступени здравости – лепет младенца, умалившегося до Царствия Небесного. Не забудьте, что мои слова – только молитва, которую я твержу изо дня в день, – только коленопреклонение....

Молитва и коленопреклонение!

Каждый человек имеет несколько «raisons d'être»*. Он – и сам по себе, и символ, и прообраз. Мне не надо Вас знать как человека, потому что я Вас узнал как символ и провозгласил великим прообразом...

Вы – Идея будущей философии!..

Ваш рыцарь.

---

[1] Приписка под текстом: «Первое письмо 1901-го года. М. Морозова».

[2] 2-й эпиграф – заключительная строфа (без последней строки: «Il se détourne et passe encore...») 1-го стихотворения («Elle l'enchaîna dans une grotte...») из «Пятнадцати песен» («Quinze chansons», 1900) Мориса Метерлинка. Ср. в переводе Г. И. Чулкова (1905):

Не понял он знаков во тьме,
Он думал: родник золотой –
Иль ангелов игры во мгле;
<И той же бредет он тропой...>

[3] Бенарес (Варанаси) – древний город в Индии (возник около VII в. до н. э.), место религиозного паломничества индуистов и буддистов.

---

* разумных оснований (*фр.*).

[4] Образ из части 1-й («Предисловие Заратустры», 3, 6) философской поэмы Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» («Also sprach Zarathustra», 1883–1885).

[5] Откр. XII, 1 (неточная цитата).

2

21 марта 1901 г. Москва

Москва. 21 марта 1901 года

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Простите мне мое безумное письмо[1]. Когда больной говорит «мне больно», он знает, что ему от этого не станет легче. Он просит лишь немного сочувствия... ...А я болен....

Но мне не надо сочувствия. Мне только хочется Вам сказать, что где-то «там» Вас любят до безумия...

...Нет, не любят, а больше, гораздо больше... быть может, ненавидят....

«Там» Вы являетесь глубоким, глубоким символом, чем-то вроде золотого, закатного облака...

«Там» Вы – туманная сказка, а не действительность...

«Оттуда» Вас созерцают в каком-то прозрении, как далекую, утреннюю зорю. Мысль о Вас равносильна набатному звону, зовущему вверх...

...Это любовь или бредни?...

Вижу улыбку презрительного сожаления на Ваших чудных устах! Но я горд и не обижаюсь... ...Я знаю – заревые облака бывают *часто* холодны, как туман, равнодушны и безжалостны...

Простите меня и не сердитесь за лихорадочный бред, с которым я обращаюсь к Вам в первый и последний раз. Разрешите мне одну только милость: позвольте мне смотреть на Вас и мечтать о Вас, как о светлой сказке. Пусть она будет невозможна, но и невозможное кажется близким; и невозможное своим светом обращает действительность в сон.

...Простите ли Вы меня?... Мне больно...

---

[1] Вероятно, имеется в виду п. 1.

3

Не ранее середины февраля 1902 г. Москва[1]

...Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод.
Вл. Соловьев[2].

Весь горизонт в огне... И близко появленье...
Я озарен, я жду твоих шагов.
А. Блок[3].

Нет, не тебя так пылко я люблю.
Лермонтов[4].

Ночь. Жемчужное просветление смеется из-за тучи. Оно смеется. Я смотрю перед собой из окна и жду розовой полоски. Говорю себе: «Не окрасятся ли тучки? Не застыдятся ли они от Ее улыбки?»...

Я говорю: «Не засияет ли зоря? Я люблю мою зорю. Это моя зоря, моя зоря...»

Я Вам писал, что Вы – идея всей философии будущего, философия зори – теософия. Да.

Светозарна философия зорь. Пелена за пеленой спадает на горизонте, и вот, пока небо темно над головой, у горизонта оно жемчужное. Оно жемчужное. Да.

Если в Вас воплощение Души Мира, Софии Премудрости Божией, если Вы Символ Лучесветной Подруги – Подруги светлых путей, если, наконец, зоря светозарна, просветится и горизонт моих ожиданий.

Моя сказка, мое счастье. И не мое только. Мое воплощенное откровение, благая весть моя, тайный мой стяг.

Развернется стяг. Это будет в день Вознесения.

В безвременье ушли от меня лучшие друзья мои. В эту душную ночь вспоминаю тех, кого лишился. Вижу ласковые жемчуга. Это жемчуга восхожденья. Значит, близка зоря.

Бросаю крик мой в созвездья. И не на Вас смотрю я, смотрю на Ту, которая больше Вас. Та близится, ибо время близко. «*Я озарен*»....

Ваш рыцарь.

---

[1] Приписка под текстом (слева от эпиграфов): «1901 г. М. Морозова».

[2] Цитата из стихотворения «Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям» («Черти морские меня полюбили...», 1898). См.: Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 121 («Библиотека поэта». Большая серия).

[3] Первая строка – из стихотворения «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (4 июня 1901), вторая – из стихотворения «Бегут неверные дневные тени...» (4 января 1902 г.). Оба стихотворения ко времени написания письма не были опубликованы. Автограф второго стихотворения Блок отправил в Москву семейству Соловьевых, видимо, в январе или первой половине февраля 1902 г.; отклик на него содержится в письмах к Блоку С. М. Соловьева (от 14 февраля 1902 г.) и М. С. Соловьева (от 20 февраля 1902 г.). См.: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. Кн. 1. С. 326–327, 409. С обоих стихотворений Белый сделал рукописные копии, которые сохранились. См.: Котрелев Н. В. Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Там же. С. 244, 245; Блок А. А. Полн.собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 1. С. 511 (примеч. З. Г. Минц).

[4] Начальная строка стихотворения (1841).

4

26 января 1903 г. Москва

Многоуважаемая Маргарита Кириловна!

Люблю. Радуюсь.

Сквозь вихрь снегов, восторг метелей слышу лазурную музыку Ваших глаз. Лазурь везде.

Со мной небо.

И зоря моя не угасла. Вижу ее – мою розу – мировую, нетленную, чистую розу –

– лучезарно-мистическую.

Тучи снегов заметают границы жизни и смерти, но зоря моя не угасла. Вздохи снежных метелей и высоки, и восторженнобурны, но еще выше лазурь знакомых глаз.

Христос – наше Солнце. Солнце близится. Оно близится. Наша Радость, Звезда наша – Она с нами.

Благословляю. Братски целую Вас – люблю Вас, сестра моя во Христе.

Христос с Вами.

P.S. Опять замолчу.

Москва 1903 года. 26 января.

5–7
НЕДАТИРОВАННЫЕ ПИСЬМА 1901–1903 гг.

5

Туча – душа моя; угрюмая, холодная, вихряная.

Встало, блеснуло, смеялось – солнце.

Пошел белый снег.

На полях легла туча снегом. Истаяла белизной.

Стало небо голубое, голубое. Свету было много...

— «*Знаю, знаю*».

Ясно радуюсь.

Христос с Вами, мой друг, моя сестра, солнце.

Ваш рыцарь.

6[1]

Тихая моя радость, сказка радостная, сказочная моя страна, моя странная, странно мне мерцающая заря – моя заревая тишина, тихая моя радость!

Мне не сказать, как я Вас люблю.

Со мной сейчас тихий восторг и тихий мой свет – со мной, вот сейчас!

Пишу – улыбаюсь, улыбаю<сь> – и грустно, улыбаюсь и пишу....

Мне грустно... Льются звучные струи лазури, и светлые струны, и жемчуговая нежность, и лебеди – плывут лебеди...

И душа – тоже лебедь.

Она плещется крыльями в голубом озере: и плещется вокруг души голубое озеро – озеро эфиров.

Кругом эфир.

Почему я не на родине? моя родина голубая: она была со мной, она – душа, душа – заря, заря – в небе; душа – небо; на небе – земля; на земле – я.

Как случилось, что голубой цветок, расцветающий в сердце, улетел от меня голубым мотыльком – и там, в вышине вырос в голубую мою, в мою вечно летящую птицу, в Вечность.

И Вечность моя, небо мое – небо души – стало надо мной далеким, недостижимым, вечно убегающим куполом.

Милая, скажите, почему?

Милая, милая – мне хочется плакать: я *здесь* совсем маленький, а *мое* – такое большое, голубое, родное... там над головой.

Я – небо, и вот я не на небе; к нему простираю я руки; я не с небом, и я не с Вами, я с *собой*, с собой говорю: я зову себя, я влюблен в себя самого – вон там за гранью времен я зову самого себя, я зову Вас, я всех зову: «Пора, пора»...

Милая, я – не я.
Кто же я? Милый
меня зовет... Кто же это?

В бархате мира, в голубом, неземном, огневом бархате *Я*, идущий сквозь время в огне мира... Я – огонь: я сжигаю эфиром миры и я созидаю миры.

Я спустился в неизвестное, называемое «Земля»... Как странно: этого слова я никогда не слыхал.

Какой-то бедный ребенок и плачущий простирает мне руки; такой жалкий, такой бессильный: я унесу бедного ребенка из юдоли земной: – и я уже его несу: «Ты кто, дитя?» – «Я – я»... «Кто же ты, мой маленький я?» – «Я – Твой: я – Ты...»

Я наклоняюсь над ним, над собой: я осеняю его знаменьем вечного, целую его, говорю: «Милый, я еще приду, я еще вознесу – прощай, прощай...»

Я сижу на острове: маленький островок, омытый лазурью. Я смотрю на небо, и мне снится, что я там проходил с ребенком в сквозных эфирных руках; кого я нес? Над кем склонялся? Вспомнить бы!.. И грустно, и ласково... На острове гавань: там плавают лодки с огневыми парусами, на парусе надпись: «Комета»; гавань называется: «Земля».

Милая моя, радостная – посмотрю на Вас и вспоминаю родину; и хочется тихо склониться у Ваших ног, чтоб тихо склонились Вы, как милая сестра, как нежный друг, и улыбнулись мне сном: тот сон – мой сон; от Вас плывут милые сны... Милая, милая, ради Бога простите эту бессвязность.

Грустно и радостно... Милая, милая... Мы все лишь снимся...

---

[1] На первом листе текста, в верхнем левом углу голубой тисненой бумаги печатный оттиск: фигура крылатой женщины, которая несет крылатого ребенка с факелом.

7

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Жемчужное облако пришло ко мне, опять улыбнулось зорей. Жемчужное, матовое облако!..

Как дитя, смеюсь моей сонной сказке, сестра моя во Христе. Вы открыли мне глаза, и я увидел то, что навсегда осталось мне видным. Глубокое уважение, нежная привязанность и отблеск священной, братской любви запал мне в душу. Мне не нужно ни лично Вас знать, ни знать, как Вы ко мне относитесь. Мое блаженство в том, что *я* Вас считаю сестрой в духе.

Вот и все.

Ваш рыцарь и брат.

8

12 мая 1905 г. Дедово[1]

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,
спасибо, спасибо за Ваши любезные слова и за приглашение. Буду у Вас непременно. Все так ясно. Сейчас смотрю на зорю – не багряное ли это вино, не мировое ли это причастие? Тайна Причастия, загаданная Христом, еще не разгадана нами. Мы должны ее разгадать, мы должны стать сопричастны солнцу. Но что я пишу? Это просто слова, порозовевшие от зори – слова, принесенные ветром.

Вспоминаю Ваш образ и безумно смеюсь ветру в лицо. И бросаю в ветер голубые незабудки, потому что небо – душа всех вещей – только вечный океан незабудок.

Бесконечно преданный Вам

Борис Бугаев.

Дедово. 12 мая. 05 года.

---

[1] Первое датированное письмо Белого после его личного знакомства с Морозовой в апреле 1905 г. Ср. ретроспективные свидетельства: «*Апрель.* Этот месяц для меня отмечен знакомством с Маргаритой Кирилловной Морозовой; я посещал лекции у нее на дому; мадам Оленина нас познакомила <...> *Май.* Посещения Морозовой <...>» (*Материал к биографии.* Л. 52). Упоминается либо художница В. А. Оленина, либо ее сестра, камерная певица М. А. Оленина-д'Альгейм.

9

Середина мая (?) 1905 г. Москва

Что-то мучило меня все утро. Все утро прятал лицо в сиренях. В благоухании растаяли мысли, как тучи. Распахнулось голубое пространство души – голубая бездумность. Стало ясно.

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

И опять пишу Вам. Пишу о том, что меня тянет к Вам, точно я Вас знаю давно, давно. Но еще не знаю, *кто Вы.* Хочу говорить с Вами – много говорить – не теперь, когда-нибудь, потом....

Вот я пишу.

Не знаю, хорошо или дурно, что пишу. Если письмо мое – диссонанс, простите. Ведь я часто точно слепой, погруженный в транс. Говорю с другими, как с собой.

Вот и все...

Глубокоуважающий Вас и искренне преданный

Борис Бугаев.

P.S. Сегодня уезжаю[1]. Безумно захотелось написать два слова. Простите, если это покажется Вам нетактичным.

---

[1] Подразумевается отъезд в Дедово (подмосковное имение А. Г. Коваленской, бабушки С. М. Соловьева), где Белый проводил май и июнь 1905 г., время от времени наведываясь в Москву.

10

26 мая 1905 г. Дедово

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Помня Ваше любезное приглашение заехать к Вам летом[1], я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой *совершенно откровенно сказать мне*, не помешаю ли я Вам, если приеду числа 15, 16, 17-го июня (мне все равно). Тут у меня как раз освобождается время. Если в каком бы то ни было отношении мой приезд неудобен в это время, ради Бога скажите мне. Остаюсь глубокоуважающий Вас и ***всегда*** преданный

Борис Бугаев.

1905 г. мая 26.

P.S. Мой адрес: Николаевская жел<езная> дор<ога>. Станция Крюково. Сельцо Дедово. Имение Александры Григорьевны Коваленской. Здесь я до 10-го июня. С 13-го я в Москве. Там мой адрес: Арбат, д. Богдановой, кв. 7.

P.P.S. У меня находится рукопись для Д. С. Мережковского, которую Эрн, не зная адреса, переслал мне, полагая, что я знаю, где сейчас Мережковский[2]. Но кроме открытки я ничего не получал от Мережковского. Он сейчас или в Крыму, или в Константинополе, или возвращается в Петербург.

Может быть, мне отправить рукопись по петербургскому адресу? Тогда не ручаюсь, когда рукопись будет получена Мережковским. Или же дождаться письма и послать по точному адресу? Если можно, скажите, Маргарита Кириловна. Буду ждать ответа[3].

---

[1] Имеется в виду приглашение приехать в дачную усадьбу Морозовых. В мемуарном очерке «Андрей Белый» Морозова сообщает: «Я его пригласила к нам в деревню, в Поповку, находившуюся на Волге, в двадцати пяти верстах от Твери...» (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С. 529).

[2] В. Ф. Эрн находился в это время в Тифлисе (см.: *Взыскующие града*. С. 69). Присылка рукописи, возможно, имела отношение к деятельности возникшего в начале 1905 г. по инициативе Эрна и В. П. Свенцицкого «Христианского Братства Борьбы» и к подготовке задуманных этим объединением изданий (см.: Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 227–228); весьма вероятно также, что речь идет о рукописи одной из двух статей Эрна, опубликованных в петербургском журнале «Вопросы Жизни», – «О движении среди грузинского духовенства» (1905. № 8. С. 273–291. Подпись: В. Э.) или «Христианское отношение к собственности» (1905. № 8. С. 246–272; № 9. С. 361–382).

[3] Морозова отвечала Белому:

Любезный Борис Николаевич!

Я всегда откровенна и потому повторяю Вам, что Вы нас не только не стесните, но, право, *очень* порадуете своим приездом. Относительно числа боюсь говорить, т<ак> к<ак> у меня, *может быть,* будет одно сериозное дело, именно около 15-го. Я узнаю об этом в последнюю минуту и потому не могу ничего Вам сейчас сказать. Во всяком случае напишу Вам 13-го июня в Москву и надеюсь Вас видеть. Насчет рукописи, очень прошу Вас послать ее Мережковскому *заказным* письмом в Петербург, если у Вас есть его постоянный адрес. Пожалуйста, пошлите эту рукопись наверно или верните ее мне в Москву.

Преданная Вам

М. Морозова.

Северная симфония прелестна, но конец как-то меня охладил, не удовлетворил. Скажите Серг<ею> Михайл<овичу> Соловьеву, чтобы он приехал с Вами.

11

3 июня 1905 г. Дедово[1]

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Непременно приеду к Вам. Если нельзя 15-го, могу приехать после 20-го: так 24-го. Тут у меня заканчивается работа одна и освобождается время. Буду в Москве в таком случае 13-го и 14-го ждать Вашего письма, а потом до 20<-го> заеду к А. А. Блоку на Подсолнечную и к В. И. Танееву в Клин[2]. Рукопись отсылаю заказной бандеролью по постоянному адресу Д. С. Мережковскому (С<анкт–> П<етербург>. Литейный 24).

Очень тронут, что *Северная Симфония* Вам понравилась[3]. Это – вещь очень молодая и глубоко несовершенная в художественном отношении, хотя я касался нот, мне близких. Последняя часть ввиду ее христианского уклона после Ницше просто глупость. После Ницше христианство возможно лишь как *динамит*, как «*огнь попаляющий*»[4], а не как пастушеская идиллия над бездной. *Когда писал, был еще очень глуп.*

Остаюсь глубокоуважающий Вас и всегда преданный

Борис Бугаев.

05 года 3-го июня.

P.S. Сережа[5] очень благодарит Вас за любезное приглашение, но просит передать, что, кажется, не может воспользоваться им ввиду того, что ему надо посетить нескольких родственников.

---

[1] Ответ на письмо Морозовой, приведенное в примеч. 3 к п. 10.

[2] В недатированном письме к матери из Дедова Белый сообщал: «... меня ужасно приглашают к Морозовым, куда вероятно заеду после Блоков <...>» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). Поездка Белого в Демьяново, имение В. И. Танеева (Клинский уезд Московской губ.) тогда не состоялась. В Шахматове у Блока и его семьи (близ станции Подсолнечная Николаевской жел. дор.) Белый и С. М. Соловьев гостили в середине июня 1905 г. См.: *О Блоке.* С. 173–186; *Между двух революций.* С. 24–34.

[3] «Северная симфония (1-я, героическая)» Андрея Белого (М.: Скорпион, 1904), написанная в 1900 г., вышла в свет в октябре 1903 г.

[4] Ср.: «... на устах его как бы огонь палящий» (Притч. XVI, 27).

[5] С. М. Соловьев.

12

23 июня 1905 г. Москва

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,
с большим сожалением приходится мне известить Вас, что не могу воспользоваться Вашим любезным приглашением. Чувствую себя сейчас слишком нервным и усталым[1]. Последние недели мне приходится переживать мучительный внутренний кризис, который доводит меня подчас до невменяемости. Если бы я приехал теперь к Вам, я все время бы мучился тем, что не могу вполне владеть собой.

Приходится поэтому не воспользоваться Вашим любезным приглашением. Спешу в деревню[2].

Остаюсь глубокоуважающий и всегда преданный

Борис Бугаев.[3]

23-го июня. 05.

---

[1] В этих признаниях – отражение той конфликтной ситуации, которая возникла во время пребывания в Шахматове между Белым и С. Соловьевым, с одной стороны, и Блоком и его матерью, А. А. Кублицкой-Пиоттух, с другой. См. примеч. 2 к п. 11.

[2] Подразумевается семейное имение Бугаевых Серебряный Колодезь (Старогальская волость Ефремовского уезда Тульской губ.).

[3] Морозова отвечала Белому из Поповки в недатированном письме:

Очень, очень хочу Вас видеть! Я только очень жалею, что это время буду свободна только от 1-го июля начиная до 4-го, 5-го июля – это очень немного! После 22-го июля я буду свободна до 28-го! Жалею, что Вы не могли приехать в июне, т<ак> к<ак> я все время дома. Теперь, в июле, я буду менее свободна! Очень, очень, очень Вас жду и прошу приехать непременно. 1-го июля приезжайте непременно в 12 час. дня, из Москвы есть пассажирский поезд, поезжайте с ним, это лучше, т<ак> к<ак> теперь дорога ужасная и лучше ехать днем. Дайте телеграмму, чтобы выслали Вам лошадей в Тверь, фабр<ика> Морозовых, Ивану Иван<овичу> Кузнецову и *точно* обозначьте поезд. Жду Вас с нетерпением.

Любящая Вас *М. Морозова.*

Письмо Белого было получено Морозовой, видимо, с опозданием, о чем можно судить по ее письму из Поповки к Э. К. Метнеру от 27 июня 1905 г.: «От 1-го до 5-го я буду здесь, к сожаленью очень недолго <...> Бор<ис> Ник<олаевич> собирается на эти дни. После 22-го июля я буду тоже свободна, но не раньше. Выезжайте в 12 ч. дня, дайте телеграмму: Тверь, фабр<ика> Мороз<овых>, Кузнецову, точно обозначьте поезд. Бор<ис> Ник<олаевич> тоже приедет 1-го или 2-го – я думаю. <...> После 5-го я, наверно, уеду!» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 44).

13

9 июля 1905 г. Москва[1]

9-го июля 05 года.

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Я стоял на распутьи. Туман занавесил пути.

Я забыл. Я не знал.

И мне – *Вы* поверили.

И меня – *Вы* узнали.

Вновь усмиренный, склоняюсь.

Хочется тихо сидеть рядом с Вами, по-детски радоваться, и смеяться, и плакать – смеяться, смеяться...

Глядеть в глаза *ни о чем*, замирая, и рваться к безумно пролетающим ласточкам.

Тихий Свет заливает всю душу. Тихий Свет просвещает все – – просвещаете меня, Просвещенная, Светом: пусть душа моя Душе Вашей улыбается.

Знаю, знаю давно, *Вас* знаю – *Вас*: – то, что являлись мне в тихих снах юности.

Знаю *Вас* в снах. Открываю глаза: смотрю – вижу *Вас*, *Вас* вижу..... наяву!.. *Вас*!

И душа моя Душе Вашей улыбается. Тихий Свет заливает всю душу: свет от Света.

И отныне я, словно ласточка, заликовавшая о лазури: визгливой стрелой зачертила ласточка в голубой невозможности. Невозможность так грустно склонилась – так смеет-

ся, так целует глаза тихим ветром: плещется ветер, плачет, жалуется на счастье: «Откуда оно?»

Обнимает, уносит, несет – ласточку....

Знакомая спазма сжимает мне грудь – бархатно мягкая, пьяная, грустная ласка заливает отдыхающее сердце, мое голубое сердце, в котором теперь ясным блеском солнце потонуло.

И кричат, и чертят воздух, визгом смеются, несутся, танцуют, носятся – – ласточки......

Я доволен. Я верю, как прежде. Я иду в водопадах времен сквозь туманы пространств.

Но и теперь уж в душе моей звезды, что лампады, теплясь, дрожат, зажигаются. Кротким светильником осиянная душа, что звезда, теплясь, дрожит, зажигается.

Не сердитесь. За что? Не говорите: «*Кто* и *о чем*?» Я – *никто, ни о чем. Я когда-нибудь буду.*

Глубоко уважаю, детски радуюсь, ясно люблю – – *Вас*!

Ваш рыцарь.

---

[1] Написано по возвращении из имения Морозовых, где Белый был в начале июля, по всей вероятности, в те дни, которые указала Морозова в приведенном выше письме (примеч. 3 к п. 12). В очерке «Андрей Белый» Морозова отмечает: «В начале июля он приехал к нам в Поповку на несколько дней. Тут мы много гуляли по окружающим Поповку дремучим лесам, устроили пикник в село Маркино-Городище, находившееся от нас верстах в 10-ти, на очень высокой горе над Волгой <...>. Поехали мы большой компанией на лодках, со всеми детьми, и там жгли костры и даже ночевали под открытым небом, в поле, около леса. Борис Николаевич нам читал свои стихи, и его чтение, для всех непривычное, нараспев, почти напоминающее цыганское пение ритмом и даже напевом, вызвало у многих взрыв смеха. Меня это очень смутило, но он сам рассмеялся и очень просто сказал: "Я к этому привык, пожалуйста, не смущайтесь, очень многим мое чтение кажется смешным!"» (*Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 529).

14

11 июля 1905 г. Москва

11-го июля 05 года.
Москва.

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Посылаю Вам две книги «*Возврат*» и «*Стихи о Прекрасной Даме*»[1]. Мне было бы ужасно интересно и важно знать Ваше впечатление от этих книг. Пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить Вам благодарность за так приятно и *значительно* проведенные дни[2].

Если бы Вы мне написали хоть строчку, был бы безмерно счастлив. Мой адрес с 15-го: Тульская губерния. Город Ефремов. По Сызрано-Вяземской ж<елезной> д<ороге>. Сельцо «*Серебряный-Колодезь*». Мне.

Остаюсь глубоко уважающий Вас и всегда преданный

Борис Бугаев.

P.S. Мой привет детям (всем). Мое уважение и привет Елене Кириловне и Семену Николаевичу[3].

---

[1] Книги «Возврат. III симфония» Андрея Белого (М.: Гриф, 1905), вышедшая в свет в середине ноября 1904 г., и «Стихи о Прекрасной Даме» Александра Блока (М.: Гриф, 1905), вышедшие в свет в конце октября 1904 г.

[2] См. примеч. 1 к п. 13.

[3] Дети Маргариты Кирилловны и Михаила Абрамовича Морозовых: Георгий (Юрий) (1892–1918) – впоследствии выпускник юнкерского училища, Елена (в замужестве Клочкова; 1895–?), Михаил (1897–1952) – впоследствии историк литературы, переводчик, шекспировед, Мария (в замужестве Фидлер; 1904–1970). Елена Кирилловна Вострякова (1875–1958) – сестра М. К. Морозовой. Семен Николаевич – неустановленное лицо; возможно – Дилекторский, «студент-философ, репетитор детей М. К.», упоминаемый Белым в перечне лиц, с которыми он встречался у Морозовой (РГАЛИ. Ф. 53. Оп 1. Ед. хр. 100. Л. 160). Приводим ответное письмо Морозовой, отправленное из Поповки:

17 июля.

Милый Борис Николаевич!

Как-то особенно захотелось сегодня написать Вам! Ваше письмо меня ужасно тепло и радостно настроило. Это время часто и светло вспоминаю Вас. Действительно Вам верю и знаю, что «Вы будете», только думаю, что нужно еще пройти много смут и страданий. – Спасибо за книги! Прочла Вашу симфонию, и впечатление мне очень неприятное! Правда, что я ее прочла один раз и даже много не поняла. Это что-то хаотическое, истерическое, чего мне так не хочется видеть в Вас. Из стихов Блока мне многое нравится, особенно маленькие стихотворенья в первой части, они очень тонки и красивы. Мы живем здесь по-прежнему тихо и мирно, много занимаемся. Все наши Вам кланяются, часто Вас вспоминают. Пишите мне непременно, как Вы живете и что думаете. Надеюсь Вы еще к нам приедете, я была бы от души рада. До свиданья!

Преданная Вам *М. Морозова.*

15

Около 20 июля 1905 г. Серебряный Колодезь[1]

Глубокоуважаемая Маргарита Кириловна,

Ваше письмо пришло в день Большого Ветра. Большой Ветер весело шумел. Зелень плавно взлетала. Взлетающие купола зелени, рассеченные струями Ветра, бились, протягиваясь к небу, просились к небу – вздыхали о глубоком. Я вздохнул о глубоком. Тут пришло Ваше письмо. Оно глубоко успокоило меня. Я так радовался, так радовался.....

Вы пишете, что мне еще нужны страдания, а я уж не знаю ни одного места в душе, которое бы не было изранено. Моя всегдашняя радость – ведь она, быть может, от потери боли, от притупления. Но я возношусь от страданий, я их люблю, прошу страданий – пусть будут: еще, и еще, и еще...

И еще...

Только не знаю, что еще не причиняло мне боли: кажется, были всякие страдания...

Но все это не важно. Важно было получить от Вас письмо в день вздыхающей зелени и вихряных струй, летя-

щих из золотого отверстия мировой трубы, призывающей... Но к чему?

Это отверстие трубы – Солнце – мировая, золотая труба, безумно вопиющая в небе о близком Пришествии...

Вы меня спрашиваете, что я делаю. Я много работаю. У меня есть одна идея, которую надо последовательно разработать. Мне хотелось бы дать гносеологическое обоснование символическому принципу в эстетике[2]. Эстетический принцип путем критики основ рациональной эстетики, а также эстетики эмпирической, от противного основополагается как принцип независимый. Свобода коренится в том, что зависимость* философского догматизма и научного эмпиризма от теории познания освобождает эстетику навсегда. Основы ее – только гносеологические

Вечером сижу на меже над пространствами и смеюсь месяцу. Спасибо за приглашение. Могу воспользоваться им не раньше 20-го августа. Можно будет быть у Вас числа 21-го?

Остаюсь глубокоуважающий и радостно преданный

Борис Бугаев.

P.S. Мой привет всем.

P.P.S. Простите отрывочность тона. Сейчас едут в город. Спешу[3].

---

[1] Ответ на письмо от 17 июля 1905 г., приведенное в примеч. 3 к п. 14.

[2] Этот замысел нашел отражение в статье Белого «Принцип формы в эстетике» (впервые: Золотое Руно. 1906. № 11/12. С. 88–96), вошедшей в его книгу «Символизм» (М.: Мусагет, 1910. С. 175–194). В записях об августе 1905 г. Белый сообщает: «...пишу большой, гносеологический трактат, долженствующий обосновать эстетику символизма; трактат был утерян <...> но главой его явилась скоро напечатанная в *"Золотом Руне"* статья: *"Принцип формы в эстетике"* <...>» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 29 об.).

[3] Речь идет о возможности отправить письмо с ближайшей почты – в городе Ефремове.

---

* *Было*: Независимость его коренится в том, что гносеологическая зависимость

16

23 июля 1905 г. Серебряный Колодезь

Сер<ебряный> Кол<одезь>. 23 июля 05 года.

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,
есть потребность писать Вам. Пишу. Здесь я один. Мне днем светит Солнце. Вечером умирает юный серп и смеется. Я смеюсь. Мы смеемся вместе. Хорошо смеяться на закате, когда умирает юный серп. Никто не подсмотрит, как бежишь в пространствах и безумно хлопаешь в ладоши.

Я один. Мамы еще нет[1]. Надо мной вздыхают деревья, и на дорожках пляшут золотые солнечные яблоки. Сегодня весь день работал до одурения. Но когда небо озолотилось, я бросил все, потому что пьяные волны грусти уносили, и деревья вздохнули еще мятежней.... Я упал в траву и в утомлении заснул, потому что устал адски, но когда проснулся, умирал юный серп, смеясь мне дерзко и с... кокетством... Закат, точно шкура барса. А ветер, ветер целовал мне руки и глаза: никого не было кругом, но было стыдно – хотелось опустить глаза.

Я вернулся *к себе* в этот невозможный час и был *не человеком*, а Бог знает кем. Мне казалось, что ветер влюбленный. Это было невозможное чувство – страшное и манящее...

Простите: я пишу какие-то дикости. Но именно потребность Бог весть о чем говорить с Вами и заставила меня написать все это.

Часто вспоминаю Вас, многоуважаемая Маргарита Кирилловна, иногда срываю василек и бросаю в пространство... просто так...

Остаюсь глубокоуважающий и искренне преданный

Борис Бугаев.

P.S. Мое глубокое уважение и привет Елене Кириловне и Семену Николаевичу. Детям кланяюсь[2].

---

[1] Мать Белого – Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858–1922).

[2] См. примеч. 3 к п. 14.

17

Начало августа (?) 1905 г. Серебряный Колодезь

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Захотелось Вам написать. Весь день занимался. Но к вечеру взглянул на деревья, – и деревья колыхали солнечный блеск, павший на них. Но Самого Солнца не было: Оно ушло за горизонт, и смеялось – безумно ясным светом.

Захотелось *тогда* Вам написать, потому что Вы – Светлая; а я вижу Вас с сияющим трикирием в руке.

И вот пишу.

Пишу о Свете, потому что Свет заливает мою уставшую душу, и протягиваю руки, и ловлю эти брызги солнца, и зову Солнце. Но Оно за горизонтом. И кругом проливаются потоки мгновений, – водопады времени бесследно летят в мировую, безвременную чашу. Но в каждой капельке этого вечного дождя отражается солнечность. И миги проносятся – капля за каплей, но сияющая радуга, павшая на них, – все та же. Недавно я был в пучине ужаса. Бушующее море чувств, мыслей, волений с глухим ревом несло челн моего сознания; но взошло Солнце и лучами сковало волны, превращая психологическую пучину, меня носившую, в зеркало сознания. И вот лучевой меч разбил это зеркало, и брызнули на меня зеркальные брызги – острые, колкие, но радуга, павшая на них, – все та же.

Много боли, но и радость моя растет – тихая, ясная, успокоенная. Сквозь боль протягиваю руки, и ловлю Свет, и Смеется Зоря с горизонта....

Часто думаю о Вас. Смеюсь. Слышу музыку: это летит Время.

Темные крылья мягко, безболезненно задевают меня, и уносятся. Слышу музыку: это пролетает Время.

Близится осень: пролетают золотые листья – времена. И сладко мне отдыхать в моем безвременье. Отдыхать и думать о Вас. Сейчас поднял глаза: заревые улыбки – точно цветные лепестки – на потолке.

И смеюсь, и погружаюсь в бездумность.

Борис Бугаев.

P.S. Мое уважение и поклон Елене Кириловне, Семену Николаевичу и детям[1].

[1] См. примеч. 3 к п. 14. Вероятно, ответное на это письмо – следующее письмо Морозовой:

6-е августа.

Милый Борис Николаевич,

Ваши письма всегда удивительно светло на меня действуют, как-то особенно молодо, радостно делается на душе. Одно меня огорчает: это Ваш почерк! Он мне причиняет массу забот и труда, а также иногда и сложность выражений, в которые Вы облекаете Вашу мысль. Я долго и добросовестно тружусь над этим и должна сознаться, что иногда без результата! Кант даже более милостив, чем Вы! Не могу не побранить Вас, нельзя же все хвалить! Ужасно хочется мне видеть и потому очень Вас прошу: приезжайте 21-го авг<уста> – это очень удобно и для меня! Меня глубоко интересует Ваш внутренний путь, очень хочется следить за ним и в нем разобраться! Это очень важно для меня. Бор<ис> Ал<ександрович> Фохт вернулся из-за границы и гостил у нас; мы много беседовали и провели хорошие дни. Знаете, мне все более нравятся стихи Брюсова, особенно их звучность! Из Вашего «Золота в лазури» мне теперь *очень* нравятся некоторые стихотв<орения>, например: Блоку, Возмездие, Вечность. Я часто с удовольствием их перечитываю! До свидания, напишите, когда будет время.

Преданная Вам *М. Морозова.*

Видимо, вскоре после этого письма Морозова отправила Белому следующее:

Пишу Вам несколько слов, милый Борис Николаевич, чтобы напомнить о том, что надо посылать телеграмму в Тверь, фабрика Морозова, Никулину, чтобы Вам выслали лошадей. Надеюсь, Вы не отдумали навестить нас, чем нас всех очень обрадуете. Буду Вас ждать, а пока до свиданья! Позднее 21-го или 22-го не приезжайте, т<ак> к<ак> я уже скоро уеду за границу.

Искренно преданная Вам *М. Морозова.*

18
21 августа 1905 г. Москва

Москва 21 августа.

Многоуважаемая и бесконечно мне близкая
Маргарита Кириловна,

Спасибо, спасибо за Ваше любезное письмо, а также за приглашение[1]. Но – увы – как раз до 26-го я занят совершенно непредвиденными делами. С прискорбием придется не осуществить поездку к Вам, а я так мечтал Вас видеть.

Надолго Вы уезжаете за границу? Если будете в Москве, можно Вас видеть? Я буду в Москве около 5–6-го сентября[2]. Мне бы так хотелось Вас видеть.

Все это время очень много работал, так что немного переутомился; хочу через месяц закончить задуманное сочинение: «Основы Символизма», и поэтому приходится и много писать, и много читать[3]. Спешу его окончить, чтобы сосредоточиться всецело на своей 4-ой симфонии, а также на поэме, которую начал весной[4]. Дела – бездна. Сил – мало.

Но, Боже мой, неужели я Вас не увижу до Вашего отъезда, – *не знаю почему, но хочу ужасно Вас видеть.*

Осень. Глубокая тоска. Все пролетает. «День пролетит – пролетит, как мякина» (Амос)[5]. Времена пролетят, но тоска – останется. Ясная тоска не сотрет с души улыбку мягкой грусти; потому что этой тоской радость несказанная соделывается. О, как я люблю растравлять боль своей души, чтоб потом смеяться грустью.

Всегда о Вас думаю. Ищу Вас на небе. *И вижу.* И радуюсь. И спокойно тону в «вечном покое».

Остаюсь глубокоуважающий Вас и всегда воистину преданный Вам

Борис Бугаев.

P.S. Мой привет всем.

---

[1] Имеются в виду, вероятно, письма, приведенные в примеч. 1 к п. 17.

[2] Конец августа и начало сентября Белый провел в имении Серебряный Колодезь.

[3] См. примеч. 2 к п. 15. В позднейшем «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей» (1927?) Белый зафиксировал: «Материалы черновые ряда глав сочинения *"Система символизма"* (недописанного); переработанный отрывок из этих материалов являет собой *"Эмблематику Смысла"*; другой отрывок являет собой статью *"Смысл Искусства"*; обе статьи – куски написанного; эти материалы писались в 1904–1905 годах; автор все искал случая переработать материалы в философскую систему; вместо системы в 1909 году специально пришлось выкроить из материалов две статьи для книги *"Символизм"*. Эти материалы затерялись в заторе старых рукописей; в 1918–1919 годах автор сжег рукописи; и вместе с ними нечаянно сжег *"Материалы"*» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 31).

[4] Работу над 4-й «симфонией» «Кубок метелей» (М.: Скорпион, 1908) Белый завершил в июне 1907 г. Поэма – «Дитя-Солнце»; не была закончена, текст ее утрачен. См.: *Между двух революций*. С. 22–24, 450–452.

[5] Источник цитаты указан неверно; текст восходит к Книге пророка Софония (II, 2).

19

2 сентября 1905 г. Москва

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Случайно узнал сегодня, что Вы в Москве.

Мне было бы очень приятно повидать Вас, но я не смею Вас беспокоить, не зная, заняты ли Вы или нет.

Поэтому я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой: не сообщите ли Вы мне, можно ли Вас видеть вообще и когда?

Остаюсь глубокоуважающий Вас

Борис Бугаев.

05-го 2-го сентября[1].

---

[1] В тот же день Морозова отправила Белому следующее ответное письмо:

Милый Борис Николаевич,

Сейчас только и я узнала от Соловьева о Вашем приезде в Москву. Приходите непременно *сегодня* в 1½ дня или *завтра* в

6½ вечера обедать. В понедельник <5 сентября. – *Ред.*> я уезжаю, т<ак> ч<то> это мое единственное свободное время до отъезда; пожалуйста, непременно приходите, буду Вас ждать.

Преданная Вам *М. Морозова.*

20

Конец сентября – начало октября 1905 г. Москва

Многоуважаемая Маргарита Кириловна,

Спасибо за письмо[1]. Оно меня так утешило. Улыбнулось жемчужной радостью. А мне была так необходима чья-то помощь. Я горюю. Все меня оскорбляет. Я не знаю – это усталость или излишняя нервность: только каждое мгновение для меня невольное распятие. Я не могу говорить: мои слова так грубы, так ничтожны. Я не могу передать, что со мной. Со всех сторон люди говорят *о* благе, *о* долге, *о* всеобщем счастье. Я устал от всех этих «*о*». Никто не смотрит прямо в то, «*о*» чем говорит. Я *хочу подвига, долга, счастья*, а не слов «*о*». И вот на всякие разговоры, заседания, резолюции «*о*» я отвечаю тем, что глубже и глубже запахиваюсь от людей. *Отчего у них души не зори. Я хочу вечно зори.*

Вы – зоря. Ваша душа – зоревая. Я хочу, чтобы в душах у людей были небесные дали. Вы –далекая, как зоря, и такая ясная, близкая, простая. Знаете, я к Вам ужасно привязан душой. Когда думаю о Вас, улыбаюсь, улыбаюсь усмиренно, безбурно. Вы – чистая сердцем.

. . . . . .

Последнее время много работаю, но как-то неплодотворно. Дело в том, что Брюсов больше не хочет посвящать свое время «*Весам*», и мне невольно приходится поддерживать журнал черной работой (заметки, рецензии)[2].

Падают дни – бирюзовые, ясные, серые, золотые – падают дни в чашу Вечности. И чаша, что душа, наполняется прошлым. День за днем – капля за каплей: душа моя – чаша, наполненная прошлым: оно не угасло. Поднялось: плещется на поверхности. Душа моя переполнена грустью. Знаете – я далеко слышу: быть может, мне доступна (я слышу – вни-

маю) музыка Вашей души. Не знаю. Когда я один, отдыхаю от оскорблений, глубоко погружаюсь в «*новое*» пространство. «*Там*» – лечу, лечу.

Глубокоуважающий и так ясно преданный

Борис Бугаев.

---

[1] Имеется в виду следующее письмо, отправленное из Биаррица 18 сентября (ст. ст.) 1905 г.:

Милый Борис Николаевич,

Как Вы поживаете, часто Вас вспоминаю! Я здесь живу тихо, никуда не выхожу, углубилась совсем в моего сына. Сплю с ним вместе, целый день с ним говорю и читаю! Проживу здесь еще 10 дней и затем поеду в Геную навестить Скрябина и затем в Москву к 12-му октября. Если найдете свободную минутку – напишите словечко, Ваши письма меня всегда согревают и радуют. Пишите в France. Biarritz. Hôtel Continental.

Душевно преданная Вам *М. Морозова.*

18 сентября 1905 г.

(Морозова посетила А. Н. Скрябина в Больяско (Италия) 29 сентября / 12 октября 1905 г.; см.: Летопись жизни и творчества А. Н. Скрябина / Сост. М. П. Пряшникова и О. М. Томпакова. М., 1985. С. 140; Морозова М. К. Воспоминания о А. Н. Скрябине // Наше наследие. 1997. № 41. С. 54–55. Публ. А. Носова).

[2] Попытка В. Я. Брюсова отойти от непосредственной редакционной работы по формированию журнала «Весы» относится к лету–осени 1905 г., об этом он заявил ряду своих корреспондентов; на деле, однако, его руководящая роль в журнале сохранилась и впоследствии. См.: Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // *ЛН. Т. 85.* С. 279.

21

4 ноября 1905 г. Москва

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,

Захотелось безумно сказать Вам – нет, крикнуть через пространство, что Вы – Свет для меня. Не знаю, чему раду-

юсь, чему улыбаюсь, глядя на Вас, – но смеюсь, улыбаюсь, радуюсь.

Душа моя сияет.

Борис Бугаев.

Москва 05 года ноября 4-го.

22

Около 25 декабря 1905 г. Москва.

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна,
ужасно хочу Вас видеть. Если позволите, у Вас буду на этих днях. Только что вернулся из Петербурга, где пробыл неожиданно для себя около месяца[1].

Во время московских ужасов[2] страшно беспокоился о Вас. Сейчас нездоров. Сижу дома. Никуда не выхожу.

Редакция «*Вопросов Жизни*» поручила мне лично передать несколько №№ журнала. Между прочим и Вам. Посылаю книгу[3].

С нетерпением ожидаю время, когда буду в состоянии выходить.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и *неизменно* преданный

Борис Бугаев.

---

[1] Белый жил в Петербурге (в квартире Мережковских) с 1 декабря 1905 г.

[2] Речь идет о московском вооруженном восстании (9–18 декабря 1905 г.) – баррикадных боях с правительственными войсками во всех районах города, особенно на Пресне.

[3] Имеется в виду номер ежемесячного петербургского журнала «Вопросы Жизни», издававшегося в 1905 г. См.: Корецкая И. В. «Новый Путь». «Вопросы Жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 228–233; Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 67–69, 90–104, 119–132.

23

27 декабря 1905 г. Москва

27 дек. 05 года.

Многоуважаемая и всегда такая близкая мне
Маргарита Кирилловна!

Получил Ваше письмо[1]. Не мог сейчас же ответить: все зацвело. Когда зацветает миг, трудно говорить, трудно писать. Буду непременно или в субботу в 1 дня, или в воскресенье вечером[2].

Сейчас много голубых незабудок. Летают в воздухе. Мешают мне писать. Голубенький цветок вот, вот упал на перо, и мне пришлось на мгновенье перервать письмо к Вам.

Не верю московским ужасам[3]. *Не верю*. Это – марево. Это будет смыто солнцем. Яркие лучи смоют слезы, и горе, и кровь, и ненависть.

Не надо быть печальным. День беззакатный приблизится. Слышу полет неизреченного. Не хочу видеть предстоящих ужасов: они минуют. Сердце зацветет: лепестками рассыплется в день золотой осени.

Так придет Смерть, сонная, счастливая – после золотого дня золотой вечер!

Человечеству предстоят страхи, но там, за ужасом только пьяное вино закатов и восходов, только счастье.

Не верю ничего <так!> – верю *Солнцу Завета*[4].

Неизменно преданный Вам, глубокоуважающий Вас

Борис Бугаев.

---

[1] Вероятно, подразумевается следующее недатированное письмо (отправленное до получения п. 22):

Дорогой Борис Николаевич!

Приехали ли Вы? Ужасно прошу, назначьте вечер субботу или воскресенье в 9 ч. Когда же это наконец состоится наш вечер с Метнером?

Ответьте. Преданная Вам *М. Морозова.*

[2] Суббота – 31 декабря, воскресенье – 1 января 1906 г.

[3] См. п. 22, примеч. 2.

[4] «Верю в Солнце Завета» – первая строка стихотворения А. Блока (1902), впервые опубликованного в журнале «Новый Путь» (1903. № 3. С. 59).

24

Конец декабря 1905 г. Москва[1]

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна,

Зайду непременно как-нибудь потом. Желаю Вам всего хорошего. Скорейшего выздоровления. Дай Бог Вам встретить и провести Новый Год счастливо.

Остаюсь глубокоуважающий и неизменно преданный

Борис Бугаев.

---

[1] По всей вероятности, ответ на следующее недатированное письмо:

Милый Борис Николаевич! Ни сегодня, ни завтра не приходите – я больна! Болезнь очень незначительная, но препротивная! Как поправлюсь, Вам напишу. Желаю от души Вам всего самого лучшего на будущий год.

Душой преданная Вам *М. Морозова.*

25

12 января 1906 г. Москва

12 января 06 года.

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,

Встал. Что-то дрожит в груди. Точно оснеженные крылья – крылья голубя. С утра вьется надо мной голубь Духа. С утра воздух зацветает цветами. Как мне радостно, что *Вы такая*!...

Радостно мне, и не знаю, как мне быть с моей радостью, что мне с ней делать. Радуюсь Вашей ясности. Смеюсь Вашей окрыленности.

Ночь – Черную Птицу – спугнули Вы с моего сердца. Теневое крыло легло мне на сердце, Вы ясностью Души Вашей рассеяли тени.

Утро. В груди моей бьются белые, голубиные крылья. Вот из груди моей вырастут крылья. Взмахами – унесут, унесут!

Вся жизнь – полет. Часто мы забываем об этом, говорим, что влачимся по жизни. Мы забываем тогда, что летим. Но *всегда* мы летим.

Христос с Вами! Ясная Вы, ясная...

Глубокоуважающий и неизменно преданный

Борис Бугаев.

26

8 февраля 1906 г. Москва

Глубокоуважаемая и близкая мне
Маргарита Кирилловна,

Я уезжаю в субботу[1]. Я не знаю, хотите ли Вы, чтобы я теперь Вам рассказал многое о себе, или же по возвращению из Петербурга. Я глубоко тронут Вашим отношением ко мне. Вы – радость, озаряющая мне жизнь. Мне страшно говорить с Вами. Но я готов.

У меня свободен вечер в среду сегодня, а также и вечер в четверг (завтра). В пятницу меня просят читать[2]. В субботу уезжаю.

Со страхом буду ждать от Вас ответа.

Остаюсь глубокоуважающий Вас неизменно преданный и любящий

Борис Бугаев.

---

[1] Суббота – 11 февраля. Ср. письмо Белого к Блоку с оповещением о приезде в Петербург «на днях», предположительно датированное 6 или 10 февраля (*Белый – Блок*. С. 276), которое, в соотнесении с содержанием настоящего письма, правомерно датировать 6 февраля.

[2] В ретроспективных записях о феврале 1906 г., фиксирующих события до отъезда в Петербург, Белый отмечает: «Прощальное собрание у меня аргонавтов, провожающих меня в Петербург. Выступаю где-то (не помню, где) с темой "Принципы общественности"» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 33).

27

6 или 7 марта 1906 г. Москва

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,
вчера вернулся в Москву[1]. Страшно хочу Вас видеть. Слышал, что завтра у Вас играет Метнер[2]. Можно мне прийти?

Остаюсь глубокоуважающий и неизменно преданный Вам

Борис Бугаев[3].

---

[1] Белый выехал из Петербурга в Москву 5 или 6 марта.

[2] Морозова на протяжении ряда лет брала у Н. К. Метнера частные уроки игры на фортепьяно. См.: Метнер Н. К. Письма / Сост. и редакция З. А. Апетян. М., 1973. С. 76, 87–88.

[3] Возможно, ответным является следующее недатированное письмо:

Милый Борис Николаевич! Наконец-то Вы вернулись! Петербург Вас похитил у нас! Жду Вас непременно! Радуюсь Вас видеть.

Преданная Вам *М. Морозова.*

28

Около 22 марта 1906 г. Москва

Глубокоуважаемая и всегда близкая Маргарита Кирилловна, я решаюсь просить Вас о том, нельзя ли мне как-нибудь зайти к Вам. Мне ужасно хочется Вас видеть, но дни у меня по вечерам теперь почти всегда разобраны. Мне бы очень хотелось поговорить с Вами. Я свободен: воскресенье, понедельник, вторник на страстной и т. д.[1], а до этого времени (четверг, пятница, суббота)[2] заняты. Если у Вас будет свободное время и если я Вам не помешаю, мне хотелось бы очень увидеть Вас. Мы давно, давно не видались!

Как Ваше здоровье?

Остаюсь глубокоуважающий Вас и неизменно преданный

Борис Бугаев[3].

[1] Страстная неделя в 1906 г. – с 27 марта.
[2] 23, 24, 25 марта.
[3] Ответное недатированное письмо:

Дорогой Борис Николаевич!

Я буду бесконечно Вам рада! Приходите в понедельник на страстной вечером непременно!

Душевно Вам преданная *М. Морозова.*

29

Около 8–10 апреля 1906 г. Москва[1]

Бесконечнолюбимая,
Глубокоуважаемая,
Милая, милая Маргарита Кирилловна,

Глубоко взволновало меня Ваше письмо[2]. Коснулось того, чего я сам не мог коснуться, – не потому, что не хотел, а потому, что прикосновение к самой последней глубине моего отношения к Вам мне и жутко, и страшно, и тревожно. Слишком я глубоко верю в Вас и в *тайное* в Вас, чтобы не сознавать всю значительность для меня обращения к этому *тайному* не посредством слов и разговоров, *а прямо, воочию*! Слишком боялся в словах к Вам, непосредственно обращенных, зачерпнуть *то*, что являлось фоном заревым моего чувства и стремления, и доверчивой дружбы к Вам. То отношение к Вам, которое у меня возникло не вчера, для меня *воистину тайна*, и потому-то в словах моих я всегда обходил *тайну*, умалчивал, покрывал словами «*о*» *главном*, вместо самого *главного*. Вот почему все то, что имело бы прямое или косвенное отношение к нарушению моего молчания, я обходил. И чем ближе я узнавал Вас еще и как Человека (увидел и почувствовал Вас я сначала в мистическом ореоле зори, и конечно тогда я и не был знаком с Вами, и не мог Вас знать в человеческом) – чем ближе узнавал в Вас еще и человека, тем чаще и чаще приходилось мне лавировать, чтоб слишком не прикоснуться к *Тайне*, которую в Вас

вижу. Это постоянное умалчивание и могло иметь оттенок неискренности. Ложью могло казаться *молчание мое*, а не слова мои. Я всегда не договаривал *еще*, потому что договорить – значит коснуться *тайны*. А коснуться *тайны* можно только в ореоле молитвенности. Вот почему, прежде чем говорить с Вами лицом к лицу, я должен (*теперь вижу, что и обязан*) говорить с Вами, как на исповеди. Я должен для этого рассказать Вам свою жизнь *до того, как Вас увидел, и после того**. Все это нужно для того, чтобы подойти к моему отношению к Вам, в котором всегда есть одно святое, чистое, светлое (я хочу по крайней мере света) основание. Но еще оно так пышно, – это отношение мое к Вам, оно было украшено в разное время зорями странными, то мечтательными, то строгими, то страшными, усложняющими это всегда единое, неизменное русло моего отношения к Вам в тайне. Если взять всю ту сложность, с которой я относился и отношусь к Вам теперь, то, пожалуй, я сам еще не знаю, *не понимаю, о чем она* (она о будущем), так что только с Вашей помощью, вместе, сообща, можно все это выяснить и привести к сознанию и свету. Вот почему мое обращение к Вам в *тайне* возможно только при Вашем желании подойти к тому, чтобы между нами были глубокие и прочные отношения. Вот почему я и боялся касаться многого, обходил, лавировал, отдалял даже момент для меня важный и решительный. Теперь, чтобы понять то чувство, с которым я обращаюсь к Вам, можно только тогда, когда узнаешь ту драму, в котору<ю> я невольно ввержен[3]. Словом, откровенность моя к Вам, до последних глубин, не только ответственна для меня, но и для Вас – это я знаю: слишком тайные недра душевных переживаний пришлось бы мне Вам открыть в себе (сказать о себе то, о чем мало говорят люди словами). Вы понимаете, милая, милая Маргарита Кирилловна, что моя правда и *прямота, доведенная до конца,* уже не есть слово только, но и *путь дружбы*, длинный и тернистый.

Я так Вам обязан уже: доверие, с которым Вы относитесь ко мне, бесконечно радостно и ценно. Я слишком

---

* *Рассказать все стадии моего отношения к Вам. Рассказать мою жизнь теперь.* Рассказать о мучении, мне посланном. (***Примеч. Белого.***)

мало стою этого так утешающего меня доверия. Вот почему мысль о последней искренности с Вами для меня всегда была желанна, но как только я думал о том, заслужил ли я эту искренность, или как только я начинал бояться, что я злоупотребляю Вашим глубоко трогающим меня отношением ко мне, я невольно делался с Вами замкнутее там, где приближалась *тайна.*

Глубокоуважаемая, милая, радостная для меня Маргарита Кирилловна, я всегда чувствую, какое Вы мне утешение, как хотел бы я, чтобы *то светлое и нежное,* что теплится в моем отношении к Вам, прояснилось для меня самого и для Вас, – ведь я хочу только света, правды и долга. Но, Маргарита Кирилловна, последние года на меня сваливается испытание за испытанием. Я нахожусь уж давно точно в заколдованном дремучем лесу: передо мной вырастает химера за химерой. И едва преодолеешь одну химеру, и совершенно обессиленный, разбитый, отдыхаешь в сознании победы, как самая эта победа над химерою превращается в источник новых химер[4]. Если б я не верил в свет, если б не стремился к последней правде и последней искренности в отнощении себя и других, то давно уж сложил бы оружие: я или бы погиб, не существовал, или успокоился бы во лжи и превратностях хаоса. Единственной надеждой моей служит вера в последнюю победу. Но теперь я устал: все предыдущее меня утомило, я уже начинаю терять почву под ногами, сон и действительность, кошмар и правда иногда начинают перемешиваться. Химеры опять поднялись: опять предстоит мне борьба, и я не знаю, куда она меня бросит. Вот почему то, что Вы называете во мне демонизмом, есть просто растерянность и полное недоумение иногда, где правда. Приходится защищаться от *Невидимого Врага* со всех сторон. Никогда не знаешь, откуда *Он* появится. Маргарита Кирилловна, я верю *в реальное существование Чёрта* и ощущаю иногда Его близость. Мой демонизм не безусловен, а относителен. Он своего рода *положение усиленной охраны,* в которое я себя ставлю. Я люблю только свет. Но часто свет бывает болотный, грозовой, электрический, а я хочу Света дневного; но часто глаза мои не различают уже, где день, где ночь. Воля моя постоянно хочет истины, но направление воли

среди постоянно мерцающих химер может непроизвольно отклониться. И это сознание шаткости моего пути набрасывает на меня непроизвольно демоническую тень. Верю, она не мне принадлежит, а *Врагу*, напустившему на меня Химеры ужаса.

Мой путь лежит теперь где-то в несказанном. Там, где приходится проходить, нет ни добра, ни зла, – но *есть свет, правда, благодать*, точно так же как есть реальный ужас. Ангельские крылья, спускающиеся иногда надо мной, сменяются подчас крылатыми *чудовищами*. И знаешь, что чудовища – химеры, что и нет их вовсе, но не всегда умеешь их обратить в ничто. И вот то, что я потерял слова к тому, *что у многих именуется*, потерял определенность там, где у многих определено, и в то же время не потерял память к словам и определениям, создает действительную двойственность моего положения в жизни. Я говорю *слова* и даю *определения*, чтобы быть как все, а сам-то уж давно на пути немоты и неопределенности. В этой неопределенности вижу только бой чудовищ с ангелами. Сам принимаю участие в битве и не знаю, чем она кончится, даже не знаю, с кем бьюсь. Одним из немногих обетований Света считаю я мое отношение к Вам, потому что без дружбы Вашей и без доверия Вашего ко мне я и сам себе перестану верить. Но если в наших отношениях будет неискоренимая фальшь, ради Бога, не нужно, чтобы мы знали друг друга. Верьте, верьте, я пойду навстречу Свету. Я так дорожу Вами, потому что Вы – просвет лазури среди дымных туч. Не отнимайте у меня этот просвет, не покидайте меня духом, пока хоть капля доверия будет у Вас ко мне – милая, милая, неизменно близкая мне Маргарита Кирилловна!

Остаюсь глубокоуважающий Вас и бесконечно любящий и благодарный

Борис Бугаев.

P.S. Я еду в Петербург в среду 12-го[5]. По приезде сейчас же буду у Вас[6].

---

[1] Датируется на основании образно-тематического сходства с письмом Белого к Блоку от 10 или 11 апреля 1906 г. (см.: *Белый – Блок*. С. 281–283).

[2] Речь идет либо о несохранившемся письме, либо об одном из недатированных писем, идентифицировать которое в данном случае не представляется возможным.

[3] Намек на переживания, вызванные отношениями с Л. Д. Блок: Белый безуспешно добивался от нее ответного чувства и мучился от сложившейся неопределенности.

[4] Ср. в письме Белого к Блоку от 10 или 11 апреля 1906 г.: «Я всегда борюсь с химерами, но химеры обступили меня. И спасение мое воплотилось в Любу» (*Белый – Блок*. С. 281).

[5] Намерение Белого выехать в Петербург 12 апреля было скорректировано письмом к нему Л. Д. Блок от 10 апреля, в котором она просила не появляться у них в доме ранее воскресенья (16 апреля), ссылаясь на предстоящий Блоку в университете «последний трудный экзамен» (см.: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 244–245); ср. телеграмму Л. Д. Блок Белому: «Приезжайте Воскресенье. Люба» (*Белый – Блок*. С. 283). Белый выехал в Петербург 14 апреля и на следующий день посетил Блоков (см.: Там же. С. 284).

[6] Подразумевается: по возвращении в Москву. Вероятно, ответом на настоящее письмо является следующее письмо Морозовой:

Дорогой и милый Борис Николаевич!

Право, даже не могу Вам передать, как меня порадовало и осветило Ваше письмо! Я ведь очень сериозно верю в наши отношения с Вами, очень дорожу ими и хочу, чтобы в них была одна правда и свет. Я знаю, чтобы достигнуть этой правды и света непоколебимых – нужно много пережить, передумать и переговорить вместе. Наши же отношения находятся лишь в первой стадии, а потому ужасно убедительно прошу Вас, даже умоляю, или совсем порвемте всё, или будем идти вполне искренне светло и твердо, не боясь никаких иногда горьких правд, навстречу настоящим отношениям дружбы, которых так мало и которые, право, составляют большое благо и силу жизни! Поэтому очень, очень прошу Вас, будьте всегда откровенны со мной, *что бы с* Вами ни было – я уверена, что мы с Вами сумеем пережить все и выйти на чистый путь взаимной веры, на котором будет очень радостно. Меня очень тревожит Ваше душевное состояние! Если я его верно понимаю, то повторяю, что мне очень хотелось бы, чтобы Вы с головой бросились в этот страшный бурный поток, который окружает Вас, но только для того, чтобы выйти из него светлым победителем! Я знаю и верю, что Вы выйдете именно светлым, еще более сильным и глубоким – иначе я не допускаю!

Одно Вас прошу сериезно, убедительно и глубоко обдуманно, непременно по возвращению из Петерб<урга> придите ко мне и как-нибудь, когда будет настроение, поговорите со мной. Я *убеждена*, что это очень важно. Вы знаете, что женское сердце, а особенно много страдавшее, способно понять такие глубины души, их оберечь – как не может ни самая умная книга, ни самый гениальный мужчина! Я всегда буду думать о Вас и оберегать Вас – т<ак> к<ак> я очень боюсь за Вас. Я была бы безмерно счастлива, если *все* мной пережитое, все мои силы и громадное количество любви в моей душе ко всему светлому, скажу прямо, любви к Богу – окажут Вам хоть маленькую долю пользы! Это меня глубоко радует и утешает. Идите прямо и смело во всем, не бойтесь ничего, Вы победите! Но одно есть условие – это я знаю, ни капли, ни капли лжи нигде и ни в чем. Сбросьте все лживое, не прикрывайтесь ничем – это ужасно! Вспомните Нитцше – как он был чист, как он выливал всего себя, всю свою трагедию! Лучше не пишите ничего, но ради Бога не лгите! Простите, что я все это говорю, но меня больше всего пугает и беспокоит в Вашем состоянии вот этот *намеренный* демонизм. Будьте демоном, во всем ужасе, но не играющим в демонизм.

Преданная Вам *М. Морозова.*

30

Конец апреля 1906 г. Петербург[1]

Милая,

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна,

Трудно. Нестерпимо. Сложно. Помолитесь за меня. Буду писать. Сейчас не могу. Еще ничего не знаю[2].

Адрес мой: Невский 66. Меблированные комнаты «*Бель-Вю*» № 28.

Остаюсь глубокоуважающий и неизменно преданный

Борис Бугаев.

P.S. Легче теперь. Я не послал моих печальных строк. Прошло 2 дня. Стало проясняться[3]. Приеду в Москву в понедельник[4]. Буду у Вас непременно вскоре по приезде.

---

[1] Написано на гостиничном бланке: Меблированый Дом «Бель-Вю» – Невский пр., д. № 66, против Аничкина Дворца.

[2] О пребывании Белого в Петербурге во второй половине апреля 1906 г. см.: *О Блоке*. С. 228–230; *Между двух революций*. С. 74–77.

[3] Видимо, эта приписка была сделана после того, как Л. Д. Блок выразила готовность пойти навстречу настояниям Белого. Ср. позднейшую запись Белого о результатах его петербургского пребывания: «Морально я одерживаю победу над Л. Д.; она дает мне обещание, что осенью мы с ней едем в Италию и что с этого времени как бы начинается наш путь с ней» (*Материал к биографии*. Л. 52 об. – 53).

[4] Понедельник – 1 мая.

31

7 мая 1906. Дедово

7-го мая Дедово.

Глубокоуважаемая
Бесконечно дорогая
милая, милая
Маргарита Кирилловна,

Хочется Вам писать. Хочется благодарить Вас за тот луч, которым Вы озаряете мне жизнь. У меня к Вам молитвенное отношение. Нет слов выразить Вам свою любовь. За что Вы *такая*!

Всякий раз, когда ухожу от Вас, мне грустно, грустно. Вы – свет, и вот хочется света. Не покидайте духом меня.

Я теперь точно весь цепенею, точно срывается фата с явлений и старинное, неизгладимое, верное, вечное опять и опять смотрит из-под заревой фаты мира.

Мы все удаляемся от познания, кто в суету, кто в книги. И вот теперь я только занимаюсь «*познанием*».

Плывет облако, веет ветер, – я *познаю*. И познание снимает с уст слова, словно ненужную пену. И пена тает. И растет глубина.

Вы – радостная. Вы – истинная. Вы – близкая. Не уходите в горы, не покидайте нас, не уходите в горы!

Буду скоро Вам писать. До 14-го адрес мой: Николаевская жел<езная> дорога. Станция Крюково. Сельцо Дедово. Имение А. Г. Коваленской. После 16-го – Тульская губерния, г. Ефремов (по Сызрано-Вяземской ж<елезной> д<ороге>). Имение Серебряный Колодезь[1].

Остаюсь бесконечно преданный и глубоко любящий Вас

Борис Бугаев.

---

[1] Отъезд в Серебряный Колодезь был отложен до конца июня. Ср. п. 32, 33.

32

22 мая 1906 г. Дедово

22-го мая. 06 года.

Глубокоуважаемая,
Бесконечно близкая,
Милая
Маргарита Кирилловна,

Так часто вспоминаю Вас. Так хочется получить от Вас известия. Часто Вас слышу в ветре. Часто прислушиваюсь к тому, что близко, жду пролетающих дуновений.

И летят, и летят...

. . . .

Все глубоко. Глубже всего. Целые дни брожу по лугам, ухожу в молчание. Выпиваю аромат ночных фиалок. Хочу много писать. Прошлое страшно. Будущее неизвестно. Чувствую себя на островке из цветов, ветряных всплесков и облаков. Не хочу расплетать этот волшебный остров, хочу сладко спать в забывчивости. Будет буря. Все обозначится. Я готов отвечать пред лицом Вечности. Я не хочу преждевременно понять что бы то ни было. *Хочу все понять* пред *Судом Страшным*, чтоб погибнуть *навсегда* или навсегда спастись. А сейчас ничего не понимаю – ничего, ничего...

Часто думаю о Вас. Улыбаюсь. Были три Ваших заката. (Я всегда на закате узнаю.) Улыбался и радовался. Так хоте-

лось бы получить весть от Вас. Так обязан Вам нравственной поддержкой. Бесконечно благодарен. Никогда, никогда, никогда не забуду Вас, лазурью овеянная!

Остаюсь бесконечно преданный

Борис Бугаев.

P.S. До 12-го июня мой адрес: По Ник<олаевской> жел<езной> дороге. Станция Крюково. Сельцо Дедово. Имение А. Г. Коваленской. Мне. Мое глубокое уважение и привет Елене Кирилловне[1].

---

[1] Е. К. Вострякова.

33

1 июля 1906 г. Серебряный Колодезь

Серебряный Колодезь. 1 июля. 1906 года.

Глубокоуважаемая и милая, милая
Маргарита Кирилловна,

только что приехал в деревню (29-го), где нашел Ваше письмо, так порадовавшее меня. Милое, милое Ваше письмо: милый, милый цветок[1]. Долго смотрел на него, не мог насмотреться. Я не писал Вам последнее время, потому что и мне было тяжело. Глаза мои никуда бы не смотрели. Перемогал ночи и дни. Каждое утро мне казалось, что днем надо перевалить чрез Гималаи. Таких Гималаев было ровно столько, сколько было дней. Целыми неделями я не мог работать, потому что всякая работа казалась мне бездельем сравнительно с другой, никак не определимой, бесцельной, истощающей силы работой. Работа же эта заключалась в том, что я следил за малейшим облачком на горизонте души; и как только начиналась тревога (безумная, бесцельная), я напрягал все свои силы, чтоб ее побороть. Тревога представлялась мне в виде реально существующего чудовища, с которым нужно биться насмерть. И я боролся, боролся до изнеможения. В чем заключалась борьба, трудно рассказать. В моей груди собиралось точно электричество, и энергией воли я превращал

силу, ко мне притекающую, в невидимые, психические лучи. И лучами этими, будто мечом, я рассекал пространства, направляя их, точно прожекторы, на окрестности, чтобы реально обнаружить чудовище. Я чувствовал себя на военном положении. Всякая работа *иная* казалась безумной, бесцельной; всякая иная работа отвлекала от борьбы, убаюкивала зоркость, и *враг мог воспользоваться* моим покоем. Вам странно, Вам смешно, милая, милая, милая Маргарита Кирилловна: Вы окружены лучами ясного света. В световом водопаде несетесь чрез пространства – туда, к Вечности. А я... я попал Бог знает куда, где все наполнено чёртом, где каждая мелочь отчетливо хохочет дикостью. Где все занавешено «*диавольской дымкой*». Вспомните обо мне: я совсем потерял надежду выбраться оттуда, куда попал. Это леса, в которых ходит Басаврюк (Ночь на Ивана Купала); тут все наполнено «страшной местью»[2]. Я чувствую себя запорожцем, играющим с самим диаволом в дурачки, причем ставкой является самая жизнь человеческая...

Ясная Вы, ясная, ясная. О, как мне хочется видеть Вас! Когда получил Ваше письмо, весь день окрестности были наполнены Вами. Вы – такая белая, белая....

Сегодня опять «*леса*»... Воздух туманен. Деревья поют о бесцельных порывах, снова приглашая на смертный поединок. Снова *враг* где-то поблизости. Я верю в Чёрта. Я знаю, *он* существует. Но обнаружить, уличить его нет никакой возможности.

Вы читали «*Чтения о Богочеловечестве*» Соловьева. Это прекрасная книга[3]. Помню, года 4 тому назад я читал эту книгу, а душа вся рвалась и просилась..... Куда? *Нет, Вы знаете, Вы угадываете.* Платон, Соловьев об одном. Платонизм Соловьев приводит к христианству. И когда в недрах христианства зазвучит нота вечной окрыленной влюбленности, точно завеса спадает с глаз. А стихи Соловьева? Я считаю его одним из наиболее значительных поэтов русских. «Смерть и время царят на земле»[4]. «Если желанья бегут словно тени»[5]. «Лишь забудешься сном»[6] и т. д., какие это всё перлы! «*И голос все тот же звучит в тишине* ***без укора***: ***Конец*** *уже* ***близок;*** *нежданное сбудется* ***скоро***»[7].

С какой бы радостью я переслал Вам «*Симфонию драматическую*»[8]. Если б можно было достать экземпляр! Но последний, единственный мой экземпляр попросили знакомые и не вернули. С каким восторгом я увидел бы Вас, Маргарита Кирилловна! Ради Бога, пишите мне: Ваши письма – всегда отрада. Я бесконечно, бесконечно Вам предан, и каждая мелочь, все, все, касающееся Вас, мне дорого. Буду скоро еще Вам писать. Заканчиваю письмо: едут в город[9].

Остаюсь бесконечно преданный Вам, уважающий и любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Работал мало. Кончаю 4-ую Симфонию[10]. Занимался славянской мифологией, философией и анархизмом.

---

[1] Приводим текст этого недатированного письма (с вложенным цветком), отправленного из Ораниенбаума (под Петербургом):

Это маргаритка, мой цветок!

Дорогой Борис Николаевич!

Не писала Вам все это время – потому что в душе у меня было очень смутно и даже темно, только вот последние дни начинают пробиваться лучи света. Не думайте, что о Вас не помню – помню всегда! Ваши оба письма пришли, по обыкновению, когда мне особенно было их нужно! Как я Вам благодарна за Вашу ласку – Вы не знаете, как мне бывает она дорога и нужна. У нас здесь чудесно. Дом старый, старый, принадлежал он еще Екат<ерине> II-ой, я даже сплю в ее комнатке. Кругом вековые ели и дубы. Вид с террасы на море и массу зелени – дивный. По вечерам солнце тонет в море и небо бывает удивительное. Видела раза два тигровые закаты, с бархатной лапой, и вспоминала Вас, конечно. Я живу здесь в одиночестве, конечно я говорю о внутреннем. Кругом масса домашних и приезжих иногда! Но в душе я одна! Хотя недавно со мной случилось счастье! Я прочла и много раз прочла стихи Соловьева, чтение о Богочеловечестве и несколько статей. Прочла и вот теперь не одна! В мыслях вообще во всем построении его системы я еще не разобралась – это требует большого труда, да и многое мне чуждо – не знаю, вообще ли чуждо или только пока! Это требует глубокого обсуждения. Но он как живая личность, его истинно религиозное настроение, его душа, какое-то вдохновенное сознание подвига, эта красота, в которой почти видишь

его внутренний мир, – это все мне дало такие радости... Я просто чувствовала, что вступаю с ним в живую беседу и он понимает все глубочайшие тайны и отвечает на все! Это меня так поддержало, столько открыло всего, что я как-то начинаю светлеть! Если у Вас есть, то пришлите Вашу 2-ю симфонию, у меня ее нет! Мне хочется знать, как Вы переживали Соловьева. Вообще что Вы пишете и над чем работаете? Пишите все и о бархатной лапе! Что Сережа? Как Вы думаете проводить все лето? Если будете здесь – то приезжайте ко мне! Что Ваша мама, кланяйтесь ей от меня! До свиданья, милый Борис Николаевич, пишите скорее.

Преданная Вам *М. Морозова.*

[2] Подразумеваются повести из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» – «Вечер накануне Ивана Купала» (1830) и «Страшная месть» (1832). Вспоминая о летних месяцах 1905 г., проведенных с С. М. Соловьевым в Дедове, Белый отмечает: «... упивались мы Гоголем: *"Страшною местью"* и *"Вием"* <...> казалось: весь дедовский воздух напитан был Гоголем» (*О Блоке.* С. 185). Ср. запись Белого в *«Ракурсе к Дневнику»* (июль 1906 г.): «Жизнь в Дедове: исключительный интерес к Гоголю; изучение гоголевской формы» (л. 29).

[3] «Чтения о Богочеловечестве» Вл. Соловьева публиковались в 1878–1881 гг., отдельное издание – М., 1881. В *«Ракурсе к Дневнику»* Белый относит свое знакомство с «Чтениями о Богочеловечестве» к ноябрю 1900 г. (л. 8 об.) – ко времени начала систематического изучения философских сочинений Соловьева. Фрагменты из Чтения девятого он пересказывает в письме к Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г. (*Белый – Блок.* С. 44).

[4] Строка из стихотворения Вл. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887). См.: Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 79.

[5] Начальная строка стихотворения Вл. Соловьева (1893?). См.: Там же. С. 100.

[6] Начало стихотворения Вл. Соловьева «Лишь забудешься днем иль проснешься в ночи...» (1898). См.: Там же. С. 133.

[7] Заключительные строки стихотворения Вл. Соловьева «Сон наяву» («Лазурное око...», 1895). См.: Там же. С. 110.

[8] «Симфония (2-я, драматическая)» Андрея Белого (<М.>: Скорпион, <1902>) вышла в свет в апреле 1902 г.

[9] См. примеч. 3 к п. 15.

[10] Ср. запись в *«Ракурсе к Дневнику»* о сентябре 1906 г.: «В который раз берусь за переработку 4-ой *"Симфонии"*» (л. 29 об.).

34

Начало августа 1906 г. Москва

Милая, милая, милая,
Маргарита Кирилловна,

ах, спасибо за письмо[1]. Не мог отвечать. Не могу отвечать.

При свидании все скажу.

Со мной ужас. Я надел черную, черную маску – мое лицо в черных кружевах[2].

Остаюсь глубоко преданный

Борис Бугаев[3].

---

[1] Имеется в виду либо несохранившееся, либо недатированное и не идентифицированное нами по отношению к данному ответному письмо.

[2] Эти строки – свидетельство наиболее острого душевного надлома, переживавшегося Белым из-за неразделенной любви к Л. Д. Блок и вследствие мучительной неразберихи в их взаимоотношениях. В «Воспоминаниях о Блоке» Белый признается: «Да, я был ненормальным в те дни; я нашел среди старых вещей маскарадную, черную маску: надел на себя, и неделю сидел с утра и до ночи в маске: лицо мое дня не могло выносить<...>» (*О Блоке.* С. 238).

[3] Вероятно, следующее недатированное письмо Морозовой – ответ на это письмо:

Милый мой дорогой Борис Николаевич! Что с Вами? Что Вы, отчего это, что нужно сделать, чтобы Вы не ощущали ужаса, а опять летели к солнцу и верили! Что нужно и как Вас исцелить? Сию секунду получила Ваше письмо и просто ужасно грущу и болит сердце о Вас! Как бы мне хотелось, чтобы Вы верили, что Вы *все, все, все* можете мне сказать! Несмотря ни на какие страдания, которые я могу испытывать за Вас и вообще за *немногих* мною любимых, никогда не нарушится равновесие и гармония моей души – я это знаю! Потому ничего не бойтесь и говорите все – если Вам это нужно и если я могу перелить хоть каплю моей гармонии и спокойствия! Как бы я этого хотела! Через три недели буду в Москве и надеюсь Вас видеть и поговорить обо всем! Ну пожалуйста, успокойтесь, возьмите себя в руки, я просто требую от Вас, чтобы не было никакой душевной болезни! Посмотрите, как хорошо кругом, как все ясно и как понятно! Если бы я могла сейчас уехать хоть ненадолго, я бы Вас умолила поехать со мной в Швейцарию, мы бы с Вами погуляли по горам, так просто и свободно! Меня все-таки

всегда тянет к горам, туда повыше! И право, там вовсе не холодно, а так светло и ясно! Напишите скорее и *яснее*, в чем дело!

Преданная Вам *М. Морозова.*

Почему же это состояние?

35

10 сентября 1906 г. Москва

Глубокоуважаемая и милая Маргарита Кирилловна,
вчера только вернулся из Петербурга[1]. Узнав, что Вы в Москве, страшно захотелось Вас видеть. Ввиду того, что я уезжаю в Мюнхен в субботу на этой неделе[2], мое желание Вас видеть еще сильнее и упорнее. Если бы я Вам не помешал и если бы Вы были настолько любезны, что позволили мне Вас видеть, я был бы Вам очень благодарен за извещение, когда Вас можно повидать, не мешая Вам. Дни у меня распределены так, что днем ввиду спешного отъезда мне быть у Вас труднее. Вечера же понедельник, вторник и среда[3] свободны (воскресенье, четверг и пятница заняты).

Остаюсь глубокоуважающий и неизменно преданный

Борис Бугаев.

---

[1] Белый выехал из Петербурга в Москву 8 сентября, на следующий день после решительного объяснения с Блоком и Л. Д. Блок, в ходе которого дал «обещание не видеться: год» и «отдохнуть за границей» (*О Блоке.* С. 242).

[2] Суббота – 16 сентября. Белый, однако, выехал в Мюнхен позднее – в среду 20 сентября.

[3] 11, 12, 13 сентября.

36

29 сентября / 12 октября 1906 г. Мюнхен

München. 12 October 06 г.

Глубокоуважаемая и милая, милая
Маргарита Кирилловна,

так часто вспоминаю Вас! Здесь думается легко и свободно: сейчас лето, плеск фонтанов, голубое небо, голубые конки, голубые мундиры на слепительной ткани белых тротуаров и зеленые пирамидальные тополя – все это нежным аккордом ласкает. Меня поражает: все вальсируют здесь, вальсирующей походкой ходят по улицам, вальсируют в мыслях, вальсируют наконец перед своими надеждами и идеалами: легкость ли это, или покров, наброшенный на глубину немецкой души? Весь Мюнхен, взятый в целом и рассмотренный извне, напоминает легкий акварельный пейзаж, или шаржи немецкого художника *Heine*. Я всегда любовался Heine и еще в «*Мире Искусства*» и в «*Весах*», и в «*Simplicissimus'*е»[1],но никогда не думал, что его шаржи не шаржи, а просто копии с Мюнхена. Иногда мне казалось, что Мюнхена нет, а это синематограф, мелькающий перед глазами, но когда вспомню Дюрера, Гольбейна, Кранаха, грозящих сердцу жуткой, еще не испытанной далью, горизонты которой изрезаны образами грядущих титанов, – нет, опять верю в Германию[2]. Милая, милая Маргарита Кирилловна, не забывайте меня, на покидайте меня духом, я так твердо знаю, что мы будем все ближе, все ближе встречаться на каких-то гранях, но на каких именно – не знаю, не знаю!

Вы – светлый луч моей жизни!

Остаюсь глубоко преданный и неизменно уважающий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Мой адрес: Deutschland. München. Barer Strasse 53 II 1.

---

[1] Томас Теодор Гейне был одним из основных сотрудников мюнхенского иллюстрированного еженедельника «Simplicissimus» (основан в 1896 г.), отличавшегося остросатирической направленностью. См. также воспроизведение его рисунка в «Весах» (1905. № 12. С. 39).

[2] Ср. свидетельства Белого о посещении им мюнхенских художественных музеев – Старой Пинакотеки и ее гравюрного кабинета – в письмах к матери: «Вдумчиво изучаю старых немцев и почти каждый день до 12 часов (в 12 иду обедать) сижу в гравюрном кабинете Пинакотеки» (Воронин С. Д. Из писем Андрея Белого к матери // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник

1986. Л., 1987. С. 66–67); «Здесь есть подлинные гравюры Дюрера, этого гиганта старогерманской живописи, Леонардо. <...> Старые художники поразительны...» (письмо от 1/14 октября 1906 г. // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). 13/26 октября 1906 г. Белый писал из Мюнхена В. Я. Брюсову: «... Дюрер и оба Гольбейна совершенно заполонили душу. Очень хороши старые немцы: Wolgemut, Strigel, Grünewald и др.» (*ЛН. Т. 85*. С. 392). См. также главку «Пинакотека как дрожжи мысли» в воспоминаниях Белого (*Между двух революций*. С. 100–106).

37

Середина ноября ст. ст. / Конец ноября н. ст. 1906 г.
Мюнхен

Глубокоуважаемая милая, милая
Маргарита Кирилловна,

простите меня за то, что я молчал. Не писал я сознательно, хотя часто и много думал о Вас. Но когда я приехал в Мюнхен, первые два месяца пребывания были для меня болезненным сном после застарелой переутомленности. В этом сне все мелькало перед глазами, как в панораме, и внутри и вовне, ничего не было устойчивого. Несмотря на быстроту и живость впечатлений и извне, и изнутри, я сознавал, что эта пестрота и живость восприятия *только* живость расшатавшейся машины, реагирующей поспешно и слишком живо на то, до чего нет ей никакого дела. *Полусон, полубред* после убийственно трудной дороги – вот пока моя жизнь здесь.

Иногда наплывали пролеты сознания, и тогда я с поразительной отчетливостью видел свой путь в будущем, милых и близких сердцу лиц, но налетала волна сна, и все сливалось в одну смутную, неизъяснимую грусть о чем-то.

Грусть о чем-то, вот что так близко мне, вот что я только знаю. Мне хочется плакать о том, что вера моя в людей, непоколебимая, – она зашаталась. Так одиноко, так страшно в темноте, так сильна ночная буря вокруг. Мы – бедные дети – хотим света и ясности, но нас постоянно обманывают. Я и сейчас себя чувствую брошенным, обманутым, униженным в том, в чем полагал я только *свет* и только *яс-*

ность. Теперь не то, что я не верю в *свет*, а то, что какой бы свет ни зажегся передо мной, я скажу себе: «А кто знает, не ловушка ли тут». Цельности в вере моей нет. Мне страшно: еще много, много дней ненужного, разбитого существования – мне страшно! Мне хочется смеяться над тем, что было когда-то таким близким, – я не верю и в музыку. Мне кажется прекрасным только то, что поют прачки, полоская руки в синьке. Бетховен и Вагнер (о, я слишком заражен ими!) мне начинают казаться буржуазными лгунами и предателями[1]. Мне грустно, что я так думаю, мне хотелось бы, чтобы мысли мои утверждали меня в моих чувствах, а случилось со мной наоборот: все сознание проклинает во мне то, что наперекор поет в душе, наперекор всем проклятиям сознания. И от этого в душе получается глубокий расщеп.

Милая, милая Маргарита Кирилловна, вот я вижу Вас, и Вы сердитесь на меня; сердитесь и называете мои сомнения малодушием. Нет, не сомнения малодушия во мне теперь, а *грусть бесконечная*, закованная в броню негодования. Я думаю, что отплачу за все доверие к людям прежних лет – доверие, приведшее меня к отчаянию, усталости и бездеятельности.

За два месяца я понял ясно, что мне нужно стать совсем другим, не таким, как прежде. Вот что со мной внутри. А на поверхности прошло несколько волн. Первая волна – чисто внешняя: «*гейневский стиль*» (художника Гейне) всей немецкой культуры. Вторая волна: сумеречный ужас старогерманской школы[2]. Третья волна – ничтожество современной Германии в лице ее лучших представителей. Все здесь – живые мертвецы. Прожив 2 месяца с немцами, я невольно потянулся к полякам. Среди поляков здесь есть интересный народ[3]. Познакомился между прочим с Пшебышевским, который совершенно неинтересен как писатель и интересен как музыкант[4]. В общем, здесь, кроме Дюрера, Вольгемута, Рубенса и еще немногого, *не на чем остановиться*. Мне кажется, что я давно родился в Мюнхене, и все здесь серо, почтенно, буднично.

Милая, Милая Маргарита Кирилловна, одно я знаю, – в Германии *нет таких людей, как Вы*. Вы всегда мне казались удивительной, я *всегда* и *всему* в Вас удивлялся; теперь

я понял, что самое нужное, глубокое есть *русское*, и в Вас, как в лампаде, теплится неизвестный *светоч* будущего. В чем этот светоч – не знаю, боюсь сказать (я столько говорил несостоятельного, что уже и не верю своим словам) – но Вы *светитесь* тем *светом*, который озарит Россию. (Прежде, давно, я думал, что Вы – *«Жена, облеченная в солнце»*: в детской формуле моей была одна глубокая еще мне не ясная правда.)

А пока пусто, темно и страшно, страшно. Не забывайте меня. Хоть иногда вспомните. А если когда-нибудь напишете хоть строчку, буду страшно счастлив.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и бесконечно преданный

Б. Бугаев.

---

[1] Этот ход рассуждений получил свое развитие и обоснование в статье Андрея Белого «На перевале. VI. Против музыки» (Весы. 1907. № 3. С. 57–60. Подпись: Борис Бугаев).

[2] Имеются в виду немецкая живопись и графика XV–XVI вв.; ср. п. 36, примеч. 2.

[3] О встречах с поляками, и прежде всего с поэтом и драматургом Казимежем Врочиньским, Белый подробнее рассказывает В. Я. Брюсову в письме от 7/20 ноября 1906 г. (см: *ЛН. Т. 85.* С. 398–399).

[4] Свои встречи со Станиславом Пшибышевским Белый описал в очерке «Пшибышевский. Силуэт» (Час. 1907. № 18, 2 сентября). См. также: *Между двух революций.* С. 116–119.

38

Середина ноября ст. ст. / Конец ноября н. ст. 1906 г. Мюнхен[1]

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна!

Послал Вам 2 письма[2]. Адреса не писал. Еду в Париж[3]. Из Парижа напишу.

Остаюсь глубокоуважающий Вас

Борис Бугаев.

[1] Открытка с видом: München, Rathaus-Keller. Почтовый штемпель получения: Москва. 20 <?>. 11. 06.

[2] Имеются в виду п. 36, 37.

[3] Белый выехал в Париж 17/30 ноября, прибыл туда на следующий день.

39

20 ноября / 3 декабря 1906 г. Париж[1]

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна,

Спешу Вас уведомить о своем адресе в Париже: мой адрес. Paris. Passy (XVI). Rue du Ranelagh № 99. На днях напишу Вам подробнее. Очень рад, что – здесь.

Остаюсь глубокоуважающий Вас

Борис Бугаев.

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Paris. 3.12.06. Почтовый штемпель получения: Москва. 23.11.06.

40

14/27 февраля 1907 г. Париж[1]

Глубокоуважаемая, милая, милая Маргарита Кирилловна, ради Бога простите, что не ответил сразу на Ваше письмо[2]. С утра до вечера был занят спешным составлением лекции, которую просили меня прочесть *с.д.*[3] А после готовился оппонировать *соц<иал->дем<ократам>*, выставившим своих тузов на лекции Д. С. Мережковского[4]. Только сегодня освободился. Не писал Вам прежде, потому что думал (простите, если неверно), что Вы имеете что-нибудь против меня. Внутри что-то проносилось как бы от Вас, укоряющее. Я не знал, что Вы против меня имеете. Подтверждением своих переживаний служило и то, что Вы мне не писали (я не получил первого письма Вашего – оно пропало). Милая, милая

Вы – родная мне *всегда, всегда*: оттого-то я и боюсь Вам писать, когда чувствую, что Вы почему-либо мной не довольны – не хочу быть навязчивым в письмах. Теперь поправился: доктора еще делают перевязку[5]. Внутри – очистилось: спокойствие, но не от освобожденности, а от тихой покорности судьбе. Подолгу застываю с трубкой над потухающими углями, подолгу тону в безмысленном оцепенении. Еду в Россию (в Москву) через 10–11 дней. Громадная жажда Вас видеть. Не покидайте меня дружбой, милая, милая!

Спрашиваете о Мережковских: обязан им всем. Они тихую навеяли на меня ласку, сон. Видите, как пишу: разучился. Оттого, что все застыло от слова <?>. Могу сидеть, молчать, курить и улыбаться. Париж помогает уединению. В Мюнхене затормошили знакомые немцы, поляки и др.

Прощайте, родная моя милая Маргарита Кирилловна. Надеюсь скоро увидеться. Радостно жду Вас увидеть.

Бесконечно преданный и любящий

Борис Бугаев.

---

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте: Paris. 27.2.07. Почтовый штемпель получения: Москва. 18.2.07.

[2] Имеется в виду следующее письмо:

20 янв<аря 1907 г.>

Дорогой и милый Борис Николаевич,

Давно не имею от Вас известий! Послала Вам тогда письмо в ответ на Ваши и с тех пор ничего о Вас не знаю. Сама не писала все время, хотя всегда, всегда о Вас думаю. Очень мне грустно Ваше отсутствие, так недостает бесед с Вами, которые так поддерживали во мне светлую веру! Милый Борис Николаевич, как Вы живете, что думаете и чувствуете, хорошо ли Вам? Когда были здесь Метнеры, мы говорили часто о Вас – мне было отрадно вспомнить Вас с любящими Вас людьми, но теперь, с их отъездом, как-то не с кем о Вас поговорить! На днях мое сердце укололо сообщение, что Вы продолжаете писать в «Золот<ом> Руне», тогда как я знаю, что там пишется совсем Вас недостойное. Не пишите там, пожалуйста! По правде Вам сказать, я была очень огорчена тем, что Вы уехали из Мюнхена! Мне казалось, что Вам нужна именно не затрагивающая Вас сфера, чтобы дать успокоиться и зажить Вашей наболевшей душе и нервам! Работа – скучная, спокойная и ровная – лучший целитель! И вдруг Вы улетели туда, и там Мережковские

и еще, может быть, другие! Все они хорошие и, конечно, более интересные, чем мюнхенцы, но это для Вас опасно, я боюсь? Как Вы? Ради Бога, напишите мне сериезно и обстоятельно о Вашем состоянии вообще и в частности, думаете ли Вы все о том же, или это сгладилось? Как на Вас действуют Мережковские? Что французы? Не поддавайтесь, умоляю Вас, этому эстетизму внешнему, изломанному, поддержите, спасите в себе то живое, искреннее, светлое, что есть в Вашей настоящей природе!

Преданная Вам и любящая Вас *М. Морозова.*

В письме к матери, отправленном из Парижа 5/18 февраля 1907 г., Белый сообщал: «Сегодня получил письмо от Маргариты Кирилловны, ужасно личное и хорошее. Оно меня очень порадовало» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358).

[3] Т. е.: социал-демократы. Имеется в виду лекция «Социал-демократия и религия», которую Белый прочел 9/22 февраля в пользу эмигрантской кассы в помещении парижского кафе (см.: Белый Андрей. Себе на память // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 3 об. Под № 80). Статья Белого под тем же заглавием, соответствующая содержанию лекции, была опубликована в журнале «Перевал» (1907. № 5. С. 23–35). Аудитория, состоявшая в основном из политических эмигрантов, отнеслась к положениям лекции резко критически; см.: Антон Крайний <З. Н. Гиппиус>. Добрый хаос // Образование. 1908. № 7. Отд. III. С. 16; Семенов М. Я. Андрей Белый в Париже (От нашего корреспондента). «Социал-демократия и религия» // Утро. 1907. № 54, 16 февраля. С. 2 (газетная вырезка с этим репортажем сохранилась в архиве Андрея Белого: РГБ. Ф. 25. Карт. 7. Ед. хр. 7).

[4] Ср. сообщение в составленном Белым перечне «Себе на память»: «Участие в прениях после доклада Мережковского на темы его книги “Не мир, но меч”. Париж» (Л. 3 об., № 81). 14/27 февраля 1907 г. Белый писал Брюсову: «Читает Мережковский социал-демократам. Мне надо подготовиться для возражения социал-демократическим оппонентам (они выставили против Мережковского своих тузов)» (*ЛН. Т. 85.* С. 406). Лекция Мережковского основывалась на тексте З. Н. Гиппиус, положения которого были повторены в ее статье «Революция и насилие» («La Révolution et la violence»), опубликованной в сборнике «Le Tsar et la Révolution» (Paris, 1907. P. 87–132; см.: Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. [Париж, 1907]. Первое русское издание. М., 1999. С. 103–128). Лекция Мережковского, назначенная сначала на 16 февраля (1 марта н. ст.), состоялась 21 февраля / 5 марта «в гигантской Salle d’Orient. <...> Было чуть не 1000 человек. А возражения пришлось перенести еще на другой вечер. Среди оппо-

нентов был <...> и Андрей Белый <...>» (Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 170). О ходе лекции и последовавшей дискуссии написал Д. В. Философов в статье «Русские в Париже» (Товарищ. 1907. № 213, 11/24 марта. С. 2. Подпись: Д. В. Ф.). См. также: Павлова Маргарита. Мученики великого религиозного процесса // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. С. 44–45.

[5] 2 января (н. ст.) 1907 г. Белый перенес хирургическую операцию, вышел из больницы в конце января. А. М. Метнер писала Морозовой 21 января / 3 февраля 1907 г.: «Знаете ли Вы о Борисе Николаевиче? Вероятно, он писал Вам? У него сделался какой-то нарыв, делали операцию, долго лежал, ухаживали монахини, которыми он очарован, теперь встал, пишет, что "ковыляет по улицам, опираясь на палку". Письмо прислал большое и довольно мрачное. Очевидно, он еще не знал, что к нему выехала его мать. Теперь она уже давно там. Он, кажется, хотел от нее скрыть, но ей писали Мережковские (от себя или по его поручению – не знаю). И хотя сообщили, что опасность миновала, она все-таки очень встревожилась. Прислала мне письмо самого ужасного содержания, как если бы Борис Николаевич умирал. Для Бориса Ник<олаевича> теперь необходим полный душевный покой, а я боюсь, что Александра Дмитриевна подействует на него совершенно обратно» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 50). А. М. Метнер излагает здесь сведения из недатированного письма Белого к Э. К. Метнеру (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 52). Сообщение о поездке А. Д. Бугаевой к Белому в Париж не соответствовало действительности.

41

Конец февраля 1907 г. Москва

Милая, дорогая,
Глубокоуважаемая
Маргарита Кирилловна,

Я приехал[1]. Так хотелось бы Вас повидать. Так много хочется Вам сказать.

Когда это можно?

Остаюсь любящий Вас глубоко

Борис Бугаев.

---

[1] Написано по возвращении из Парижа.

42

Не позднее 14 апреля 1907 г. Москва.

Глубокоуважаемая и милая Маргарита Кирилловна, не был у Вас все это время. Адски был занят. Ужасно хотелось бы Вас повидать. Не приедете ли Вы на мою лекцию о «*Символизме в русском искусстве*»?[1]

Остаюсь глубоко преданный

Борис Бугаев.

---

[1] С лекцией «Символизм в современном русском искусстве» Белый выступил 14 апреля 1907 г. в Политехническом музее.

43

Около 15 апреля 1907 г. Москва

Глубокоуважаемая и милая Маргарита Кирилловна, непременно буду у Вас[1]. Я страшно о Вас соскучился. Узнал, что Вы уехали в Петербург, и не знал, когда Вы приедете. Оттого-то и не шел. Кроме того, были рефераты, срочные дела и т. д.

Буду у Вас, если позволите, в пятницу с Кобылинским[2]. Сережа, кажется, уезжает на днях. Во вторник читаю вторую лекцию «*Искусство будущего*»[3]. Если у Вас будет охота и время, мне было бы так радостно Вас видеть. Посылаю на случай Вам билет. Только за него ничего не следует: устроители мне прислали для знакомых. Если Вам нельзя быть на лекции, я зайду на днях и попрошу у Вашего человека билет.

Милая, милая Маргарита Кирилловна, страшно жажду Вас видеть и говорить.

Глубоко и неизменно преданный

Борис Бугаев.

Лекция в Политехническом музее в 8 часов[4].

---

[1] Белый отвечает, вероятно, на следующее недатированное письмо (в случае правильности этого предположения, отосланное

15 апреля 1907 г., ср. п. 42; упоминаются С. М. Соловьев и Эллис – Кобылинский):

Дорогой Борис Николаевич! Я вчера не могла пойти на Вашу лекцию, т<ак> к<ак> была занята. Досадно, что я раньше об этом не знала. Очень по Вас соскучилась. Пожалуйста, приходите ко мне вечером к 9-ти час<ам> во вторник, среду, четверг или пятницу! Очень Вас об этом прошу. Попросите прийти Серг<ея> Мих<айловича> и Л. Л. Кобылинского. Преданная Вам сердечно

М. Морозова.

[2] Пятница – 20 апреля. Возможно, личное знакомство Морозовой и Эллиса состоялось в этот день или незадолго до того. 22 марта / 4 апреля 1907 г. Э. К. Метнер писал Морозовой об Эллисе из Мюнхена: «Его застенчивость помешала ему прийти к Вам прямо, как я ему это по Вашему поручению предложил. Но теперь, я надеюсь, он был у Вас (или соберется к Вам) с Борисом Николаевичем. Очень любопытно, какое он на Вас произведет впечатление» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52а).

[3] Лекцию «Будущее искусство» Белый прочитал во вторник 17 апреля в Политехническом музее.

[4] Видимо, следующее письмо Морозовой – ответное:

Дорогой Борис Николаевич! Радуюсь Вас видеть у себя завтра к 9-ти час<ам> и Л. Л. Кобылинского. Вчера очень хотелось пойти на Вашу лекцию, но не скрою от Вас, что мое настроение эти дни настолько ужасно, что я никуда не показывалась, а ложилась в постель и закрывалась подушкой, с тем, чтобы ничего не слышать и не видеть! Приходите. Вы как всегда принесете свет! Видите, какая я эгоистка!

Сердечно Вам преданная *М. Морозова.*

44

Около 19 апреля 1907 г. Москва

Родная моя, милая, милая Маргарита Кирилловна!

Извиняюсь, простите: здоровье рухнуло. Встал и почувствовал нервное переутомление: меня Сережа насильно увозит в деревню[1]. Завтра быть не могу. Приеду в понедельник на святой[2]. Если позволите в этот же день зайти к Вам, чтобы выяснить день? Бесконечно жажду Вас видеть. Ужасно есть потребность с Вами говорить много и долго.

Вы позволите?

Сейчас в ужасном настроении: свалились две лекции[3], рецензии, хлопоты по устройству одного человека здесь в Москве (приехал из-за границы)[4].

Если останусь в Москве, совсем рухну: надо три дня, чтобы привести себя в порядок.

Вы позволите зайти в понедельник на Пасхе?[5]

Остаюсь глубоко <и> неизменно преданный Вам

Борис Бугаев.

---

[1] Речь идет об отъезде с С. М. Соловьевым в Надовражино под Москвой (близ Дедова). Ср. письмо Белого к Брюсову, отправленное, согласно почтовому штемпелю, со станции Крюково 20 апреля 1907 г.: «Сейчас вдруг нервы рухнули. Бегу из Москвы дня на три» (*ЛН. Т. 85.* С. 408).

[2] Понедельник на святой (пасхальной) неделе в 1907 г. – 23 апреля.

[3] Публичные лекции, прочитанные в Политехническом музее 14 и 17 апреля (см. примеч. 1 к п. 42, примеч. 3 к п. 43), вторая из них («Будущее искусство») была прочитана повторно там же 30 апреля.

[4] Имеется в виду С. А. Вулих; Белый упоминает о нем в цитированном выше (примеч. 1) письме к Брюсову. Белый познакомился и сблизился с Вулихом в Мюнхене осенью 1906 г.; в перечне своих мюнхенских знакомых он указал: «Вулих (высланный, эмигрант)» (*Ракурс к Дневнику.* Л. 161 об.). 31 октября 1906 г. Белый писал из Мюнхена матери: «Один только русский (еврей) <...> пришелся мне очень по душе. Это социал-демократ, человек благородный и неподкупно честный. Может быть, через месяца полтора он будет в Москве. Прошу тебя <...> отнестись к нему поласковей. Он такой одинокий, гордый и замкнутый, с виду даже неприятный, но в душе удивительный человек. Я ему дам письма к московским знакомым» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358). Сохранились 8 писем Вулиха к Белому за 1906–1907 гг. (РГБ. Ф. 25. Карт. 13. Ед. хр. 16).

[5] Возможно, следующее письмо – ответное:

Христос Воскресе, дорогой Борис Николаевич! Очень хочется Вас видеть. Не зайдете ли сегодня днем – я буду дома и буду рада Вам.

Сердечно преданная *М. Морозова.*

45

Середина июня 1907 г. Петровское[1]

Дорогая, глубоколюбимая Маргарита Кирилловна, с восторгом я проведу у Вас несколько дней[2]. Помня Ваше любезное приглашение, я все время собирался Вам написать, осведомляясь о том, когда Вы свободны.

Вот только в чем затруднение.

Сейчас занят с утра до вечера новой переработкой своей «Симфонии»[3]. Между тем «*Скорпион*» уже давно ждет ее и уже объявил, что она печатается[4]. Ввиду этого мне необходимо в недели две ее обработать и переписать. Труд большой. Если я сейчас к Вам приеду, будет 1) неспокойно на совести, 2) разобьется рабочая атмосфера и вновь с мучительством придется в нее входить, 3) в четвертый раз обману я «*Скорпион*», который ждет рукописи не позднее 1-го июля.

Вот почему, дорогая Маргарита Кирилловна, если Вы позволите, я приеду к Вам в первых числах июля[5]. А до этих пор кончу «*Симфонию*». Мечтаю очень провести с Вами несколько дней: Вы всегда мне *такая радость!*

Если будете свободны, не напишете ли мне до 1-го июля в Крюково и после первого в Москву, могу ли я быть у Вас от 3-го до 5-го июля (я бы приехал в эти числа)? Тогда непременно дам телеграмму[6].

Надеюсь, до скорого свидания: остаюсь глубоко и неизменно Вам преданный

Борис Бугаев.

Адрес: Ник<олаевская> жел<езная> дорога. Крюково. Сельцо Петровское. С. М. Соловьеву с пер<едачей> мне.

---

[1] Петровское – имение, прилегающее к Дедову. Белый провел июнь 1907 г. в гостях у С. М. Соловьева.

[2] Отклик на следующее письмо:

Дорогой Борис Николаевич!

По приезде из Парижа спрашивала у Вас на квартире о Вас, мне сказали, что Вы в Крюкове. Вчера приехала в Москву и опять звонила к Вам – мне опять сказали, что Вы в Кр<юкове>. Пишу Вам несколько слов и обращаюсь с громадной просьбой! Вы знаете, как я дружески привязана к Вам, я пережила с Вами очень мно-

го светлых и милых мне минут! Временами у меня бывает сильная потребность Вас видеть и переживать светлое, так подымающее настроение! Так вот, я *очень* Вас прошу, приезжайте ко мне на несколько дней! Я Вас очень прошу, сделайте это теперь же – Вы мне очень нужны! Даже если Вам не хочется, то все-таки пересильте и приезжайте. Конечно, если только Вам действительно нельзя по какой-нибудь сериезной причине – то так мне и напишите! Если же нет сериезного препятствия, то непременно приезжайте – мне это необходимо! Привезите Ваши разные вещи – мы почитаем вместе! Я об этом мечтаю с радостью. К нам ехать далеко. Пришлите мне телеграмму заранее о дне и часе Вашего приезда – я распоряжусь насчет лошадей. Надо ехать по Брестской дор<оге> до станции Голицыно. Мой адрес: Звенигород Московск<ой> губ<ернии>, им<ение> Кораллово – мне! Жду Вас с нетерпением.

Ваша *М. Морозова.*

[3] В июне 1907 г. Белый писал 4-ю, заключительную часть 4-й «симфонии» «Кубок метелей», работа была завершена 30 июня. 23 июня Белый сообщал матери: «Пока же работаю над *"Симфонией"*. Работаю много и упорно» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358).

[4] Первоначально предполагалось публиковать 4-ю «симфонию» в «Весах». В феврале 1907 г. Брюсов писал Белому: «Поджидаем "Кубок метелей". Но начнем его уже со второй половины года» (*ЛН. Т. 85*. С. 404). В № 1 «Весов» за 1907 г. было объявлено, что «в первых №№ "Весов" 1907 г.» будет, наряду с другими произведениями, напечатано: «Кубок Метелей. IV симфония» («Весы – Скорпион». Каталог № 4. С. 6).

[5] Это намерение не было осуществлено.

[6] Морозова ответила следующим недатированным письмом:

Дорогой Борис Николаевич!

Ужасно обрадовалась, получив Ваше письмо! Радуюсь бесконечно видеть Вас. Конечно, мне ни за что не хочется, чтобы Вы прерывали Вашу работу! Конечно, это необходимо сдать «Симфонию» к 1-му и не обманывать Скорпиона. Никого не нужно обманывать, правда? – 3-го утром буду в Москве и 5-го, вероятно, поеду обратно – тогда мы можем вместе поехать с Вами. Во всяком случае 3-го узнаю по телефону, в Москве ли Вы, и тогда мы сговоримся. Если Вы в Москве не будете эти дни, то приезжайте 6-го или 7-го, послав накануне телеграмму мне, с каким поездом будете.

Адрес: Звенигород. Москов<ская> губ<ерния>. Им<ение> Кораллово. Жду Вас с нетерпением! Захватите с собой Ваши вещи, все какие можно.

Искренно сердечно преданная *М. Морозова.*

Кланяйтесь Серг<ею> Мих<айловичу>.

Видимо, в первой декаде июля Морозова вновь написала Белому:

Дорогой Борис Николаевич!

Пожалуйста, приезжайте в четверг 12-го, не позже*. 18-го в среду я должна уехать в Москву по важному делу на несколько дней, и если Вы приедете позже, то останетесь слишком мало! Если Вы не можете приехать в четверг или в крайнем случае в пятницу, то уж лучше после моей поездки в Москву, числа 21-го или 22-го. Приезжайте в четверг – мне очень, очень хочется Вас видеть.

Преданная Вам *М. Морозова.*

* С поездом в 9 ч. 40 м. утра.

Намеченная поездка к Морозовой в июле 1907 г. так и не состоялась: Белый провел весь месяц в Москве, энергично участвуя во внутрисимволистской фракционной борьбе и работая над полемическими статьями и фельетонами. 30 июня 1907 г. Белый писал матери: «К Морозовой, должно быть, не поеду: 1) потому что ужасно занят “Симфонией”. Ее надо переписать (что составляет громадный труд – 250 страниц переписки). 2) Не поеду к Морозовой еще и потому, что не хочется быть в гостях; не хочется говорить ни о чем: все обдумываю некоторые литературные дела. Остаюсь пока на неопределенное время в Москве, потому что хочу устроиться в газете и, кроме того, есть дела со “Скорпионом” по поводу издания двух моих книг – “Сборника стихов” и “Кубка метелей”» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358).

46

30 сентября 1907 г. (?) Москва

Глубокоуважаемая и милая, милая
Маргарита Кирилловна,

я уезжаю завтра, в понедельник с курьерским[1]. Мне так хотелось бы с Вами проститься. Мне было бы очень отрадно зайти к Вам. Время мое располагается так: сегодня утро занято. С четырех часов я свободен приблизительно до 9-ти. Вечер занят. Завтра от 1 до 2<-х> я свободен. Если бы в эти периоды мне было возможно Вас видеть, я был бы Вам очень благодарен.

Остаюсь бесконечно преданный и неизменно уважающий Вас

Борис Бугаев.

[1] Понедельник – 1 октября 1907 г.; в этот день Белый уехал в Киев для участия в вечере «нового искусства» в Киевском городском театре (см.: *О Блоке*. С. 289–300; *Между двух революций*. С. 294–298). Указание дня недели является основанием для предполагаемой датировки письма: все другие документально зафиксированные даты отъезда Белого из Москвы на дальнее расстояние («с курьерским»), вероятные в данном случае, приходятся на другие дни недели.

47

Между 6 и 8 января 1908 г. Москва

Дорогая, милая Маргарита Кирилловна!

Ради всего святого, увольте от реферата[1]. Я совсем заболеваю. Надо готовиться к лекции 15-го в Петербурге[2]. Последние дни с утра до ночи отдавал себя другим. С тем – дела, с этим – важное для него, а не для меня. Сегодня опять оторвали: с 12 часов дня до часу ночи все объяснялся с людьми: сейчас на границе псих<ического> расстройства. Завтра хлопочу за бедного Эллиса: ведь я так его люблю. Надо со стороны узнать, за что его арестовали; надо помочь; добиться в охранном отделении свидания[3]. Завтра день занят. Послезавтра свободен только с 12 до 3-х дня. После дела. А вечером мне надо дать объяснения в «*Эстетике*»[4] по поводу текущих дел.

Вы знаете, что кратко формулировать свое «*credo*» и вполне методологически сериозно труднее, нежели развить это «*credo*» в серии лекций. *А кое-как это сделать я не хочу*. Надо все же обдумать, *что* и *как* говорить. А времени думать у меня нет: измучили люди, измучили. Ради Бога, Маргарита Кирилловна, увольте. Я готов через месяц специально написать к теме реферат, а сейчас отказываюсь решительно. Простите и не сердитесь. Я взываю к пощаде. Дошел до предела немоготы: сейчас и писать, и формулировать устно не могу, не умею. Отразился на нервах и арест Эллиса. Сегодня передали мне, что и меня могут арестовать (передали от с.-д.[5]); я не хочу, чтобы арестовали теперь (надо сказать в Петербурге некоторым важные слова. В. Иванову, Блоку). Арест сейчас был бы некстати. Через две недели – согласен. Сейчас – нет. (Про арест – это между нами.)

Никому *близким* и *слабым* (например, маме) я не говорю: может быть, мне сообщили вздор.

Вы радость, Вы свет и счастье. Вы сумеете не обидеться на мой неуклюжий отказ. Я прочту реферат – через две, три недели, через месяц: только сейчас *не могу*.

Простите, милая, милая, милая Маргарита Кирилловна.

Остаюсь неизменно преданный

Борис Бугаев[6].

---

[1] Речь идет о предполагавшемся выступлении Белого в философском кружке на квартире Морозовой.

[2] 15 января 1908 г. Белый выступил в Петербурге в зале Тенишевского училища с лекцией «Искусство будущего» (ранее он дважды читал ее в Москве; см. п. 43, примеч. 3, п. 44, примеч. 3).

[3] Эллис был арестован в ночь с 5 на 6 января 1908 г. по подозрению в принадлежности к «Военной организации партии социалистов-революционеров», освобожден из-под стражи 10 января. См.: Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 315–317; *Начало века*. М., 1990. С. 56–57.

[4] «Общество Свободной Эстетики», основанное в 1906 г. при Московском Литературно-Художественном Кружке; Белый и Эллис входили в его литературную комиссию. См.: <Шруба Манфред>. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М., 2004. С. 161–162.

[5] Т. е.: от социал-демократов.

[6] Ответное недатированное письмо Морозовой:

Дорогой Борис Николаевич!

Конечно, *я* не могу на Вас сердиться за Ваш отказ, но не в этом дело! Дело в том, что это совершенно немыслимо – это в высшей степени невероятно! Подумайте, ведь у Вас ***есть*** этот реферат, Вам его нужно только *прочесть*. Пожалуйста, прочтите его так целиком, как он есть – это очень, очень всем интересно! Это совершенно невозможно отказываться, т<ак> к<ак> все собираются, очень интересуются – это просто ужасно неловко! Нет, Вы этого не сделаете! Напрасно Вы так это принимаете к сердцу и хотите как-то готовиться, у Вас уж есть реферат, Вы его уже читали, ну так и прочтите его просто как есть! Вы увидите, что это будет очень просто и уютно, все с таким интересом к Вам относятся! Дорогой мой Борис Николаевич, это совершенно невозможно – я этого никак не допускаю!

Преданная Вам *М. Морозова*.

Ничего не переделывайте, так обе части и прочтите!

48

Между 7 и 9 января 1908 г. Москва

Глубокоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна, простите за вчерашнее письмо[1]. Оно было после бесконечного разговора с целым рядом лиц. Конечно, я читать буду, но вот что я могу предложить. Я могу извиниться за то, что не успел достаточно обработать тему и вместо случайных обрывков, которые я прочел в Рел<игиозно->Фил<ософском> обществе[2], я могу прочесть мою лекцию «Искусство будущего». Она – цельна и обработана. В то же время она построена философски и решает поставленную задачу. На предложенные вопросы я могу отвечать обоснованием своего «*credo*». Ведь мое «*credo*» – философская система, и я не хотел бы излагать ее в таких случайных выражениях, в каких написал мой реферат. Лекция же моя «Искусство будущего» есть цельная лекция и вполне выдержанная. Если Вы нашли возможным, чтобы я прочел ту лекцию, то тем более Вы сочтете возможным, чтобы я прочел эту лекцию. Она сплошь de facto практически решает проблему символизма. Искусство будущего и есть «коллективный символизм». Я извинюсь за перемену темы. Могу восполнить свою ошибку впоследствии. Но умоляю позволить мне прочесть «Искусство будущего».

Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев[3].

---

1 Имеется в виду п. 47. Настоящее письмо написано до получения письма, приведенного в примеч. 6 к п. 47.

2 В Московском Религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьева Белый выступил с лекцией «О новом искусстве символизма» (см.: Соболев А. В. К истории Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 109). Ср. ретроспективные записи Белого о декабре 1907 г.: «Участие в беседах рел<игиозно>-фил<ософского> О<бщества>»; «Реферат мой в филос<офском> кружке Морозовой на тему "*Философия Символизма*"; участвуют в прениях Е. Трубецкой, проф. Л. М. Лопатин, проф. Северцев, проф. Хвостов, Рачинский, Шпетт, Фохт, Совальский» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 42 об.). В перечне «Себе на память» Белый упоминает «реферат "О символизме" в философском кружке у Морозовой» и перечисляет тех же оппонентов.

[3] Морозова ответила следующим недатированным письмом:

Январь 1908 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Ну, слава Богу – Вы меня утешили! Вы – прекрасный! По-моему, хорошо прочесть и «Искусство будущего», если там выражены вполне Ваши идеи, и, конечно, можно в беседе коснуться символизма! Только уж больше меня не огорчайте! Кланяйтесь Александре Дмитриевне и скажите, что я приду на будущей неделе!

Любящая Вас *М. Морозова.*

49

20 января 1908 г. Москва

Глубокоуважаемая и близкая мне Маргарита Кирилловна,

К великому моему горю в указанные Вами дни я быть не могу: я еду завтра в Петербург на неделю[1].

Ужасно жалею, что до отъезда Вас не придется видеть. Христос с Вами. Сейчас же, как приеду из Петербурга, дам знать и буду просить у Вас позволения зайти к Вам. А теперь в эти дни быть у Вас не могу.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и неизменно преданный

Борис Бугаев.

---

[1] Белый выехал из Москвы 21 января, 25 января выступил с лекцией «Фридрих Ницше и предвестия современности» в зале Тенишевского училища, отбыл в Москву в тот же день.

50

Конец мая 1908 г. Серебряный Колодезь[1]

Родная, близкая,

все думаю о Вас. Два раза в небе Вас видел. Тону в сирени. Безмятежный покой мешает пока работе; скоро днями уйду в работу.

Чувствую, что глупею бесконечно: в душе совершаются таинства, а до мысли не дотягиваешься. Глупею, все глупею: это хорошо, это от усталости восходишь к себе самому. Мы с Э<милием> К<арловичем> оба как-то поглупели[2]. Сегодня неожиданно приехал Сережа; привез с собой что-то нужное для меня[3].

Сейчас слепит солнце, ласкает небо и душит, душит сирень. В душе смесь из сирени, сини и солнца в чаше из пространств. Из этого хаоса еще ничего не выросло. Но мысль, что растет хорошее, что какое-то «*будет*» – будет, все это бодрит меня, укрепляет; и уже хочется летать, хочется отдаться ветру, стать ветряным, потому что и Вечность – ветряная: в ветре она спускается ко мне – моет, замыла голубыми разливами; заливает даль, – и уже сам в дали: сам себя видишь на горизонте своих чаяний, достигнешь самого себя; и вот «здраствуй», – «здраствуй», отвечает эхо[4]; сам себе улыбаешься, любишь, смеешься, и не можешь сказаться. И вот Вечность принимает Ваш образ и ведет меня к себе самому. Простите: это бред. Скоро я разберусь: тогда напишу по-умному, а сейчас просто хотелось сказать Вам, что я Вас *вижу* сейчас здесь и смеюсь, улыбаюсь Вам; часто читаю Ваше милое, ясное письмо; оно утешает меня; милое, милое письмо!

Часто говорим о Вас с Эмилием Карловичем, но по какому-то я недоговариваю ему *о Вас*. У каждого с каждым должно быть свое: трое, четверо близко чувствующих друг друга должны иметь *каждый* с *каждым* свое, иное: тогда – радость и веселие светлое! Христос с Вами, милая, близкая, ясная, любимая Маргарита Кирилловна.

Б. Бугаев.

P.S. Мой адрес. Тульская губерния, г. Ефремов. Сельцо Серебряный Колодезь. Мне.

*P.S.** Эмилий Карлович кланяется. На днях напишет Вам[5]. Мама Вас приветствует. Еще раз Христос с Вами, милая, близкая!

---

[1] Сохранился конверт с не поддающейся уточнению датой отправления: «<?>. V. 1908. Ефремов»; относится, по всей вероятности, к данному письму.

---

* *Приписано над текстом письма.*

[2] Белый вместе с Э. К. Метнером выехал в Серебряный Колодезь во второй половине мая 1908 г.

[3] Ср. дневниковую запись Э. К. Метнера от 1 июня 1908 г.: «Целый день гуляли и беседовали с Бугаевым и Сергеем Соловьевым, приехавшим сюда на четыре дня» (РГБ. Ф. 167. Карт. 22. Ед. хр. 12. Л. 28. Оригинал по-немецки). В «Воспоминаниях о Блоке» Белый сообщает: «Весна 1908 года меня утомила до крайности; двинулся в наше имение, которое продала моя мать. Э. К. Метнер поехал со мной: погостить; провели несколько незабываемых дней; неожиданно приехал С. М. Соловьев; скоро оба уехали» (*О Блоке*. С. 335).

[4] Вероятная реминисценция из стихотворения А. Блока «Над озером» (1907), входящего в цикл «Вольные мысли» (впервые: Факелы. СПб., 1908. Кн. 3. С. 14–17).

Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: «Здравствуй!» – я кричу...
И голосом красавицы – леса
Прибрежные ответствуют мне: «Здравствуй!»

[5] 2 июня 1908 г. Э. К. Метнер писал Морозовой из Серебряного Колодезя: «Борис отправил Вам за это время два письма; кроме того, он сочинил одну ругательную статью и два с половиною стихотворения; все это – считая, что отдыхает и бездельничает; я же ничего не был в состоянии делать <...> У нас с Бугаевым – полная гармония; часто мы сходимся в пустяках и шалостях <...> Бугаев, отдыхая, набирается духу богатырского; потягиваясь в гамаке, неожиданно произносит: "А я *всё* о *всех* напишу: никого в покое не оставлю!"... Не думайте, что мы только серьезничаем; мы дурачимся на славу и... на страх врагам мистическим; "тактически" метаем каменья в овраге (Овраг = Враг) <...> Через три-четыре дня выезжаю отсюда в Изумрудный Поселок» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52а).

51

Начало июня 1908 г. Серебряный Колодезь

Милая Маргарита Кирилловна,

вдруг захотелось Вам писать. Я сейчас один: все уехали в гости[1]. Ясный вечер: весь день болела голова и смертельная тяжесть навалилась на душу. Вышел в сад. Ветви акации

протянулись, все в солнце, и ветви акации закачались в солнце. Тут я вспомнил Вас.

Друг мой, милая, милая: не покидайте меня духом. Разуверенье постигло меня во всем. Обманули зори, обманули люди, обманула литература. Не обманывайте Вы. Вы последнее соединяющее звено меня с миром. А то нет уж для меня мира: пора уйти в себя, закатиться для людей, разбросав солнечность души, с улыбкой закатиться на горизонте: уйти в ночи темь. Синяя ночь, холодная ночь, свободная: ночь зовет – манит, склоняется ко мне на грудь, плачет росой, оплакивает смехом. Ночь со мной: ночь последнего одиночества, ночь мудрой старости просится в душу: зачем свет? И без света можно уйти в синей ночи холодной.

Так иногда просится ко мне одиночество. Пусть свет остается в моей груди; с этим светом я ухожу на родину родную – один, один: ухожу на темную родину. Сейчас сидел на лавочке, и казалось, что счастье в том, чтобы вовсе уйти от людей, захлебнуться в неизвестности, лететь в синем эфире, умереть для жизни; не надо людей: утомляют, пытают* люди: все люди – злые люди; и *добрые* тоже злые люди.

И только воспоминание о Вас не отяготило души; милая, Вы свет последний, последний луч жизни, озаряющий мертвое мое лицо; в мою усталость Вы проливаетесь весенним ветерком, а иногда я еще не знаю: быть может, Вы сестра–весна моей загробной жизни. Благословите отходящего ко сну: не покиньте умирающего: пусть Ваша улыбка в *последний* раз озарит холодеющее лицо; и я унесу в иной мир эту улыбку.

Родная, милая Маргарита Кирилловна: сегодня я пишу Вам что-то грустное, грустное: мне грустно и радостно, и сериозно. Мне кажется, я умираю: скоро умру; а это – хорошо: смерть хороша, если она озарена примирением; я так устал, так измучен; кого любил, все, почти все обманули доверие. Сейчас мысленно обозреваю людей (вчерашних друзей, на которых я готов был молиться) – и всё *это враги*[2]. И мы никогда уж не встретимся в этом мире без судороги взаимной неприязни.

---

* *В автографе описка*: пытаюсь

Нет, Вы не можете себе вообразить, что произошло для меня за эти 2 года. Тут было крушение всех идеалов; десятки людей проваливались безвозвратно. Произошло нечто такое, от чего я оправлюсь разве лет через пять, если только проживу.

А жить устал: мне кажется, я завоевал себе право отдохнуть: хочется опрокинуться в гроб, чтоб засыпали гроб цветами; хочется в гробу, как в лодке, плыть через голубые разливы пространств – туда, туда, где нет «*болезней*»[3].

Хочется, чтобы Вы последняя подошли проститься со мною, чтобы Вы благословили меня цветком, отправляя в дальнюю дорогу; мне хочется, чтобы Вы, вся в цветах, склонились над гробом и сами, как лодку, оттолкнули гроб от берега.

Милая, милая, милая, прощайте: Христос с Вами!

Борис Бугаев[4].

---

[1] Видимо, подразумеваются, в частности, мать Белого (А. Д. Бугаева) и Э. К. Метнер.

[2] Имеется в виду прежде всего А. Блок, отношения с которым Белый разорвал в начале мая 1908 г. (см.: *Белый – Блок*. С. 364–365); восстановлены они были по инициативе Белого в начале сентября 1910 г.

[3] Подразумевается молитвенная формула («Со Святыми упокой»): «Иде же несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание».

[4] Морозова ответила на это и ранее полученное (п. 50) письмо следующим недатированным письмом:

Дорогой, милый мой Борис Николаевич!

Сейчас получила Ваше письмо! Уже написала Вам и хотела отправить Вам ответ на первое письмо, а сейчас вот получила последнее, разорвала письмо, и пишу снова! Ваше письмо мне было бесконечно больно, больно и грустно! Если бы Вы знали, как я чувствую Вашу душу, Ваши страдания! Действительно – это так! Вы шли с открытой душой, полный любви, доверчивой и готовой на все, неся столько сокровищ и такую веру – и вдруг жизнь! Да разве *она*, реальная жизнь, с ее грубостью, компромиссом и безграничной жестокостью – может не разбить безжалостно, не измять все это! И после этих ударов, конечно, смерть, могила, тишина, *надолго*! Это верно, что надолго, но в том-то и дело, что не навсегда, мой друг! А потом вновь жизнь и, по-моему, настоящая, сильная, все реализующая! Конечно, эта тишина, это замирание, глухое, то-

мящее и горькое, – очень, очень решительный момент! Что образуется, что решится за этот период замирания? По-моему, это великий период – сознательного рождения или смерти окончательной! Разве это не велико, то, что мы можем свободно решать, выбирать: быть или не быть! По-моему, ***быть***. Должно *быть* и *будет*!! И ни в чем не уступать, должно быть то самое, полное любви, доверчивое, светлое, божественное и никакого компромисса, ибо уже теперь оно «будет» то самое, но *знающее*, твердое, побеждающее и непреклонное. Я знаю, что Вы в преддверии будущего настоящего, а не иллюзорного! Продумайте все прошлое глубоко, до основания, ради Бога! Может быть, и *Вы* не во всем правы, и Вы в упоении своей мечты не *различали* окружающего, и многое было, потому что Вы не *так* любили, мало любили! Подумайте – это вынет жало из сердца и смирит отчаяние! Дорогой мой друг, я ужасно верю в красоту и свет Вашей души, не допускаю, чтобы он меркнул! Лучше я бы перенесла Вашу смерть, чем омрачение и вследствие <этого?> падение! Решите же быть или не быть и тогда уж будьте бодры и радостны! Я знаю, что Вы часто бываете под влиянием настроения, Вы ужасно впечатлительный! Может быть, сейчас, читая мое письмо, Вы уже далеко, далеко от этого! Но пишу об этом все-таки, т<ак> к<ак> часто думаю и боюсь за Вас! Что Вы делаете, над чем работаете? что пишете? Я прочла основательно Вашу 2-ю симфонию. Теперь примусь за последнюю! Как сейчас хорошо у нас! В лесу – совсем сказочно! Я так отдыхаю, ни о чем (жизненном) не думаю, погружена в музыку и чтение! Очень много работаю! Мир весь – далеко, далеко ушел! Я его не чувствую! Приезжайте сюда, ко мне – я очень, очень хочу. Побудем в тишине – хорошо к ней прислушаться. Как Вы с Эм<илием> Карл<овичем>? Ах да, Вы очень верно написали, что каждый с каждым должен иметь свое! Да, это так, да, этого и невозможно передать и не хочется, что-то можно нарушить. Эм<илий> Карл<ович> единственный человек, с которым я говорю о Вас, но того, что чувствую, вообще как-то не передается! Ну до свиданья! Пишите скорее, как Вы?

Любящая Вас *М. Морозова*.

52

Середина июня 1908 г. Серебряный Колодезь

Дорогая, глубокоуважаемая и милая, милая, милая
Маргарита Кирилловна,

спасибо, спасибо за письмо[1]. Я не знаю, чем я заслужил такое глубокое участие: весь день смеялся и радовался, и

перечитывал Ваше письмо бесконечное число раз. Здесь, в деревне, каждое слово звучит иначе, глубоко, глубоко отдается в душе; а Ваши слова льются в душу радугой лучей: так радугой лучей восходите Вы в мою душу: сквозь грозы горит моя радуга – горите, светите, сияйте, – звезда души. Так радугой пришло мне Ваше письмо, и – о, как я слушал Ваши слова; и я знаю, что в них правда. Я пережил грозу, но еще не светит солнце: тучи отошли, и веришь, что свет над тучей: вот это отвлеченное знание о свете, оно одно способно пронести над многими опасностями. Больше того: оно дает силу надеяться.

Не отвлеченно, но всей силой моих переживаний хочу я света; переживания мои изнутри утверждают меня в себе. Правдиво свидетельствуя о последней святыне души, я уже осязаю свет не только духовным, но и душевным осязанием. И вот знание ума утверждает знание сердца; и обратно. О, это со мной, это меня никогда не покинет. Но если бы человек весь состоял из мыслей и внутренней музыки, то был бы он не человеком, а ангелом. И в каждом из нас есть свой ангел-хранитель. Есть и у меня ангел-хранитель; и вот он-то – спасен.

Но – если бы уверенность в благом устремлении своей души *уже* и спасала, если бы человек состоял из одной души, он не был бы *человеком*; а тело, а нервы, а все земляное в человеке: неужели это только мертвый ненужный придаток – нечто вроде волос: обстриг волосы – и горя мало (отрубил себе тело и порхай ангелом, вырвал нервы, и мысли себе на здоровье). Нет, тело и приводит *ангельство* в человеке к *жизни*. Оттого-то *жизненное* начало в человеке, т. е. *животное* (*живот* значит *жизнь*) начало в *ангеле* превыше «*Херувим и славнее без сравнения Серафим*»[2], раз оно действительно высветлено: если бы Христос воскрес душевно или духовно только, если бы Апокалипсис не сулил воскресения в теле, в земле, как и в духе, в небе, то Светлое *Христово Таинство* было бы не таинством, а никому не нужной аллегорией. Если бы символ не был зорей воплощения того, чем звучит он в душе – (действительного воплощения), если бы Фома не вложил персты в раны Христовы[3], религия имела бы аллегорический смысл, т. е. являлась

бы предшествующей философии: теория знания – ведь это тоже символ, из которого выжаты соки жизни, т. е. аллегория, как аллегорично (т. е. пусто, не *действенно,* а потому и *недействительно*) всякое знание, раз оно не есть еще и бытие. Всякое знание приводит к самосознанию, к *Я*; и если этим *Я* оказывается где-то мыслимая норма, не имеющая ровно никакого отношения к болезни, которой страдает мое «*Я*» живое (животное), то: 1) или знание не есть знание, 2) или *я* не *я*. Но ведь теория – всегда утилитарна в высшем смысле, т. е. направлена к одному или многим живым «я». И вот:

Живое «я», животно-ангельское, страдает во мне: то «*я*», которое погибает, если тело рассматривать не как сосуд благодати, или если душу рассматривать как нечто, не могущее дойти до *животных корней в человеке*. Вот это «*я*», независимо от пленяющей его музыки, независимо от нравственных высей познания, болеет во мне, не может вынести дуализма между телом и духом, просит одухотворенной жизни (непременно жизни, а не переживания, не мысли), просит *жизни* духа (а не созерцания, не полета). Душа моя *спасется*, не погибнет, но *я*, независимо от всех своих дурных или хороших качеств, могу рухнуть: это я чувствую иногда; и это-то заставляет страдать невыносимо.

И вот в таком припадке (всегда проходящем) боязни, что что-то во мне живом разорвется пополам и никогда не соединится более в *живом* единстве, – вот в таком припадке я Вам написал. И спасибо, спасибо, милая, Вы мне ответили: мне была так нужна Ваша ласка, кроткое Ваше утешение. Никто из друзей никогда, никогда не может мне дать столько бодрости в минуту слабости, как Вы: тут нужна кроткая ласка и непременно женственная, таинственная благодать помощи.

Только Вы мне ее даете.

Спасибо, спасибо, милая, милая.

Как мне хочется быть у Вас. Дорогая Маргарита Кирилловна, напишите мне или сюда до 20-го, или в Москву после 20-го, могу ли я приехать к Вам или в конце июня,

или в первых числах июля (к 17-му июлю мне нужно быть в Москве), не извещая о дне приезда точно, и дав телеграмму о выезде; или же должен я все же известить Вас заранее о дне приезда? Буду ждать ответа[4].

Христос с Вами, милая, милая, милая!

Борис Бугаев.

P.S. Мама просит передать свой привет и уважение. Э<милий> К<арлович> уже уехал; он был у нас до 8-го июня[5].

---

[1] Имеется в виду письмо, приведенное в примеч. 3 к п. 51.

[2] Припев к каждому стиху Песни Пресвятой Богородицы (из Всенощного бдения): «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем».

[3] См.: Ин. XX, 24–29.

[4] Речь идет о приезде в Поповку (см. примеч. 1 к п. 10). Ответ – вероятно, следующее письмо:

Милый Борис Николаевич! Приезжайте к нам, буду Вам очень рада. Душевно преданная Вам

М. Морозова.

[5] Касаясь пребывания в гостях у Белого в дневниковой записи от 25 июня 1908 г., Э. К. Метнер отметил «очень значимые беседы» с ним, внесшие полную ясность в их отношения; Белый при этом был «великолепен и преисполнен любви» (РГБ. Ф. 167. Карт. 22. Ед. хр. 31 об. – 32. Оригинал по-немецки).

53

23 июня 1908 г. Серебряный Колодезь

23 июня 08 года.

Милая, родная, близкая мне Маргарита Кирилловна,

Захотелось Вам написать. Завтра еду в Москву. Могу ли быть у Вас от 27 (28) до 4-го июля, т. е. могу ли в этот период времени приехать к Вам?

Из деревни уезжаю частью по делам, частью потому, что одолели: свинцовое небо, безмерные пространства, странники, пересекающие даль полей, и надо всем этим что-

то доисторически древнее, темное: страшна русская деревня средней полосы. Кругом – ничего: деревни – косматые звери, изрыгающие дым; в поле подсвистывает, подплясывает, подслушивает – сухой бурьян, лихой (в сердце вонзит он колючий шип). Иногда бурьян приходит к окнам и шипит там колючками[1]. И косматый свинцовый небосвод, истерзанный молньями. Есть от чего уйти в России. Боюсь за Россию.

Все это время занимался сборником, который разросся: пришлось делить на две книги[2]. Ужасная вещь писать стихи: никогда не измучает так философия, как все ухищрения метрики, стихосложения, ритма, рифм и пр., как все те препятствия и правила, которые сам себе ставишь и преодолеваешь. Я не так устаю от Канта, как от техники письма (стихов). Вдобавок еще и то, что помимо необыкновенно сложной технической стороны стихосложения (формы) развивается до болезненности впечатлительность от образа. Вы видите бурьян: вы углубляете его до символа, вы облекаете символ целой броней технических трудностей, выпиливаете слова, выстукиваете ритм, подбираете аллитерации – словом, в строфу вкладываете формулу целого мира, приснившегося Вам, – в результате так составленная строфа, что она для вас уже магическая формула, где форма, содержание и явление, породившее строфу, – одно. И вот окружающие предметы, породившие стихи, теперь в свою очередь перерождаются для вас под влиянием стихов: вы как бы заклинаете их стихами. Пишу все это, чтобы объяснить, почему (между прочим) я бегу из деревни: были свинцовые дни, я перерабатывал свой *«свинцовый»* (по настроению) сборник «Венец из марев»[3]; и вот пришлось войти в настроение, и я слишком углубился в это: в результате населил всю окрестность хрипящими в ветер кустами, пересмешниками травами, вдобавок утомился от непрерывной техники стиха так, что по ночам (во сне) складывал лучшие свои стихи, которые помнил только до... пробуждения (и они остались незаписанными); доработался до удушья, головной непрерывной боли; и когда мама уехала, а я остался один с целым арсеналом машин, выпиливающих строчки, и с легионом безотрадных образов (долженствующих быть в стиле сборника), то... не мог выдержать: придрался к случаю (надо маме передать бумаги) и еду. (Я хотел было пробыть до 1-ых чисел июля.)[4]

Написал за последние две недели стихотворений 30 и переработал заново стихотворений 20, а это безумно много, если сознательно относиться к форме и совр<еменным> требованиям техники; в результате – болен стихами.

Милая, родная, так хочется Вас видеть, посмотреть на Вас, порадоваться Вами.

Всего, всего, всего ясного и радостного.

Остаюсь глубоко любящий и неизменно преданный

Борис Бугаев[5].

---

[1] Эти образы и мотивы нашли непосредственное отражение в написанных летом 1908 г. стихотворениях Белого, вошедших в его книгу «Пепел». Ср. стихотворение «Бурьян» (помета под текстом: «1905–1908. Ефремов»): «Вон: – колкие руки подъемлет // Обсвистанный ветром бурьян»; «Вонзаю им в сердце иглу я...» (Андрей Белый. Пепел. СПб.: Шиповник, 1909. С. 38–39).

[2] Речь идет о книге стихотворений Белого, подготавливавшейся к опубликованию в издательстве «Скорпион» еще осенью 1906 г. под заглавием «Тоска по воле» (см.: Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. М., 1937. Т. 27/28. С. 586–588). В 1908 г. Белый на ее основе и с добавлением позднее написанных стихотворений сформировал две книги – «Пепел», вышедший в свет в начале декабря 1908 г., и «Урна. Стихотворения» (М.: Гриф, 1909; книга вышла в свет в конце марта 1909 г.).

[3] Одно из предварительных авторских заглавий книги «Пепел». В печатных объявлениях готовящийся к выходу второй сборник стихов Андрея Белого фигурировал под заглавием «Закатные прахи» (Весы. 1907. № 5. Каталог № 5. С. 10; № 11. Каталог № 6. С. 11; Свободные Мысли. 1908. № 44, 10 марта. С. 4).

[4] Ср. позднейшее свидетельство Белого об июне 1908 г.: «...взрыв лирической волны: пишу ряд стихов, мрачнейших, и между прочим: “*Деревня*” (поэма), “*Паук*”, “*Довольно, не жди, не надейся*”, “*Маскарад*”; перерабатываю стихи “*Пепла*”; “*Пепел*” готов к печати» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 44). Ср. сообщение в письме Э. К. Метнера к Морозовой (Изумрудный Поселок, 6 июня 1908 г.): «...приехал вторично на два дня Бугаев <...>. Он едет теперь к Соловьеву. В Серебряном Колодезе после моего отъезда он написал дюжины три недюжинных стихотворений» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52а).

[5] По получении этого письма Морозова ответила Белому дважды. Первое (недатированное) письмо относится, видимо, к концу июня:

Любезный Борис Николаевич!

Все это время до 3-го июля я буду дома и жду Вас к нам. У меня есть Вам письмо из Мюнхена. Перед приездом пошлите телеграмму в *Тверь*, фабрика Морозова, *Никулину*, чтобы Вам выслали лошадей и к <?> поезду.

Преданная Вам *М. Морозова*.

Вероятно, не получив ожидаемого отклика, Морозова написала вновь по уточненному адресу (Москва, Арбат, Никольский пер., дом Новикова):

8 июля.

Милый Борис Николаевич!

Наконец-то я Вас нашла! Представьте мое горе! Я забыла фамилию Вашего дома (я, кажется, не так говорю)! Знаю Ваш дом и переулок, названия не помню. Поэтому я все мои телеграммы и письмо посылала к себе в дом, не знаю, получили ли Вы! Не получая от Вас известий, я вчера послала телеграмму узнать, где Вы! Я в большом огорчении, что так все вышло! Со мной случилось внезапно ужасное несчастие – у меня сделался флюс! Я страдала ужасно и должна была ехать в Тверь и пробыть там два дня! Потом я поправилась и послала Вам вновь телеграмму с просьбой приехать на этой неделе, но Вас нет и ни слуху, ни духу! Я очень, очень огорчена! Неужели Вы не приедете, а я так мечтала Вас видеть здесь! Теперь от 10-го до 21-го я не свободна! Приезжает мой сын из заграницы от 10-го до 13-го, и я должна пробыть с ним, а потом поеду на несколько дней и только 21-го буду здесь. 28-го приезжает сюда моя сестра. Выходит, что я свободна от 21-го до 28-го. Если бы Вы могли приехать на это время, милый Борис Николаевич. Пожалуйста, приезжайте, ужасно прошу. Откликнитесь, напишите словечко – мне всегда очень грустно, когда я о Вас ничего не знаю.

Душевно Вам преданная *М. Морозова*.

54

14 июля 1908 г. Дедово[1]

Глубокоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна!

Извиняюсь, что пишу на открытке: вышла вся почтовая бумага, а достать сейчас нет возможности. Спасибо за любезное приглашение[2]. Непременно постараюсь быть у Вас

от 21-го 25-го июля <так!>, хотя теперь мне это (по многим обстоятельствам) очень трудно. Я совсем собрался к Вам к 5-ому, 6-ому июлю; когда узнал, что к Вам в то время нельзя, как-то быстро уехал к Сереже[3]; очень беспокоился о Вашем недомогании, но не мог послать Вам письма, потому что не знал, когда идут на почту. Очень, очень хотелось бы Вас и видеть, и о многом поговорить. Сделаю все усилия, чтобы приехать. Думаю (почти наверное), что мне это удастся. Остаюсь глубокоуважающий и искренне преданный

Борис Бугаев.

---

[1] Открытое письмо, отправленное по адресу: Тверь. Ее Высокородию Маргарите Кирилловне Морозовой. Фабрика Морозовых. Имение «Поповка». Почтовые штемпели: 14.VII.08; Тверь. 15.7.08.

[2] См. примеч. 4 к п. 53.

[3] Т. е.: в Дедово к С. М. Соловьеву. 9 июля Белый писал оттуда матери: «У Морозовой не был. Очень не хотелось уезжать» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

55

Середина июля 1908 г. Москва

Глубокоуважаемая и милая Маргарита Кирилловна,
к глубокому моему прискорбию, придется отложить приезд до 22-го[1]. Здесь у меня тоже неожиданные и важные дела, и я боюсь, что если скажу, что приеду, то обману Вас. Если позволите повидаться в Москве 18-го, я буду очень счастлив. Если позволите приехать 22-го, я приеду непременно.

Остаюсь глубоко уважающий и искренно любящий Вас

Борис Бугаев.

---

[1] См. п. 54, примеч. 5 к п. 53.

56

Конец июля – начало августа 1908 г. Дедово

Милая, милая, светлая моя, глубоколюбимая
Маргарита Кирилловна!

Ну вот опять незадача: не попал я к Вам, несмотря на то, что все время мечтал у Вас быть[1]. Но чувствовал себя нехорошо, все простуда какая-то; потом тут же писал, подготовляя курс лекций: работа спорилась, и я боялся оторваться от условий местности: когда в одном месте начнешь работу, всякий переезд перебивает колею настроения. Но главное: боялся разболеться и быть Вам в тягость. Так все ждал, не буду ли в состоянии хотя бы два дня провести у Вас, и вот: до 27-го, 28-го все та же была неопределенность. Да и сейчас не вовсе хорошо себя чувствую. Но душой хорошо отдыхаешь в тишине. Мы с Сережей в сущности одни, вне усадьбы: наш балкон выходит прямо на луг, а там за лугом и лес. Здесь по вечерам сижу и работаю; а то нападает бездумье какое-то: глубокая умиротворенность, покорность и грусть. Часто вспоминаю Серафимо-Дивеевскую обитель[2] и мечтаю (в полушутку) со временем поступить в священники: не надо людей, города, волнующих интересов. Хочется издали следить за жизнью, углубляться в фолианты на досуге, и помногу молиться где-нибудь в малопосещаемом храме. То, во что мы погружены, – суета сует и сон: так начинает все чаще казаться.

Ужасно о Вас соскучился, милая, родная Маргарита Кирилловна. Когда Вы будете в городе? Очень хотелось бы повидаться. Я между прочим 5-го, 6-го буду в Москве, а потом опять к Сереже[3].

Остаюсь глубоколюбящий Вас и искренно преданный

Борис Бугаев.

---

[1] См. п. 54, примеч. 5 к п. 53.

[2] В Серафимо-Дивеевском монастыре (Нижегородской губернии Ардатовского уезда), месте подвижничества св. Серафима Саровского, Белый побывал в конце августа 1904 г. (в позднейших автобиографических записях он относил это паломничество к сен-

тябрю). См.: Malmstad John E. Andrej Bely and Serafim of Sarov // Scottish Slavonic Review. 1990. Vol. 15. P. 67–68.

[3] Из Москвы Белый выехал в Петербург, оттуда – на дачу к Мережковским близ станции Суйда (под Петербургом, южнее Гатчины), где провел бо́льшую часть августа. Ср. запись Белого об августе 1908 г.: «Вернувшиеся в Россию Мережковские вызывают в Суйду» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 44 об.).

57

29 ноября 1908 г. Москва

Милая Милая Маргарита Кирилловна,

Что это вышло вчера? Какое-то безумство. Бог знает, что я себе позволил. Досталось же мне от всех: от Эрна, Булгакова и др. Вышло так пошло и подло мое возражение Алферову и Евг<ению> Никол<аевичу>[1]. Я совершенно стыжусь себя[2].

Очень ждем мы с мамой Вас завтра, в воскресенье часов в 8½. Страшно приятно и радостно было бы мне видеть Вас.

Приходите, милая, милая, родная Маргарита Кирилловна. Страшно хочется, чтобы Вы пришли. Будут Мережковские[3].

Остаюсь глубоко любящий

Борис Бугаев.

P.S. Завтра – это воскресенье 30-го.

---

[1] Подразумевается Е. Н. Трубецкой. Речь идет о прениях после лекции Д. С. Мережковского о Лермонтове «Поэт сверхчеловечества», прочитанной 28 ноября в публичном заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, проходившем в Большой новой аудитории Политехнического музея; докладчику оппонировал Андрей Белый (см.: Потресов С. Поэт и толпа (реферат Д. С. Мережковского) // Русское Слово. 1908. № 277, 29 ноября. С. 3). Ср. позднейшую запись Белого: «... участие в прениях после лекции Мережковского "Лермонтов" в Политехнич<еском>

музее (инцидент с Алферовым и Трубецким)» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 45 об.).

[2] Ср. описание инцидента в мемуарах Белого (при характеристике взаимоотношений с Трубецким):

«Двойственность отношений дошла до апогея в день выступления его с возражением Мережковскому: ничего не поняв в характеристике поэзии Лермонтова, он с видом "стража" понес свою куцую выспренность; и, как укушенный, выскочил я на эстраду, махая рукой и визжа:

– "Трубецкие, Алферовы и прочие кадеты нам не нужны!"

Сочувственно под рукою моею кивали какие-то юноши, которым жаловался я на убожество Трубецкого; сердце сжалось во мне, когда бросил я вскользь на него взгляд: он сидел, более чем когда-либо косолапый и красный, закрывши руками лицо и опустив голову; тут понял я, что ушиб человека.

На другой день, зайдя к Морозовой, я был встречен хозяйкой:

– "Как же я вас ненавидела вчера вечером за Евгения Николаевича, – улыбнулась глазами она, – и только сегодня простила вам!"» (*Между двух революций*. С. 269).

О лекции Мережковского вспоминает и Константин Локс в «Повести об одном десятилетии (1907–1917)»: «Любопытны были прения. Нападал на Мережковского и Лермонтова одновременно кн. Трубецкой. Возражения князя заключались, главным образом, в том, что Лермонтов написал "Героя нашего времени", вещь, по его мнению, автобиографическую. Он не одобрял этого произведения. Оно, без сомнения, было безнравственным. Худенький и прыгающий А. Белый дал князю отпор и наговорил ему много неприятных вещей» (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 42. Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова).

[3] Имеются в виду Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философов.

58

4 декабря 1908 г. Москва

Милая, милая Маргарита Кирилловна,
какая радость мне было видеть Вас вчера!

Что-то тихое, ясное вошло в душу.

Господи, как я люблю Вас!

Мне было бы очень радостно, если бы Вы были у меня на лекции: ужасно было бы уютно мне и тепло.

Посылаю билет; начало завтра в 9 часов (Мясницкая, Харитоньевский переулок. Дом политехнического общества)[1]. Если билет не нужен, то, быть может, Вы вернете его?

Господи, как радостно мне, что Вы – Вы!

---

[1] 5 декабря 1908 г. в помещении Политехнического общества Андрей Белый выступил с лекцией «Настоящее и будущее русской литературы» (см.: Русские Ведомости. 1908. № 279, 2 декабря. С. 1).

59

Вторая половина декабря 1908 г. Москва

Милая, милая, милая, милая,
Маргарита Кирилловна,

вчера видел Вас во сне: так хорошо мне было Вас видеть: Вы были голубая, ясная.

Мы ходили где-то в саду: была заря. И была нежная ясность. И стало все так понятно. Я боялся, что *опять* ничего не пойму. И я *все* понял. А деревья бушевали зарей – золотые, красные, ясные, райские. Я посмотрел на Вас – Боже: Вы молчали, улыбались шуму деревьев: *Вы знали все.* Проснулся.

И чувствую беспредельный восторг к Вам, и такое доверие, и такую близость.

Вы – милая, милая, милая...

Христос с Вами.

Бесконечно любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Болен: вот уже около недели сижу дома[1]; как только буду здоров, буду у Вас.

Посылаю Вам мою печальную книгу[2].

Хотелось бы, чтобы Вы когда-нибудь на досуге ее прочли; она – близкая мне, но близкая горькой близостью, нерадостной.

Она от бунта, а не от тишины.

---

[1] В записях о декабре 1908 г. Белый вспоминает: «... я измучен и заболеваю; меня – лечат...» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 46). 20 декабря 1908 г. Белый писал М. С. Шагинян: «Сейчас ужасающая слабость. Доктор запретил не только читать, но и думать. Мне грозят осложнения на почве переутомленности...» (Шагинян Мариэтта. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 243–244). В письме от 22 декабря 1908 г. З. Н. Гиппиус спрашивала В. Я. Брюсова: «Худые вести имеем о Бор<исе> Ник<олаевиче>. Вы не знаете, он серьезно болен?» (Литературоведческий журнал. 2001. № 15 (Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. Исследования и материалы). С. 212. Публ. М. В. Толмачева).

[2] Имеется в виду книга стихотворений Андрея Белого «Пепел» (СПб.: Шиповник, 1909), вышедшая в свет в начале декабря 1908 г.

60

Конец февраля 1909 г. Бобровка[1]

Милая Маргарита Кирилловна,

сейчас все так тихо; кругом снег, поля. Вот уже четвертый день я в полном одиночестве; в доме, где я живу (у сестры Г. А. Рачинского) – никого; четвертый день я буквально не сказал ни с кем ни слова; но и не работаю. Какая-то пришла дума; вспоминаю прошлое, такое пестрое, такое и печальное, и радостное, и жестокое. Вглядываюсь в будущее – неизвестность; и пред лицом ее мне стало вдруг страшно: перемена ли, болезнь ли, смерть ли предвещает тишина, которая спускается на меня из будущего. И в тишине будто поступь рока. И как-то особенно близки слова Тютчева «судьба, как вихрь, людей метет»...[2] Я преклоняюсь перед Тютчевым, но и боюсь его: он как Шуман; как Шуман *предвещает* что-то опасное; и потому-то я всегда, ловя себя на тютчевских и шумановских нотах, начинаю смутно тревожиться.

Не знаю, отчего со мной что-то странное происходит: чувство незащищенности, обреченности; и от давления будущего (не милого *далекого*, но близкого и сурового будущего) я все эти дни в прошлом: вспоминаю все, что произошло со мной за последние десять лет. И на фоне этого десятилетия ослепительно выступает Ваш образ: ни разу он не обманул меня, ни разу не омрачился: ясная, чистая, нежная грусть, и восторг, и вдохновенье... И вот тут хочется, чтобы хоть раз почувствовали Вы, ***как**** я Вас люблю, как я Вам благодарен за *все, все, все*: за тот восторг, за те чувства, которые Вы мне внушили в года моей юности в те дни, когда Вы еще не знали меня, хотя и были для меня утренней звездой Востока[3]. Я Вас бесконечно любил: в этом чувстве было все: и преклонение, и сказка, и влюбленность, и даже... даже страсть, но какая-то особенная; в те дни я услышал биение крыл, уносящих в лазурь; у меня выросли крылья, и этим я обязан Вам. Милая, как мне сказать Вам, что мне сказать Вам? Я могу только стать перед Вами на колени и посмотреть Вам в глаза, но *сказать* – что могу я?

Я Вам писал что-то: невнятное, детское; но я имел право Вам так писать: ведь писал я в пространство, лазурному небу, заре; милая, милая моя заря – бессознательно, не зная меня, Вы простили мне детские эти письма, я это чувствовал где-то в пространстве; Вы не посмотрели на письма мои как на дерзость; Вы не истолковали пошло мои письма: этим Вы осветили меня на всю жизнь, точно посвятили в тайну единого рыцарского ордена, чин которого чудно отдается в моей душе и теперь. Ну, не Ангел ли Вы души моей?

Гораздо позднее мы познакомились в дни, когда я стоял на распутьи среди туманов, в тревоге.

И беседы, и общение с Вами были всегда – лазурным островом среди окружающего.

Многое в моем отношении к Вам усложнилось, как усложняется узор листьев, когда мы приближаемся к дереву, издали представляющему простой контур. Так осложнили Ваш образ беседы с Вами: Ваш (эмпирически) искрящийся характер и Ваша (умопостигаемая) глубина (так редко тот

---

* *Подчеркнуто пятью чертами.*

и другая совмещаются) смутили меня. Но потом, особенно когда упростилась чуть было меня не погубившая многогранность, сквозь сложную призму Вашей внешней красоты (ума, остроумия, доброты, жизни) еще прекрасней, еще глубже блеснули – Вы, Вы, Вы.

Вы – это Та (имени ее не знаю). А Кто – Она (не Маргарита Кирилловна и всего менее «Гром победы раздавайся» или еще «*Славься сим* Екатерина, славься славная Жена*»**)?[4] Кто Она, не знаю, не хочу знать, не смею спрашивать: тут – милая, ясная загадка, божественное вдохновение. Как-то недавно я впился в Пушкина, попал на старые, вечно прекрасные строки:

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты».

Какой-то свой, иной, не пушкинский, не разгаданный смысл влагаю я в это стихотворение. Я вспомнил Вас, и знаете: чуть не ошеломил А. А. Рачинскую дикой радостью (ей непонятной). Милая, милая, милая, милая, милая...

«И сердце бьется в упоенье...»[5]

Эти строки звучали долго, звучали твердо. И ясная такая в тот день была заря; и снег искрился, а вечером была луна и снег отливал серебром и изумрудом; и сердце билось в упоенье...

Милая, вот что меня заставляет становиться пред душой Вашей (как она повернута ко мне) на колени, как перед Ангелом Хранителем моей души.

Верьте и знайте, что было бы мне легче умереть, чем лишиться Вас, Вашей дружбы: верьте, Ваше отношение ко мне для меня знак того, что небо еще не отвернулось: огромный символический смысл влагаю я в Ваше отношение ко мне; твердо верю, что мысль обо мне с лаской отгоняет от меня рои демонов и несчастий. Дай Бог, чтобы никогда, ни-

---

* «Сим» – это: плюмаж на шляпе, *«общественное мнение не потерпит»* и *«делай то-то и то-то, не делай того-то»*. (*Примеч. Белого*).

** Бога ради, простите шутку. (*Примеч. Белого.*)

когда отношения наши не затуманились. Все туманное надо выявлять. Христос с Вами.

Бесконечно преданный и любящий

Б. Бугаев[6].

---

[1] В село Бобровка Тверской губернии (за Ржевом, станция Оленино Виндавской железной дороги) Белый выехал (вместе с А. С. Петровским) 20 февраля 1909 г. (см. письмо Белого к В. Я. Брюсову от 21 февраля 1909 г. // *ЛН. Т. 85*. С. 418). В «Воспоминаниях о Блоке» Белый сообщает: «... в Бобровке встречаемся с только что приехавшими туда погостить Г. А. и Т. А. Рачинскими <...> Рачинские уехали на первой неделе поста <16–22 февраля 1909 г. – *Ред.*>; я остался с сестрой Рачинского, Анной Алексеевной, почти не жившей дома <...> я жил в большом доме, старинном, со множеством комнат, увешанных портретами предков, с тенистыми переходами и с превосходной библиотекой, принадлежащей Г. А. ...» (*О Блоке*. С. 344).

[2] Строка из стихотворения «Из края в край, из града в град...» (1834–1836).

[3] Ср.: «... мы видели звезду Его на востоке» (Мф. II, 2); «...звезда светлая и утренняя» (Откр. XXII, 16).

[4] Полонез О. Козловского («Гром победы раздавайся...») на текст Г. Р. Державина (ода «На взятие Варшавы», 1804, включающая новую редакцию ранее написанного хора). См.: Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 2002. С. 207–208, 509–510 («Новая Библиотека поэта»).

[5] Цитаты из стихотворения А. С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825).

[6] Приводим ответное недатированное письмо Морозовой:

Без конца благодарю за письмо, дорогой мой и милый Борис Николаевич. Оно осветило, укрепило мою душу! Господи, как мне хотелось бы сказать Вам так, чтобы Вы услыхали, поверили, как Вы мне дороги, как Вы много для меня. Я верю, что будет это когда-нибудь! Как я рада, что Вы там в тишине отдыхаете! Пожалуйста, умоляю Вас, побудьте там подольше. Не для общественного мненья, а для себя, для всего хорошего и светлого! Милый, пожалуйста, сделайте так! Не читайте, не работайте, а так просто растительно поживите. Я поглощена Скрябиным тут и жалею, что Вас нет! Вас мне недостает, чтобы лучше разобраться в нем. Скажу одно – он *не* мил моей душе, скорее не он, а его путь! Но он сам субъективно мил и увлекателен красотой своей артистической природы! Беседы с ним ужасно *неприятны*, даже пошлы. Но

когда заиграет, то очень хорошо! Вас недостает! Так вот сейчас, как хотелось бы провести вечер с Вами! Забыла бы все на свете! Только с Вами и улетаешь в прекрасный, лучезарный мир и забываешь землю с ее тоской и муками! Это удивительно, что когда мне очень тяжело, я напряженно думаю о Вас, как о самом светлом и милом и непременно получу от Вас письмо! Это меня поражает! Не смею Вам говорить о Вашем настроении, в котором есть мрачные, мрачные тени. Словами я Вас не могу убедить, но хотела бы всеми силами моей души сказать Вам так, чтобы стало светло и радостно! Будьте радостны, мой милый, хороший Борис Николаевич.

Сердечно Вас любящая *М. Морозова*.

61

Начало марта (?) 1909 г. Москва

Милая Маргарита Кирилловна,
буду непременно в пятницу у Вас[1]. Я приехал в субботу[2] и все эти дни хотел Вам писать, но накопилась бездна дел.

Милая, милая – Вы, что писали мне, но письма я не получил: мы разъехались с письмом[3]. Напишу в деревню, чтобы мне выслали письмо, а то меня ждут туда обратно и не высылают.

Милая, милая, милая – как я рад Вас видеть: все это время так Вы дороги мне.

Бесконечно преданный и любящий Вас

Б. Бугаев.

---

[1] Если предполагаемая датировка верна, то пятница – 6 марта. Белый отвечает на следующее недатированное письмо:

Милый и дорогой Борис Николаевич!

Слышала, что Вы вернулись! Очень хочется видеть Вас! Писала Вам туда в деревню, получили ли Вы мое письмо? Очень, очень Вас прошу прийти в *пятницу* в 8 ч<асов> веч<ера> – у меня будет Скрябин. Мне *очень, очень* хочется провести вечер с Вами и с ним. Это необходимо, и потому если только Вы не можете быть в пятницу, то назначьте понедельник. Ответьте непременно.

Любящая Вас *М. Морозова*.

В недатированном письме, написанном до 8 марта 1909 г., Скрябин (находившийся в Москве с 14 января до 14 марта 1909 г.,

в конце января – начале февраля несколько дней провел в Петербурге) обещал Морозовой посетить ее завтра – в пятницу (Скрябин А. Письма / Сост. и редакция А. В. Кашперова. М., 1965. С. 524). Биографы Скрябина не указывают точной датировки его встречи с Белым у Морозовой, она отнесена к февралю 1909 г. (см.: Летопись жизни и творчества А. Н. Скрябина / Сост. М. П. Пряшниковой и О. М. Томпаковой. М., 1985. С. 170). В «Воспоминаниях о А. Н. Скрябине» Морозова пишет: «За пребывание Скрябина в Москве мне очень хотелось его познакомить с некоторыми моими друзьями, главным образом с Андреем Белым, несмотря на то, что никакого сходства между ними, казалось, не было и они были так различны. Когда я вспоминала светлое и радостное настроение наших прогулок с Александром Николаевичем в 1902–1903 годах, с каким оживлением и подъемом он тогда говорил о преображающей роли искусства, о расцвете творчества, о своей "Опере", когда я вспоминала об этом, то у меня возникал образ "зорь", так удивительно светло описанных Андреем Белым в то же приблизительно время <...>. Мне казалось, что Скрябин и Андрей Белый как будто перекликались между собой, не зная друг друга. Как будто от одного к другому шли какие-то невидимые нити. Я очень мечтала, чтобы Скрябин и Андрей Белый встретились у меня и узнали друг друга. И что же? Они встретились и не сказали друг другу ни одного живого слова, не узнали и не почувствовали друг друга. Одно было прекрасно в этот вечер, то, что Александр Николаевич сел за рояль и сыграл 4-ю и 5-ю сонаты. Играл прямо необыкновенно!» (Наше наследие. 1997. № 41. С. 58. Публ. А. Носова). Ср. свидетельства Белого: «Помнится мне встреча со Скрябиным у Морозовой в присутствии Метнера; Скрябина Морозова мне всегда подносила; и, кажется многое обо мне говорила ему; но, кажется, мы в те годы не слишком нуждались друг в друге <...> из нарочно подстроенной встречи не многое вышло...» (*Между двух революций*. С. 310).

2 Суббота – 28 февраля.

3 Имеется в виду письмо, приведенное в примеч. 6 к п. 60.

62

1 июля 1909 г. Дедово[1]

Глубоколюбимая, милая Маргарита Кирилловна,

есть большая потребность с Вами говорить: а писать разучиваюсь с годами; много раз говорил с Вами безмолвно; в ше-

лесте трав и в огненной лазури вижу Вас издалека, потому что пространства не существует: за гранью неба – небо наших душ; в небесах души своей непрестанно Вас открываю, Вами любуюсь, говорю с Вами. Дни бегут за днями; и уже вот – середина лета; дни осыпаются лепестками, лучами, дождями, вспышками чувств и стройными линиями мыслей: встанешь: день золотой, и проходит острая мысль о том, что есть ритм, не успеешь подумать, а уже день сгорает в атласном пламени; и уже новый день с новой мыслью. И в памяти отлагаются линии мыслей и лепестки цветков. Куда все девается? Сколько передумаешь за день: встанешь утром – с новым днем, новые мысли.

Человек – неизмеримая глубина океана, где волнуются чудовища, розовеет коралл и собирается жемчуг: но человек ничего не знает о своей глубине: очи его касаются поверхности вод и только небо видят они да золотые лучи солнца; а там... внутри?! Милая, близкая, что Вам писать? Разве слова передадут? Хочется всей глубиной сказаться: но прибой моих чувств к Вам бессловесен и нем.

Что мне хочется Вам сказать? Что я Вас люблю, но это Вы знаете; что меня поразила такая-то мысль, но – завтра мысль эта канет в прошлое, а Вы – моя мысль постоянная, странная, в прошлом не утопающая; я встречу Вас по-новому там... в небесах, моя неизменная милая сказка.

Что я думаю о Вас сейчас, здесь, в эту минуту? Что меж нами совершается порой? А вот: – передо мной луг: среди бронзовых головок злаков, просвечивающих зеленью, золотые цветики здесь и там; дохнёт прохлада; побежит рябь – затанцует в зелени золотая звездочка, – и невыразимая сладость, нежность и тишина; погляжу вверх – оно без конца, оно такое бездонное: *небо*; в истоме раскидались по нем белые клочья облаков: когда я думаю о Вас, я становлюсь нежно распластанным облаком между бледноизумрудным лугом и бледнолазурной пустыней: это-то хочу я сказать Вам без слов. Читая эти слова (быть может, в день солнца), выйдите из комнаты, взгляните на луг – вы отыщете золотую звездочку цветка; Вы увидите небо; и на небе – облачко; улыбнитесь ему: скажите: «*Да, да – знаю*»...

В этот миг мы встретимся.....

Я не пишу, что я делаю: двигаюсь, говорю, пишу, но то – не я. Я живу с Сережей и маленькой черной старушкой[2]; Сережа шутит, старушка говорит обо всем высоком и благородном; перед грозой у нее испуганные глаза; перед грозой она кидает вызов судьбе и говорит о судьбах человечества: так отражается на ней барометр.

Милая, откликнитесь, улыбнитесь издалека.
Христос с Вами.
Нежно любящий Вас

Борис Бугаев.

Мой адрес: Николаевская ж<елезная> д<орога>. Станция Крюково. Сельцо Дедово. Имение А. Г. Коваленской. Мне[3].

---

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте: Крюково. 1.7.09. Отправлено по адресу: Германия. Шварцвальд. С. Блазиен (St. Blasien. Villa Bristol). Санкт-Блазиен – небольшой курортный город в Южном Шварцвальде, вблизи швейцарской границы.

[2] Имеется в виду А. Г. Коваленская, бабушка Сергея Соловьева.

[3] Морозова ответила в конце июля (н. ст.) по возвращении из Нойенара (Neuenahr), под Кёльном, где она встречалась с Е. Н. Трубецким (см. их переписку за июль 1909 г.: Новый мир. 1993. № 9. С. 190–192. Публ. А. Носова):

Дорогой и милый Борис Николаевич!

Была в отъезде из St. Blasien, и в моем отсутствии пришло Ваше письмо, которое по приезде получила. Дорогой и милый, как я обрадовалась Вашему письму! Как всегда, весточка от Вас кстати приходит! Как она мне согревает душу и напоминает такое светлое, светлое и хорошо делается! Спасибо, спасибо, милый друг! Надеюсь, Вы живете спокойно и все время у Сережи, редко ездите в Москву. Это необходимо для Вас – отдохните хорошенько, наберитесь сил для зимы, очень, очень Вас прошу. Знаете ли, что я купила наконец имение, и вот план моего путешествия изменился – я возвращаюсь в Москву в конце августа. В Биаррице я пробуду только три недели, виллу я *не* беру, т<ак> к<ак> не стоит на три недели. Ужасно досадую, что не пришлось побыть с Вами и

Метнерами вместе! Но эта печаль заглушается радостью перспективы видеть Вас у себя в деревне! Об этом я мечтаю очень много! Буду там все устраивать и надеяться, что туда Вас затащу и буду за Вами ухаживать так, чтобы Вы хорошенько у меня отдыхали! Эта мысль меня очень радует! Только что получила «Весы» и собираюсь читать Вашу повесть и статью! Все это время перечитывала некоторые вещи Соловьева и познакомилась впервые немного с духовной литературой. Здесь я вполне отдыхаю, живу в полном уединении с детьми. Это я очень люблю, и много в этом своей радости. Дети очень милые и очень со мной ласковы, они тут веселятся – играют много в теннис. Что здесь очень мне нравится – это воздушные ванны! Всегда я вспоминаю Вас, когда там бываю, и думаю, что это Вам бы очень нравилось. Представьте зеленую лужайку и всех дам и девочек в ярко-красных рубашках, босиком, бегающих, играющих в мяч и качающихся на качелях. Это удивительно весело, свободно! Какое-то вольное настроение является, чувствуешь себя близкой к природе, молодой и резвой. Это чудная вещь! Я непременно буду это делать в деревне! Советую Вам сейчас это делать – это оказывает громадное влияние на нервы, особенно в свежую погоду! Милый и дорогой Борис Николаевич, напишите мне непременно в: *France, Biarritz, Hôtel Victoria*. Только напишите непременно, *помните, как* это мне радостно и нужно! Наши отношения, наша дружба *одно из самых дорогих* моему сердцу в моей жизни! До свиданья, мой милый, светлый и хороший друг!

Всем сердцем Вас любящая *М. Морозова*.

(В тексте упоминаются: имение Михайловское в Малоярославецком уезде Калужской губернии, приобретенное Морозовой летом 1909 г. (22 июня 1909 г. Морозова извещала Э. К. Метнера: «Только вчера получила наконец телеграмму, что именье куплено» // РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 44); № 6 журнала «Весы» за 1906 г., в котором были напечатаны гл. III романа Белого «Серебряный голубь» и его статья «Шарль Бодлер»; о чтении Вл. Соловьева («La Russie et l'Eglise Universelle») Морозова сообщала также Е. Н. Трубецкому в начале июля 1909 г., см.: Новый мир. 1993. № 9. С. 190).

63

4 августа 1909 г. Москва

4-ое августа.

Милая, милая, милая, глубокоуважаемая
Маргарита Кирилловна,

Страшно перед Вами виноват, что не писал так долго. Но не писал только потому, что душа моя в смертельной агонии. Что мне делать с ужасом, меня охватившим, не знаю, не знаю. Не хотелось Вас, светлую, ясную, милую, затенять скучным рассказом о мраке, нависшем надо мною. Ужас моего положения в том, что я не испытываю никаких полетов и никаких трагедий. Во внешнем все мирно и чинно, а в душе нестерпимая, доходящая чуть ли не до физического ощущения боль; эта боль не отпускает душу вот уже 3 месяца, и в последнее время я уже начинаю на крик кричать: это, вероятно, начало душевной болезни. Во всяком случае со мной должен произойти какой-то кризис, из которого выход в гибель или спасение. Чую его приближение. На все готов: начиная со смерти и кончая преступлением: душу свою загубить хочу: зачем знания, зачем так называемая чуткость, когда все это только – спутники отчаяния. Ужас, ужас! Но, милая, милая Маргарита Кирилловна, простите, простите. Оттого-то мне и страшно писать Вам, когда я в таком ужасе. Вы – Вы бесконечно многое для меня: с Вами у меня соединено все заревое и тихое. Страшно мне слова мои угарные обращать к Вам, страшно. Так хочу Вас видеть, так часто думаю о Вас, хотел бы с Вами говорить, говорить, глядеть Вам в глаза и тихо погружаться в сказку.

Ради Бога, напишите хоть слово. Я не знаю, получили ли Вы два моих письма из деревни в июле[1]. Теперь мой адрес: Москва. Арбат, д. Богдановой, кв. 7. 9-го августа уезжаю на неделю к Сереже[2], а потом опять в Москву.

Остаюсь глубоколюбящий и бесконечно Вам преданный

Борис Бугаев.

P.S. Мама просит меня передать Вам свой поклон.

[1] Одно из этих писем – п. 62 (ответное на него письмо Морозовой, приведенное в примеч. 3 к п. 62, Белый к тому времени еще не получил); другое – либо несохранившееся, либо одно из недатированных писем 1905–1909 гг. (п. 64–95), не поддающихся более определенной хронологической атрибуции.

[2] Т. е.: в Дедово к С. М. Соловьеву.

64–95
НЕДАТИРОВАННЫЕ ПИСЬМА (1905–1909)

64

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,

Хочу Вам многое сказать, но как? Если слова мои Вам покажутся внешними, простите. Я нарочно хочу принять этот тон.

Наша эпоха – эпоха компромисса. Компромисс давит сердце мертвой силой. Наши обязанности пред обществом, родиной, современностью предъявляют нам насущные требования. Между тем сознание наше забегает вперед. Оно стремится предвидеть конечные цели, приближаемые этими требованиями.

Есть долг пред ближним, явно сознаваемым. Есть долг пред дальним. Оба долга неодинаково определяют протекающие* перед нами картины действительности. То, что мы хотим во имя дальнего, часто заставляет нас идти наперекор насущным потребностям жизни. Между тем видения, встающие у горизонта наших чаяний, безмерно шире и краше видений современности. Видя даль будущего, хотим ее воплощения. Насущные потребности общества становятся далекими, бледными. Вместо общепризнанного долга, выдвигаем долг во имя дальнего. Становимся одинокими бор-

* *В автографе*: протекающую.

цами за будущее. Идем вперед вопреки всему. Куда идем? Не знаю. Но только горная тропинка обваливается. Провал под ногами. Теперь нужны крылья нам, бескрылым, потому что без крылий не пройти туда, куда идем.

Сознание долга родит крылья. Красота долга побуждает нас к полету. Улетим или разобьемся. Если и разобьемся, в этом падении будет горький урок человечеству. Ведь если неосуществимы грезы, одушевляющие одиноких мечтателей, напрасно стремление и *масс* к воплощению задач и обязанностей во имя насущного, близкого. Ведь эти ближайшие задачи только необходимое условие, чтобы обеспечить человечеству свободу осуществления дальнего. Зоря не зоря, если душа моя не способна стать зарею. Но для чего душе моей быть зорей, если она не будет зорей человечеству? Если я хочу быть зорей, близоруко указывать мне на бесцельность моего стремления. Ведь вся социальная эволюция человечества только прелюдия к заревой встрече. И если вместо зори и неба в душе моей, восхищенной дальним, откроется провал ужаса, значит, социальная эволюция народов только прелюдия к ужасу.

Сознание долга родит крылья. Мы должны стать орлами, чтоб воспарить. Мы должны в современности отвоевать место будущему. Индивидуальность никогда не растет «*во имя свое*». Нельзя быть двуликим: совмещать настоящее с будущим. Нельзя о насущном. Насущные потребности личности, общества подчиняют *цель* бытия *средствам*. Целесообразность долга, подчиненная интересам момента, превращает цель в средство, а средство в цель. Последнею целью долга становится причинность бытия, т. е. власть механики, проявляется ли эта последняя в общественных, личных отношениях, или во власти психофизиологического круговорота хаотических переживаний. Путь вперед становится путем вспять. Ангел, указывающий на свиток будущего, превращается в дракона, разрывающего этот свиток. Ангел становится зверем. Желающие настоящего никогда не получат его: воплощая настоящее переживание, мы вгоняем его в формы. Форма же всякого переживания необходимо

относится к прошлому. Воплощая переживание, мы вгоняем его в инстинкт. Инстинкт за порогом переживания. Это то, к чему далекие наши предки стремились, что покорили, над чем встали. Воплощая настоящее, мы убегаем в прошлое, и бежим, бежим в старинном хаосе, и нет конца нашему пути – растерянно тонем в бесконечности – бесконечно, безвозвратно замираем. Это – смерть.

Последнее примирение между жизнью и долгом, настоящим и будущим – вечное окрыление настоящего, неустанное, необорное. Опьянение долгом родит новые ценности. Горный хребет новых ценностей в формах жизни, только он родит смелость. Но как только мы усумнимся в существовании пути в небо, горный хребет превращается в уплывающее облачко. Вот нет его. И зоря угасла.

Окрыленный долг низводит в душу небо. Тогда долг становится реальностью, будущее настоящим, ценность жизнью.

Это путь от простого к все большим сложностям. От ясности бытия и неясности долга к неясности бытия и все большему прояснению долга. Глубокий символ туманен для обыденности, но в то время, как обыденность не поет в душе, символ берет на струнах души несказанные аккорды. С приближением Символа к поверхностям жизни формы жизни становятся сложней и сложней, переживание форм сильней и упорней, долг – все ярче, все проще, все очевидней. Жизнь подтягивается: моменты ее, разбросанные в формах обыденного, слагаются в один яркий цветок-символ. Но кто хочет думать, что этот символ не истинен, кто им пользуется как средством, для того в глубине цветка рождается ужас. Сам цветок только пасть дракона. И дракон растет, порождая цепь зверств. И из длинной цепи зверств растут драконы, восстающие из пепла небытия.

. . . .

Что есть символ?

Символ есть жизнь воскресающая. Символ есть соединение жизни и долга. Жизнь есть бытие в долге. Обратное родит смерть, терзающую бытие в вихрях инстинкта. Эти вихри взметают пред нами свитки пыли, и на них неверно

колеблется Фата-Моргана. Бытие – видимость жизни, призрак, пустота. Горе тому, кто бытие возводит в долженствование. Тот рождает Химеру. Отыскание направляющих целей есть долг во имя дальнего: только он убивает Химеру, приобщает жизни вечной и истинной.

Всякое проявление творчества есть символ в неопределенном и общем смысле. Выявляя символ, мы возводим искусство к религии. Символизм есть творчество религии. Религия есть соединение в любви и благодати. «*Бог есть любовь*» (Павел)[1]. Творческий акт являет новую форму. Эта форма – звено в ряде несотворенных форм. Если бы по одному звену можно было бы восстановить весь цикл должных творений, мы очутились бы в новой действительности. Творец символов необходимо творец новых форм любви. Но символ есть бытие долга. Символическая любовь есть новая и должная любовь.

Что есть должная любовь? Это есть любовь, возвышающая над зверством, – вечный поединок с химерами жизни и духа. Борьба Бога и Чёрта в людских душах. Любовь ведет нас от простых, понятных форм бытия к сложным и непонятным. От сказанного к несказанному. Только в сложном отразится цельная простота мировой девы – Брунгильды, чей зов ветерок принес к просыпающемуся Зигфриду: «Зигфрид, Зигфрид: близко Фафнер». И Зигфрид идет через лес успокоить чудище мечом звонким и блещущим. А деревья хлещут ветками: «Спаси Брунгильду. Скорей, скорей»...[2]

«Зигфрид, Зигфрид!»...

Если герой позабудет свой долг, для него *Она*, как Химера, развеется. Но любовь должна победить мир.

И тогда вырастут крылья, уносящие в Вечность, окрепнет сила, низводящая* небо в сердца. Мировое пространство со всеми странами, настоящими, прошедшими, будущими, сонными и трезвыми, далекими, близкими – мировое пространство, само оно станет Душой Мира, Человечеством.

. . . .

Вот что есть любовь.

---

* *В автографе*: низводящее.

Мировая Душа Человечества есть неоткрывшееся Существо – Жена, Облеченная в Солнце. Она – Единство Человечества – Невеста Церковь. Но пока в мире господствует сон смерти и Человечество является перед нами в раздробленном виде, социальные формы мирового единства не одушевлены. Нам трудно представить себе Истинную Жену – Церковь. Вот почему мы прозреваем Церковь в глубоких душах. Но любовь углубляет души. Любовь – путь в глубину, не всякая, а должная и истинная. Вот почему истинная любовь есть нерассказанная Тайна, загадка, нам загаданная, без разрешения которой погибнет Человечество от Дракона разделения («*Зверь*» Апокалипсиса). Любовь не есть цель, но средство, путь ко Христу через явление Образа Жены, облеченной в Солнце, которую древние гностики отождествляли с Софией, Премудростью и Девой Радужных Ворот. Она – врата в Царствие Небесное. Та мировая Тайна, которая встанет пред лицом будущего явно, тайно поднимается ныне в душах людей, посещенных любовью новой и истинной.

Прежде нежели проснется человечество, образуется Церковь. Но Церковь есть собрание верующих. Верует же тот, кто в преходящем видит миры, кто в улыбке прозревает мировые розы, в блеске лазурных очей – небо, душу, голубую родину.

Так я стал веровать в будущее, когда увидел Вас мельком, случайно, не теперь, а давно, быть может во сне. С той поры Видение посещало меня. И вновь уходило в хаос неопределенного. И опять, и опять приближалось. И я не знал... Но мне все казалось, что Вы – идея будущей философии, и эта Идея мне становится все ясней, все ясней. Слышу ли я музыку несказанного, мыслю ли в нормативных понятиях – Она здесь, рядом, со мной – вот Она!.. С тех пор я – благая весть. Пусть пролетают года, я буду любить Тайну души Вашей (я не знаю) – не Вашей, Мировой. (Душа Ваша, быть может, стыдливая зоря мирового Солнца: вот оно воочию предстанет взору Человечества.) Не умею различать Вас от Тайны, потому что я увидел Вас в Тайне – Душу Вашу я видел.

Вечная Женственность нынѣ
Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю идетъ.
Въ свѣтѣ немеркнущемъ новой богини
Небо слилося съ пучиною водъ.
Вл. Соловьевъ.

1901 г. М. Морозовой

Весь горизонтъ въ огнѣ... И близко появленье.
Зарей, я жду твоихъ шаговъ.
А. Блокъ.

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю.
Лермонтовъ.

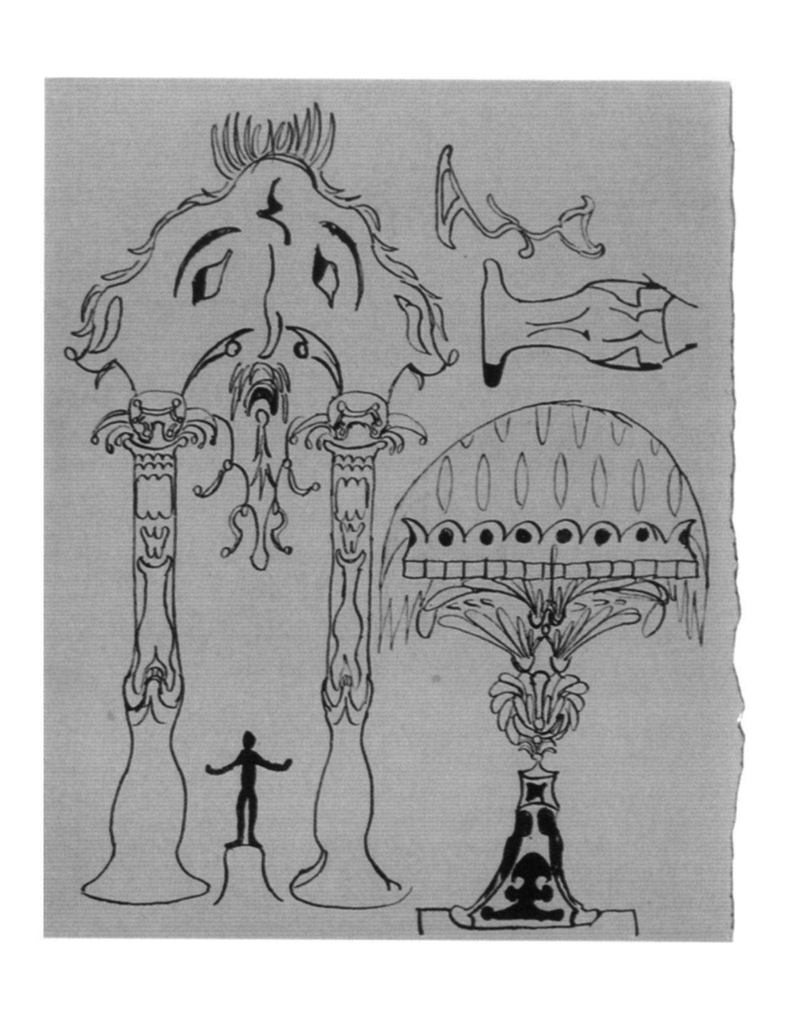
Мисс. Жемчужное просвѣтлѣніе смотритъ изъ-за тучи. Оно смѣется. Я смотрю передъ собой изъ окна и жду розовой полоски. Говорю себѣ: „Не окрасятся ли тучки? Не засвѣтятся ли они отъ Ея улыбки?“...
Я говорю: „Не засіяетъ ли заря? Я люблю мою зорю. Это моя заря, моя заря...“
Я Вамъ писалъ, что Вы — идея всей философіи будущаго, философія зари — теософія. Да.
Свѣтозарна философія зари. Полоса за полосой спадаетъ на горизонтъ, и вотъ пока небо темно надъ головой, у горизонта оно жемчужное. Оно жемчужное. ...

Письмо Андрея Белого М.К.Морозовой. Автограф
Февраль 1902, Москва

Дорогая, близкая, глубоколюбимая
Маргарита Кирилловна,
пишу Вам под впечатлением базельского курса Доктора. Во первых, как нас всех измучил этот курс! Подумайте: две недели громовых, головокружительных лекций, извне, эстетически, гениально построенных, гениально произнесенных; нечего прибавлять, что внутреннее содержание для нас всей, конечно, доминировало в лекциях, ибо твердо я знаю, что сейчас во всем мире единственно от Штейнера можно услышать то, что слышишь. Я удивляюсь чисто внешней структурой этих лекций, ибо как ни поразил меня мюнхенский курс красотой построения, все же я не думал, что в Докторе сидит такой огромный художник: ~~за-~~ ~~бы~~ неупотребляя столь излюбленных слов, как теософ, оккультист, я скажу только: может быть лишь в произведениях Ницше встречаешь отрывки столь же большого напряжения, смелости образов и сочетания слов, как слышанные нами на протяжении двух недель речь Доктора.

Когда Э.К. Метнер Вам будет Штейнера ругать, то вспомните одно: хотя Э.К. Метнер и учитель искусства, но он не художник: только этим объясняю я его заявление мне: что ~~[illegible]~~

Письмо Андрея Белого М.К.Морозовой. Автограф
Сентябрь 1912, Фицнау (Швейцария)

Андрей Белый. Архитектурные и декоративные мотивы. 1920-е годы

Пусть летит время: Тайна останется, сохранится, душу мою, ослепленную душу, согреет.

Христос с Вами. Глубокоуважающий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Сейчас разорвал конверт. Ужаснулся нелепости тона. Вычеркнул кое-что, относящееся к области «выкриков». Простите, что посылаю в таком нелепом виде.

---

[1] Дословно эта формула восходит к другому источнику – Первому соборному посланию святого апостола Иоанна Богослова (IV, 8, 16).

[2] Имеются в виду эпизоды из 2-го и 3-го актов оперы Р. Вагнера «Зигфрид» (1876), третьей части тетралогии «Кольцо нибелунга».

65

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,
можно ли мне будет зайти к Вам в один из этих вечеров? У меня свободна пятница, суббота, понедельник, среда. Так хотелось бы Вас видеть! Когда вижу Вас, душа моя зацветает белыми, голубыми и розовыми колокольчиками.

Остаюсь глубоко преданный Вам

Борис Бугаев.

66

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна,
в высшей степени был бы рад воспользоваться Вашим любезным приглашением, если бы не связал себя заранее обещанием быть в 7 часов сегодня у Метнеров.

Н. К. исполняет свои гётевские романсы, жена Э. М. их поет[1]. Я хотел бы написать рецензию о романсах[2], а потому и связан обязательством быть у Метнеров.

Ужасно хочу Вас видеть. Может быть, Вы как-нибудь назначите мне час и день? Я был бы Вам очень благодарен.

Еще раз сожалею, что не могу воспользоваться Вашим приглашением.

Искренне преданный Вам всегда, всегда.

Борис Бугаев.

---

[1] Имеются в виду Н. К. Метнер и жена его брата Э. К. Метнера Анна Михайловна (урожд. Братенши; 1877–1965). «Девять песен В. Гете» для голоса с фортепиано (ор. 6) были написаны Н. К. Метнером в 1903–1904 гг. См.: Метнер Н. К. Письма. М., 1973. С. 74 (коммент. З. А. Апетян).

[2] Рецензия Белого на «9 песен Гете для голоса и фортепиано. Соч. 6» (М., 1906) Н. Метнера была опубликована в журнале «Золотое Руно» (1906. № 4. С. 105–107), под заглавием «Николай Метнер» вошла в книгу Белого «Арабески» (М., 1911). См.: Андрей Белый. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 337–341. Таким образом, данное письмо не могло быть написано позднее апреля 1906 г.

67

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна,

завтра у меня вечер занят, но, конечно, улажу я, потому что потребность Вас видеть *сильна очень*. Часто о Вас думаю. Часто хочу в свободный момент написать, но боюсь писать: часто не бывает у людей настроения *читать* письма, и вот пишу письма про себя: мысленно улыбаюсь Вам.

Буду завтра.

Готовый к услугам и неизменно преданный

Борис Бугаев.

68

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,

думаю о Вас, думаю; что-то больно сжимает горло: хочется плакать. И радостно.

Люблю Вас, любовью неска́занной.

Не могу сказать, не умею. Знаю, знаю одно: Вы – и счастье, Вы – и тишина, Вы – и сказка, и радость Вы, лазурью овеянная.

Ясная, ясная Вы.

Глубоко преданный Вам и любящий

Борис Бугаев.

69

Глубокоуважаемая и близкая, близкая мне
Маргарита Кирилловна,

видел Н. К. Метнера. И ему, и мне удобнее быть у Вас в субботу[1].

Хочу Вам сказать: не могу. Весь день хожу по голубым улицам – по улицам, на которых небо пролилось.

Всюду сегодня плещут струи неба. Само небо – эфирная чаша, в которой тонет жизнь. Мелькающие образы, картины настоящего и прошлого только струевые всплески золотистого вина – золотистого эфира. Миг – и разгладятся морщины, и история мира канет в небо, захлебнется голубым. Сегодня улицы голубые от неба, и я смотрю сквозь жизнь – вижу вечноголубое, весеннее.

Я смотрю на Вас, и Вы в вечноголубом, вечноголубая, голубая.

Вы мне Радость.

Глубокопреданный Вам

Борис Бугаев.

---

[1] По всей вероятности, Белый отвечает на следующее недатированное письмо:

Милый Борис Николаевич! Приходите непременно в *пятницу* в 8½ ч., будет Метнер. Если в пятницу *Вы* прийти не можете, то приходите в субботу, тогда напишите, я извещу Метнера! При-

ходите в пятницу непременно! Много думала о нашем последнем разговоре и думаю еще! После поговорим! Искренне преданная Вам

М. Морозова.

Вероятный ответ на письмо Белого:

Милый Борис Николаевич! Отлично, приходите в субботу! Жду Вас непременно. Преданная Вам

М. Морозова.

70

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,
оба Метнеры больны[1]. Они не могут быть у Вас. Таким образом разрушается наше собрание у Вас. Но, быть может, Вы позволите мне зайти к Вам сегодня вечером? Ужасно хочется Вас видеть. Если бы Вам это было возможно, я зайду. Но не осмеливаясь просто зайти, чтобы не оторвать Вас случайно от Ваших планов, я решаюсь спросить Вас: не можно <?> ли?

Примите уверение в глубоком уважении и неизменной преданности.

Борис Бугаев.

---

[1] Н. К. и Э. К. Метнеры. Возможно, что письмо написано в марте – начале апреля 1906 г.: в письмах к Белому от 19 и 29 марта 1906 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2) Э. К. Метнер жалуется на нездоровье.

71

Многоуважаемая Маргарита Кирилловна,
Непременно буду у Вас в среду. Я и так хотел – зайти в среду.

Ужасно хочется Вас видеть. Я Вам так верю, так верю. Вы такая ясная, ясная.

Неизменно преданный Вам

Борис Бугаев.

72

Глубокоуважаемая и всегда близкая мне
Маргарита Кирилловна,

нельзя ли мне к Вам зайти в четверг или субботу вместо среды. В среду учреждается одно художественное общество с весьма широкими задачами[1]. Меня ужасно зовут на учредительное собрание. Ввиду полезности этого общества никак не следовало бы упускать случая присутствовать на учредительном собрании, где можно провести ряд желательных пунктов и, наоборот, противоборствовать всякой «*кружковщине и узости*». Если возможно изменить день, я буду Вам очень благодарен. Если же нельзя, *конечно* приду в среду.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и неизменно преданный

Борис Бугаев.

---

[1] Возможно, что речь идет об организационном собрании весной 1906 г., на котором было решено учредить «Общество Леонардо да Винчи» (см.: *Между двух революций*. С. 504, примеч. 95; *ЛН. Т. 85*. С. 400–401).

73

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна,

если можно собраться в субботу, то мне было бы удобнее. В пятницу я должен быть в одном месте. В *крайнем случае* мог бы быть и в пятницу, но лучше в субботу.

Жажду Вас видеть. Хочу с Вами говорить, говорить без конца. Радуюсь Вам.

Глубокоуважающий Вас и ***всегда*** преданный

Борис Бугаев.

74

Глубокоуважаемая, милая, милая Маргарита Кирилловна, сердце просится к Вам. Хочу Вас видеть. Смотреть на Вас и смеяться, смеяться. Если позволите, буду Вам как-нибудь говорить о себе все.

Вы мне так близки.

Вспоминаю о Вас, а что-то хорошее, нежное и ясное пробуждается во мне.

Вы лазурный пролет неба, мне сияющий. Какое счастие, что Вы существуете. Вы – совсем особенная.

Если позволите, будем с Сережей[1] у Вас сегодня в 10 часов.

Остаюсь глубоколюбящий Вас и бесконечно уважающий

Борис Бугаев.

---

[1] С. М. Соловьев.

75

Глубокоуважаемая,
Бесконечно близкая мне,
Милая Маргарита Кирилловна,
я в Москве. Страшно хочу Вас видеть.

Можно мне зайти к Вам сегодня вечером? А если не сегодня, то когда? Через несколько дней еду в деревню.

Огромная, жгучая потребность Вас видеть. Так хотелось бы поговорить с Вами.

С. М. Соловьев тоже очень хочет Вас видеть. Можно ему зайти со мной сегодня, если Вам можно и мы не помешаем?

Остаюсь глубоко уважающий, бесконечно преданный и неизменно любящий Вас

Борис Бугаев.

76

Глубокоуважаемая,
Высоко ценимая мною,
Ясная и дорогая для меня
Маргарита Кирилловна,

Сейчас вернулся от Вас, потрясенный всем тем, что Вы мне говорили. У меня неодолимая потребность сказать Вам, почему я только молчал, когда Вы так глубоко, так ясно говорили. Ваши слова задели во мне *слишком тонкие струны*: я не знаю, не знаю, чем мне хотелось выразить Вам мою любовь, мой восторг, радость мою и благоговение перед Вами. Нет, Вы, должно быть, не знаете, что Вы пробудили во мне Вашими словами: прежде всего я узнал, как Вы стремитесь к *Тайне*. Все, что Вы говорили, касалось искания *тайны*, – музыка которой заставляет меня надеяться, что еще не все потеряно. Вы говорили о *мире*. Вы сами не подозреваете, быть может, что одно время в Ваших словах раздавалось явно пророческое. Вы говорили о себе – не о себе, а о всем человечестве: это во-первых. За это я ручаюсь. Я одно время посещал прозорливого епископа (Антония)[1]. У него, только у него вспыхивали в словах такие зарницы, когда он начинал говорить о чем-нибудь конкретном, не относящемся к судьбам мира. Во-вторых: в Ваших словах отразилась ясная Душа Ваша. Сколько раз я говорил себе, что ясно и сильно возлюбил Вас в сердце своем. Вчера мне окончательно выяснилось, за что я люблю Вас. Что-то я понял в Вас *такое*, что прежде было занавешено для меня. Мы говорили сегодня о том, что есть люди *оттуда* и не *оттуда*. Я бы прибавил: есть люди томящиеся без Тайны, предвкушающие Ее – радостный долг, потому-то он и радостен, что Тайну высоко над головой приподымает. Вы о Тайне. Вы сознали, что только Последняя Тайна есть полнота. А ведь в этом сознании – всё. Пусть еще нет путей – они будут сотворены, они будут. Пусть мечта о путях должных и истинных останется неосуществленной, как зоря: эта зоря осветит жизнь во всю долгую ночь. Ночь темна, ночь беззвездна. Но кто несет в себе Тайну, с какой любовью, с какой нежностью обращаешь на него взор. Вы озарили мне сердце сегодня. О, я понимаю, за что я люблю Вас. Я Вас люблю не только за Вас, но и за Тайну, которую Вы носите. Будьте моей надеждой, не угашайте зори, не угашайте.

Вы говорили так просто, ясно, глубоко – я молчал: во мне пели самые тонкие струны. Мне казалось, что Вы – *там, там* в глубине говорили о тех путях, которые всю жизнь мерещились мне, которым нет и не может быть имени. Маргарита Кирилловна, позвольте мне радоваться на Вас и тихо, ясно молиться, чтобы приблизилось к Вам То, во имя Чего Вы стремитесь к Концу. Я называю Тайну Концом, потому что она – последняя *Норма*, окончательная.

Но нет слов писать, хочется молиться и радоваться.

Позвольте мне *еще* и *еще* писать Вам: я хочу сказать о том, что мне пришлось узнать о *Тайне*, а кое-что... далекое и смутное мне мерещилось. Но еще не сейчас: чувствую, что слова, рождаясь, останутся пока непроизнесенные. Мог бы я сказать, но не хочу *теории*, а слова мои, сказанные *теперь*, показались бы Вам не словами, идущими от сердца, а теоретическими, пригнанными к Тайне, а не *тайнодействующими*.....

Верьте: я хочу улыбаться Вам, я хочу как-то явно (не знаю как) выразить Вам, как я уважаю, ценю Вашу Душу – и люблю, люблю Ее. Вы для меня, точно дорогая сестра (простите, но пишу сейчас то, что думаю), точно давно забытый и найденный друг. И это все потому, что Вы стремитесь не к людям, а к *Тайне* (о, и к людям, но через *Тайну*, в *Тайне*, во *имя Тайны*). Вы о Тайне, а потому Вы можете быть жестоки (будучи ясной). Вы за добром, за злом. Я могу чувствовать любовь и ясность только к тому, кто о *Главном*, потому что только тогда человеческая Душа зацветает цветами, когда она теряет себя во Имя Главного.

Верьте. *Есть Тайна. Есть Тайна здесь, в реальном, в окружающем*: это я знаю; это наполняет сердце мое музыкой неизреченной, тишиной нерушимой. Когда я говорю о сказочном, я хочу этим сказать, что иногда сказочное о *Главном*; но никогда не хочу я *Главное* превратить в сказочность. Верьте мне: я сериозно, непоколебимо хочу *только Главного*. Никогда Его не забываю. *Сказка* – отдых, *сказка* – предчувствие, но целью сказка не может быть.

Христос с Вами. Как Вы меня утешили.

Тихо радуюсь Вам, ясно люблю Вас в *Неизреченном и Тайном*.

Борис Бугаев.

[1] С жившим в московском Донском монастыре епископом-старцем Антонием (см. о нем: Иеромонах Андроник. Епископ Антоний (Флоренсов) – духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской патриархии. 1981. № 9. С. 71–78; № 10. С. 65–73; Ельчанинов А. Епископ-старец (Воспоминания об епископе Антонии Флоренсове) // Путь. 1926. № 4. С. 157–170; Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1 (I–VI). М., 1992. С. 505–512) Белый познакомился в октябре 1903 г. (через А. С. Петровского), обращался к его духовной помощи в 1904 г. См.: *О Блоке*. С. 56, 77, 131; Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 439, 461. Это влияние на Белого не было продолжительным; уже 4 мая 1904 г. он сообщал Петровскому: «У Антония не был. Бог с ним. Я ничего не имею против него. Наши дороги разные – вот и всё» (ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 33. Оф 4889).

77

Многоуважаемая,
Ясная
Маргарита Кирилловна!

Хочу Вам писать, о чем, не знаю – но *Вам, Вам*!

У меня на столе розовый гиацинт. Отрываясь от занятий, я вдыхаю цветочность.

И думаю, думаю о Вас.

Вдруг голубое море врывается ко мне в комнату.

Легкий челн уносит к горизонту. Там погасающая улыбка Зори, не Зори – Вас, Вас.

И я лечу к горизонту.

Нет минуты, когда бы я перестал о Вас думать.

И мне становится весело.

Отрываюсь от цветов и снова погружаюсь в занятия.

И гиацинтовые колокольчики звонят тихим смехом. Ясная Вы – ясная, что Солнце.

Бесконечно преданный Вам

Борис Бугаев.

78

Нет, какая радость, какая ясная, милая, светлая, грустная радость –

милая, милая, родная мне Маргарита Кирилловна!

Сейчас музыка зацвела: она милая, музыка: поет и светится в моей комнате: невидимые натягиваются струны, как бледных стебли нарциссов, и цветут: зацветают. И я могу Вам писать, просто так; ни о чем: примите мою улыбку о музыке, улыбку оттуда. Когда сегодня Вас увидел, ояснилось все: хотелось улыбнуться, улыбнуться; все те дни была омраченность. И о Вас думал, но что-то неопределенное, будто предвестие облака вставало. Почему? Сейчас умом еще не понимаю; когда пойму, скажу. Но как только увидел Вас сегодня, бурная радость птицей взлетела и упала на людей (боюсь теперь людей!). Все казалось, что я *не так, не о том, в чем я*. Было почему-то немного стыдно. А в душе все пело. Почему? В концерте был ужас людей: ничего не понимаю и глупею, когда есть люди (последнее время потерял самообладание среди людей: возвращаюсь в милое, прежнее одиночество; появилась дикость). И опять было хорошо от музыки и оттого, что вижу Вас. Ах, милая зала: был и вспомнил свою юность. Черная в сердце взвизгнула касатка и унеслась в лазурь. Хотелось посмотреть Вам в глаза и засмеяться *оттуда*, и не умел смеяться: но волна звенящей ясности пронеслась и нежность безмерная в Вас звучала, от Вас веяла: тихая ясность. И все хотелось что-то сказать, веселиться. Боже мой, что такое Вы для меня: Вы мой друг, и сказка, и ясность, и цветут, цветут струны: все сейчас поет. Все в доме спят, и меня уже нет; какие-то аккорды вместо меня. Почему у людей нет слов, чтоб сказаться: спазмой к горлу подступает радость, а о чем она? не знаю, ничего не знаю. Развеять бы крылья и улететь; и не быть: облачком плакать, жемчужные проливая слезы. Жемчужные слезы, жемчужная заря. Вы были сегодня матовожемчужной. А вот я какой: вместо того, чтобы рассказать, что звучит, както пугливо и дико косился на публику, да глупо твердил, что очень рад Вас видеть.

Милая, милая, напишите мне хоть два слова *оттуда*.

Боже мой, Вы прочтете письмо: скажете, что это какой-то бред.

Но пишу этот бред, когда меня нет и цветы, цветы, цветы, цветы цветут. Если бы не запечатал письмо, ни за что не отправил бы: утром проснулся бы с мыслью, что все это глупо, а вот теория символизма умно; а сейчас теория символизма *глупа*, а хочется вертеться, вскидывать руки, чтобы тонкими по ветру они уплывали лилиями, целовать воздух, чтобы милый, милый, милый воздух взял и понес *туда, туда*. О, до чего души людей не соответствуют внешнему обнаружению. Вот хочется лететь к «*призракам звезд призраком вздоха*», а... а... толпа вот мешала же слушать улыбки музыки и музыкой улыбаться.

Милая, милая Маргарита Кирилловна, радостная моя, светлая: до чего я люблю Вас, как мне выразить это; Вы мне поете: Вы мой друг, нет... не друг только; Вы будто мне сестра, нет... не сестра только.

Милая моя, ясная моя, как я Вас люблю!

Не говорите мне про это письмо: а то приду к Вам; сериозный, и все буду стыдиться того, что написал Вам; я дикий и до безмерности мнительный. Напишите хоть две строчки *оттуда*, улыбнитесь, матовожемчужная! Это письмо нежное благословение, это – руки, *оттуда* осеня<ю>щие Вас крестным знамением за все то, чем Вы были для меня эти года: когда Вас не знал, когда знал, когда тусклая отеняла туча. Милая, ясная!

Борис Бугаев[1].

---

[1] По всей вероятности, ответное – следующее недатированное письмо:

Дорогой и милый Борис Николаевич!

Как я Вам благодарна за Ваше письмо и за все Ваши милые слова! Вы не знаете, как они мне нужны, как они меня поддерживают. Всегда, когда мы с Вами проводим немного времени вместе – я черпаю столько света, столько ласковой теплоты в этих минутах! А как это мне нужно, и как я за это Вас благодарю – Вы не знаете! Если бы Вас не было, если бы до меня не долетало изредка Ваше слово оттуда – я упала бы духом и не знаю, могла ли бы так легко и радостно переносить многие лишения! Теперь вот эти

дни я чувствую крылья, и легко мне нестись через все трудности и препятствия. Зачем Вы хотите жалеть о том, что мне написали и сомневаетесь, хорошо ли посылать письмо? Разве Вы не уверены, с какой радостью я его встречу, как оно меня обвеет светом! А разве жаль давать свет, согревать лучами? Милый Борис Николаевич, спасибо Вам за все, за Вас самого!

Приходите как-нибудь!

Сердечно и глубоко Вам преданная *М. Морозова.*

А завтра (четверг, 8 час.) приходите!

79

Милая, милая,
Маргарита Кирилловна,

Непременно буду сегодня. Спасибо за письмо, а то я боялся все, что мое письмо вышло глупым[1].

А мне хотелось, хотелось что-то без слов улыбкой сказать.

Так радостно, что Вы – Вы; спасибо, что написали мне.

Родная, близкая мне: как мне светло от Ваших слов!

Остаюсь глубоко преданный и радующийся на Вас

Борис Бугаев.

---

[1] Возможно, ответ на письмо, приведенное в примеч. 1 к п. 78.

80

Милая, глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна,
спасибо за то, что Вы – такая! Вчера отдохнул у Вас. Вы вся – музыка, музыка!

Глубоко любящий и бесконечно преданный

Борис Бугаев.

P.S. Я забыл Вас поблагодарить за билет. Прилагаю при сем деньги.

81

Милая, Милая Маргарита Кирилловна,
только что написал Вам письмо, и вот пишу еще. Ваша музыкальная тема поднялась в моей душе сильно и властно. А как я Вас знаю, не лицом к лицу, а в музыке, на расстоянии! Не один год я прислушивался к пролетающей музыке Вашей души. Сколько молился я этому веянью!

И вот сейчас тема звучит. Вы с милой, милой улыбкой где-то недалеко проходите. Умоляю Вас, не покидайте духом. Мне страшно и пусто. Я верю сейчас только в сродство или отзывчивость душ. Я так верю, так верю в Вашу душу. Вы так мне близки, так хочется видеть Вас, задумчиво слушать – и молчать, и молчать. И кажется, что от Ваших ясных слов придет и мне вера, от Вашей милой улыбки будет заря.

Не знаю, не знаю....

Милая, дорогая, бесконечно любимая, Вы мне такой друг, такой свет: вдруг понял сегодня, что стосковался по Вас, что давно, давно, давно (сотни лет) не видал вас!

Не знаю, не знаю...

Мне жутко и страшно Вам писать. Получается, кажется, какой-то вздор из моих слов. Я сам сейчас ничего не пойму. Простите меня и верьте, что слова мои вырываются у меня прямо из души. И оттого все так спутанно.

Глубоколюбящий, бесконечно уважающий Вас

Б. Бугаев.

82

Дорогая, милая, милая, милая,
до чего Вы меня обрадовали. Мне хочется Вам еще раз послать улыбку; еще раз мысленно сказать Вам.

Хорошо. Сейчас душа цветет: только бы углубить ласковую волну, не погрузиться в холод. Спасибо, милая Маргарита Кирилловна. Буду часто Вам писать.

Не забывайте и Вы меня, пишите.

Христос с Вами, радость моя.

Борис Бугаев.

83

Милая, милая, Маргарита Кирилловна,
страшно мне радостно, что Вы будете у нас в воскресенье.

Мама просит меня передать Вам свой привет и очень, очень хочет и рада Вас видеть у нас.

Ужасно хорошо, дорогая Маргарита Кирилловна, что Вы будете.

Страшно хочется Вас видеть.

Остаюсь глубоколюбящий и искренне преданный

Борис Бугаев.

84

Глубокоуважаемая и милая Маргарита Кирилловна,

Спасибо большое за приглашение; буду непременно.

Остаюсь искренне любящий и бесконечно преданный

Борис Бугаев.

P.S. Мама выражает большое сожаление, что Вы не можете быть у нас <в> воскресенье. Очень просит меня передать Вам привет.

85

Милая, милая Маргарита Кирилловна,
выздоравливайте скорей.

Христос с Вами!

Бесконечно любящий Вас

Борис Бугаев[1].

---

[1] Написано на той же почтовой бумаге, что и п. 6 (см. примеч. 1 к нему), однако, безусловно, относится к более позднему времени. Возможно, Белый отвечает на следующее недатированное письмо, в котором упоминается о заседании «Общества Свободной Эстетики»:

Милый Борис Николаевич!

Я больна – вчера и сегодня, половину дня, лежала – выехать не могу! Мне не везет с эстетикой! Так хотела сегодня поехать с Вами, и вот простудилась. До свиданья, милый Борис Николаевич, надеюсь, что в другой раз Вы меня возьмете с собой.

Любящая Вас *М. Морозова.*

86

Глубокоуважаемая, всегда любимая, милая, милая Маргарита Кирилловна,

ведь это же невозможно, так ясно, так радостно, так просто мне с Вами: отчего я не сказал Вам *всего, всего до конца*, что меня мучает. Вам, только Вам изо всех, живущих на земле, хотел бы я сказать о себе *все до конца*, хотел бы рассказать всю свою жизнь, и то, какое важное значение Вы для меня имеете, для всей моей жизни вот уже почти 6 лет (с 1900 года)[1], и то, что раздирает мою душу пополам теперь. Ах, как я раскаиваюсь: мне неловко было говорить о себе с Вами. Но Вы – милая, милая, близкая мне: Вы одна поняли бы меня. Я хотел бы говорить с Вами как на духу, как бы перед лицом Бога, но одинокая замкнутость моя помешала. Мне трудно: душа моя разделилась пополам: одна половина души моей проклинает другую. Я хотел бы рассказать Вам и про то, что создало мою душу, что осветило ее огнем любви бесконечной (6 лет тому назад), и про то, что разделило мою душу на две враждующие части теперь. Вы ясная, глубокая, нежная, вся – сказочная, вся – радостная и грустная. Вы мой Ангел-Хранитель: не покидайте меня духом, не забывайте. Мне трудно: но если от времени до времени Вы меня вспомните, мне станет легче. Если Вы позволите, я потом, когда придет Тихий Час, расскажу Вам *все, все, все* о Себе: всю свою жизнь.

Примите слова мои не как порыв, а как благоговейную молитвенную просьбу не покидать меня в мыслях, потому что мне *трудно, трудно, трудно.* Вы такая ясная, такая лучезарная, вся весенняя, вся – святая.

Бесконечно любящий Вас и преданный неизменно весь Ваш

Борис Бугаев.

---

[1] Видимо, на основании этого указания в верхнем левом углу листа карандашом проставлена (Морозовой?) предполагаемая датировка: «1906».

87

Глубокоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна, посылаю Вам вместо билета карточку. С этой карточкой устроители пропустят Вас в первый ряд на мою лекцию[1], Я уже с ними говорил. Ужасно хочется Вас видеть. Эти дни болел: не мог тогда быть.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и бесконечно преданный

Борис Бугаев.

---

[1] С публичными лекциями в Москве Белый начал выступать с апреля 1907 г. О какой лекции в данном случае идет речь – неясно.

88

Милая, милая, милая Маргарита Кирилловна,
мне так ясно и тихо после того, как мы говорили. Радостная Вы: с Вами так хорошо, так хорошо!

Все улыбаюсь...

Я не знаю имени и отчества Ященко, любезно пригласившего меня быть членом фил<ософско>-юрид<ического> кружка. Сегодня я быть не могу. Если бы Вы были столь любезны и поблагодарили от моего имени Ященко за приглашение быть членом. Буду бывать на собраниях непременно. Ужасно досадно, что сегодня не могу быть.

Остаюсь глубоко любящим и неизменно преданным Вам.

Борис Бугаев[1].

[1] Написано не ранее 1907 г., когда А. С. Ященко стал приват-доцентом Московского университета и когда началась деятельность философско-юридического кружка, заседания которого проходили в доме Морозовой на Смоленском бульваре (см.: *Взыскующие града*. С. 703).

89

Дорогая Маргарита Кирилловна,

превосходно. Я буду читать. Сейчас у меня А. С. Ященко. Итак, до четверга. Мы с мамой с нетерпением Вас ждем.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев[1].

[1] Написано не ранее п. 88 – вероятно, день или несколько дней спустя после него.

90

Милая, милая Маргарита Кирилловна,

увидел Вас и безумно обрадовался: так стало мне хорошо, хорошо, хорошо. Вы такая ясная.

Все эти дни страшно хотел Вас видеть. Но почему-то не решался Вас спросить, можно ли мне прийти к Вам.

Слышал, что Вы заняты.

Опять что-то в сердце поет: ясно и хорошо на душе; и это оттого, что Вас видел сегодня. Вы такая мне сказочная. Мне давно нужно Вас видеть: Вы мне так нужны как человек и сказка: Вы воистину для меня символ.

И я радовался, когда говорил Топорков[1]. Он говорил *о глубоком*... напрасно: он наивно не закрывался; и получалась теоретическая чепуха, но чепуха милая....

Все время хотелось сказать: он – *про то*: только нельзя *про то* говорить на реферате; всегда получится вздор.

Ах, вот и я *не про то*: про реферат, про Топоркова: а ведь тишина отрясает сейчас надо мной лепестки нежных цветов, и я *знаю невыразимое*. Почему от Вас нисходит ко мне тишина, звучащая милой и ясной сказкой.

Отчего это я пишу Вам: не принимайте этих слов логически; я хочу улыбнуться радостно, радостно.

Милая, милая – Вы.

Борис Бугаев.

---

[1] Видимо, имеется в виду доклад А. К. Топоркова «Индивидуализм и соборность», прочитанный на 9-м заседании философско-юридического кружка в доме Морозовой (см.: *Взыскующие града*. С. 703). Дата этого выступления не установлена.

91

Милая, милая, милая Маргарита Кирилловна,
все эти дни ужасно метался. Не было времени достать себе костюм[1]. Недавно только попал домой. Если я не нарушу гармонии, придя без костюма, я приду сегодня. Но если у Вас будут в костюмах все, я лучше зайду как-нибудь другой раз.

Ужасно хочу Вас видеть. Остаюсь любящий Вас и бесконечно преданный

Б. Бугаев.

---

[1] Подразумевается, видимо, маскарадный костюм. В архиве Белого сохранилось недатированное письмо от детей М. К. Морозовой (РГБ. Ф. 25. Карт. 34. Ед. хр. 10):

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Очень Вас просим приехать на наш костюмированный вечер 27-го. Пожалуйста, приезжайте в костюме.

Мика, Леля, Юра Морозовы.

92

Милая, милая Маргарита Кирилловна,
как я соскучился по Вас; ужасно хочется Вас видеть.
Эти дни рвали меня на части.
Теперь будет легче.
Когда могу Вас видеть?
Если Вы заглянете сегодня ко мне, буду счастлив.
Милая Вы, милая.

Борис Бугаев.

93

Глубокоуважаемая и милая Маргарита Кирилловна,

Непременно буду у Вас. Мне ужасно *нужно* Вас видеть: есть внутренняя потребность. Мы ужасно давно не видались. А когда я Вас долго не вижу, мне становится грустно.

Остаюсь бесконечно преданный и любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Милая Маргарита Кирилловна, что это с Вами: такая мрачная полоса. Я очень понимаю такое состояние, но Вы – Вы всегда мне казались летящей в свете над всеми тягостями.

94

Милая, милая, милая,
какая радость, что Вы – есть; какое счастье, что когда сердце поет, – к Вам обращаешься с улыбкой.

Сейчас не совсем здоров; сижу дома; и все эти три дня думаю о Вас, милая, милая Маргарита Кирилловна; голубая.

Ваш портрет у меня на столе; сижу и улыбаюсь портрету: тихо....

Милая, ясная: и мне мило и ясно.

Христос с Вами.

Любящий и бесконечно преданный Вам

Борис Бугаев.

P.S. Жду Вас <в> воскресенье.

Ужасно тянет к Вам; хотел прийти, но – не выхожу[1].

---

[1] Возможно, следующее недатированное письмо – ответное:

Милый, дорогой мой друг!

Спасибо, спасибо за милые, милые слова, за ласковый привет, за радостную улыбку! Как мне все это радостно и как нужно! Вы мне всегда так нужны и дороги! Это большая радость – что и Вы есть! В воскресенье буду непременно.

Ваша *М. Морозова.*

95

Милая, дорогая, близкая
Маргарита Кирилловна,

Совершенно неожиданно я упустил, что у меня сегодня совершенно неизбежное дело; страшно хотелось бы Вас видеть; но не смею беспокоить Вас; если позволите на днях прийти днем наудачу в 3½ часов?

Я уже давно (две недели) собираюсь к Вам, но был болен; и дела. Ужасно обидно.

Искренне любящий и преданный Вам

Б. Бугаев.

96

Начало января 1910 г. Москва

Милая, милая, милая, родная Маргарита Кирилловна,

Христос с Вами! Ради Бога простите меня, мою бестактность, которая заставила Вас думать, что я на что-нибудь обижен; Господи, как вырастают марева![1]

Я страшно беспокоился о Вас во время Вашей болезни, спрашивал о Вас. Хотел у Вас быть. Но все праздники или болел, или работал, как вол; первую половину Рождества я проболел; не мог быть у Вас на *Новый Год* (1-го), потому что накануне просидел с работой от 10 часов вечера до 9 часов утра следующего дня; так что в первый день нового года сидел дома больной, а вечер был занят (у меня были гости); я едва с гостями сидел. Сегодня опять: вчера просидел за регистром книги[2]; встал только в 3 часа дня; меня не разбудили; только недавно я прочел Ваше письмо, и едва хотел послать прислугу к Вам с ответом, как Вы потелефонили; дело вот в чем: через полчаса у нас будет заседание «*Логоса*» (редакционное)[3], и я не мог бы к Вам зайти; а до заседания сижу обложен спешною корректурой, так что теряюсь, не поспеваю свести в делах концы с концами; оттого-то я у Вас не был, что Бог знает как в делах напутал и запутал.

Ради Бога, милая Маргарита Кирилловна, простите мою бестактность (невольную от спешки, рассеянности), заставляющую Вас думать, что я на Вас за что-то обиделся. За что? Вы для меня – радость, свет, и когда думаю о Вас, тихо, тихо улыбаюсь.

Еще раз простите, простите: не сердитесь.
Христос с Вами: с Новым годом!
Буду непременно у Вас в среду в 7 часов[4].
Любящий Вас и неизменно преданный
Борис Бугаев.

---

[1] Белый отвечает на следующее недатированное письмо:

Дорогой Борис Николаевич!

Что это значит, не сердиты ли Вы на меня? Ответьте ради Бога, а то совершенно теряюсь и не понимаю, за что. Тогда в воскресенье, когда я должна была быть у Вас, мне делали операцию, даже для меня совсем неожиданно. Единственно, за что Вы можете быть мной недовольны, – а больше не знаю и не понимаю! Напишите словечко – а то меня это очень тревожит! Приходите к нам на елку в среду 6-го в 7 ч<асов> веч<ера>. Жду ответ.

Ваша *М. М.*

[2] Речь идет о завершающей работе (в основном – подготовка комментариев) над книгой статей «Символизм» (М.: Мусагет, 1910).

[3] «Логос» – русское издание международного журнала по философии культуры, предпринятое издательством «Мусагет» в 1910 г. (редакторы С. И. Гессен, Ф. А. Степун, издатель-редактор Э. К. Метнер). Договор об издании журнала «Логос» был заключен в Москве 2/15 ноября 1909 г. См.: Безродный М. В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 372–378, 398–401.

[4] Среда – 6 января.

97

Конец марта–начало апреля 1910 г. (?) Москва[1]

Радость моя, счастье мое –
милая, милая, милая, милая
Маргарита Кирилловна,

да: Вы для меня сейчас единственное отображение ясных чаяний моих: лазурный Вы для меня пролет. Вчера хотелось плакать, хотелось закрыть лицо Вашими руками и ясно слушать музыку Вашей души. Единственное счастье здесь на земле сейчас для меня – Вы: о, какая тяжесть свалилась с души; я могу Вам все писать и все говорить без стеснения. Буду Вам писать и буду Вам говорить – все, все.

О, что это: сестра Вы и ***не сестра только****; какая любовь у меня к Вам и доверие – и... влюбленность, влюбленность (особая), указывающая путь (не знаю, куда).

Друг, сестра, мать, милая – как Вас назвать?

Не знаю, не знаю.

Но знаю, что могу это Вам сказать от глубины моей и ясности моей; радостная, бесконечная, родная, прекрасная, любимая, единственная, святая.

Что это? Как это назвать?

Но ведь я Вами дышу: я хочу, я требую от себя и Вас, чтобы наши отношения достигли безграничной близости и

* *Подчеркнуто трижды.*

искренности, если Вы умеете слышать музыку моей души. А я... я слышу, слышу Вас.

Сестра моя, будьте моей сестрой и ближе, ближе подойдите ко мне: о, я боюсь Вас – Вашей строгой взыскательности о душе, но я хочу говорить с Вами, как с собой – нет, больше, чем с собой: хочу проверить себя Вашей ясной прямотою. Я в ледяной броне; но от Ваших слов тает лед, обволакивающий зори: не оставьте, не оставьте, не оставьте, близкая: о, до чего я Вам верю, люблю Вас, радуюсь о Вас.

Милая, родная, близкая – напишите мне до отъезда моего хоть два слова. Пусть эти слова озарят мне те дни, когда я буду в деревне[2].

Мечтаю о том, когда Вас увижу.

Христос с Вами.

---

[1] Датируется по палеографическим признакам (тот же сорт почтовой бумаги, что и в п. 96 и п. 98) и по связи с п. 98.

[2] В начале апреля 1910 г. Белый вместе с А. С. Петровским уехал в Бобровку (см. примеч. 1 к п. 60).

98

Середина апреля 1910 г. Бобровка

Милая, милая, близкая Маргарита Кирилловна,
пишу Вам из моего далека: хочется передать Вам улыбку, радость, свет, утешение в радости, смеяться так, чтобы смех расцветал маленькими цветками, анемонами, которые расцветают теперь на лугу; сначала синий снег бежал голубыми ручьями, потом зазеленела трава, кроты стали рыть норы, и затанцевал столб длинноногих комаров в лучах заходящего солнца; тополевые почки набухли и стали распространять безумно-прекрасный запах; исчезли снегири, запели зяблики; у скворечника показалась скворчиха, а по вечерам стали хохотать филины; в лужах заплавали почему-то муравьи, а сегодня я слышал пение соловья; и все это в пять-шесть дней, полная мобилизация природы: вечера туманные, грустносиние; и на душе – радость; и вспоминаешь Вас, потому

что Вы – олицетворение всякой радости, всякого счастья. Милая, милая – почему мы не виделись с Вами: как много я должен Вам передать, сказать; давно у меня к Вам избыток полноты и радости; и хочется Вам протянуть руки: друг мой, вспомните обо мне; как я сейчас улыбаюсь Вам ясной улыбкой, улыбнитесь и Вы, милая, близкая. Вы не сердитесь, что мы не увиделись в последний раз? Вы не можете себе представить, сколько было дел, покупок, срочных обязательств и всякого *мусагета* в день отъезда[1]; и то едва мы с А. С. Петровским попали на поезд[2]. Теперь пробуду в деревне до Пасхи[3], а может быть, захвачу и Пасху; периодическое уединение в деревне стало мне просто необходимо.

Милая, милая, милая, близкая, Христос воскрес!

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Да, вспомнил: чуть было не забыл – вот какая у меня к Вам просьба, которую должен был передать еще в Москве. *Мой близкий друг* Михаил Иванович Сизов, окончивший Петербургский Университет (естественник) с дипломом 1-ой степени[4], прекрасно знающий науку и *глубокий мистик*, очень озабочен тем, чтобы найти учительское место; ему надо немного уроков; это ему важно, чтобы избавиться от воинской повинности; уроки ему в гимназии тем труднее получить, что, ввиду его тенденции религиозно-мистической, учительская корпорация ему ставит препятствия; Вы – попечительница гимназии Хвостовой[5]; нет ли случайно у Вас в гимназии уроков; если нет, то, быть может, рекомендуете его в другую гимназию, если это возможно, он зайдет к Вам как-нибудь на днях; буду очень Вам благодарен, если Вы его примете дружески; я страшно люблю и давно знаю М. И.; это – прекрасный, глубокий и очень всем нам по духу близкий человек.

Простите, что пишу так*.

---

[1] В записях об апреле 1910 г. Белый отмечает: «Угар в "Мусагете"...» (*Материал к биографии.* Л. 57). Издательство «Мусагет» было учреждено в Москве в 1909 г., Белый, наряду с официальным руководителем издательства Э. К. Метнером, был одним из его инициаторов. См.: Толстых Г. А. Издательство «Мусагет» //

---

* *Приписка над текстом письма.*

Книга. Исследования и материалы. Сб. LVI. М., 1988. С. 112–133; Безродный М. В. Издательство «Мусагет»: групповой портрет на фоне модернизма // Русская литература. 1998. № 2. С. 119–131; Безродный М. В. Издательство «Мусагет» // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: Сб. научных трудов. СПб., 2004. Вып. 12. С. 40–56.

2 См. примеч. 2 к п. 97.

3 Пасха в 1910 г. – 18 апреля.

4 М. И. Сизов перешел с естественного отделения физико-математического факультета Московского университета (куда он был принят в 1903 г.) в Петербургский университет летом 1907 г. (ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 1024. Л. 5, 6).

5 Московская женская гимназия Н. П. Хвостовой; Морозова была ее попечительницей с 1910 г.

99

Май (?) 1910 г. Москва[1]

Многоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна,

давно хочется с Вами говорить долго, долго. Вы для меня слишком много значите, чтобы говорить и относиться к Вам случайно: но – знаете ли Вы, что значит поговорить по душе? Из суеты, из дел не заговоришь; а *полуразговоры*, когда говоришь не совсем от души и не совсем по-светскому – немного того, немного сего, – для меня нестерпимы; я слишком сериозно отношусь к жизни, слишком измучился, слишком много уже говорил, чтобы позволять себе еще один полусериозный разговор, где философия и взгляды на жизнь мешаются со светским «*ну как поживаете*»; вместо таких разговоров мне хочется уйти в цирк, убежать в синематограф; я могу молчать, или говорить со слезами на глазах, или на все полусериозное отшучиваться.

Почему я не иду к Вам? Да потому, что я слишком люблю в Вас человека, к которому мое индивидуальное сознание влечет; но давно уже я жертвую своим индивидуальным влечением *для дела*, для работы, для долга. И так, зачеркивая свою личность, я не могу слишком много так вообще видаться с людьми; есть у меня друзья, с которыми я не видаюсь годами.

Я знаю, что Вы идее долга и служения отдаете себя; следовательно, психология нашей дружбы – одно; влекущий нас долг – другое; у Вас одно представление о том, что есть дело; у меня другое; и наша личная дружба есть одно; а наше представление о *долге*, деятельности есть нечто, стоящее выше *симпатий* и *дружб*. Я знаю, что вся Ваша деятельность, складывающаяся сообразно Вашему представлению о долге и стоящая выше *симпатий*, определяет Вашу работу с определенным кругом людей; а моя деятельность – с другим; это не мешает нашим личным отношениям; но что же получается? Я весь мечусь, работаю, связан с одними интересами, им отдаю свое время; Вы – связаны со всем другим; из разных сфер, оба усталые, сходимся мы поговорить; если бы мы сходились просто *поболтать*, то было бы приятно отдыхать вместе; но мы говорим об идейном, спорим, говорим о деятельности; в ноту наших отношений входит и представление о пути; следовательно – тем труднее, ответственней, строже должны быть наши встречи; и потому-то в подлинной нашей встрече не должно играть то, что Вы все время *в одном*, я – *в другом*; а между тем сроки, дела, взаимное утомление определяет то, что, когда мы встречаемся, мы говорим *полусериозно*: я предпочитаю говорить всериоз, или просто болтать, говорить «*ни о чем*». Вот и теперь: ну, я приду к Вам – посидим часа три: перед этим у Вас многие дни, проведенные в цикле одних интересов, у меня – в других; мы сходимся – мы до конца не можем поговорить: Вы спешите по делу; я – спешу работать над ритмом[2]; у меня ритм связан не с забавой, а, быть может, с своеобразно понимаемым представлением о подвиге; у Вас представление о работе связано, скажем, с новой статьей Хвостова в Еженедельнике[3]; для Вас мой ритм – забава декадента (для меня – мечта создать науку); для Вас статья Хвостова – дело; для меня – праздное упражнение благополучного болтуна, профессорство и деятельность которого отравляет все живое, стремящееся работать; для меня деятельность профессорской богадельни за немногими исключениями есть убийство русской культуры; для Вас – созидание; но Россия – и для Вас, и для меня близка; оба мы, верю, способны отдать себя для России; следовательно, наше «*Я*»

с его симпатиями (в данном случае наша симпатия друг к другу) ничто по сравнению с представлением о долге; Ваш долг практически, скажем, заключается в том, чтобы больше и чаще болтал Хвостов; мой долг в том, чтобы Хвостов не отравлял атмосферу словами; оба, любя Россию, мы так расходимся в представлении о пути, что идейно являемся врагами; Ваша деятельность – в искоренении нас; наша – в искоренении Вас. *Мы – в разных станах*; и личная симпатия наша друг к другу перед делом да умолкнет: мы – враги; так зачем же слова о близости путей и все полусериозные разговоры; от всяких *полу*-отношений, *полу*-истин я почти умираю; и я хочу только правды; а правды и честности в нашем будто бы единомыслии нет.

Поводом к этому письму явилась статья «*В. Х.*» в *Вашем* органе[4], направленная к тому, чтоб подорвать значение «*Логоса*». «*В. Х.*» написал рецензию, в которой сквозит тупая, глупая, чванная, бессильная, беззубая злоба; ни одной строки, где бы действительно резюмировался «*Логос*»: это рецензия, которая под стать «*Московскому Листку*»[5], а не периодическому журналу; как бы ни был убог «*Логос*», статья Риккерта, Фосслера, Яковенко[6] убивает значением десятки Лопатинских, Трубецковских и иных статей московских профессоров; но Ваши друзья, московские профессора, и в печати, и в обществе, и в академической деятельности прямыми и непрямыми путями (путем глупых рецензий и путем притеснений молодых философов в Университете) искореняют интерес к гигантам западной мысли: мы-де шапками закидаем; мы-де сами Риккерты – это *Лопатин-то*? Мало того: московские профессора унижаются до того, что печатают у себя в органе почти инсинуацию какого-то горохового шута за подписью «*В. Х.*». Кто этот В. Х.? При всем моем ограниченном почтении к глубокой философской мудрости московских профессоров я все же не думаю, чтобы Хвостов, Трубецкой, Челпанов могли написать такое идиотство, как в последнем № Еженедельника. Очевидно *В. Х.* означает: *Великий Хам*. Но я удивляюсь московским профессорам, столь бдительно стоящим на страже подлинно философской мысли, что этого «*В. Х.*» или *Хама* они терпят как рецензента по философии в «*Еженедельнике*». Мне остается

выразить «Московскому Еженедельнику» *свое подлинное негодование*; отныне вижу, что и там возможны инсинуации[7]. А поскольку Вы *Еженедельнику* причастны, я признаюсь Вам, что Вы отныне для меня – только теоретический противник. Всего лучшего.

Борис Бугаев.

---

[1] Письмо сохранилось в архиве Андрея Белого (РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 11. Л. 2–4); осталось, по всей вероятности, неотправленным.

[2] В апреле 1910 г. Белый организовал при издательстве «Мусагет» студию стиховедения – Ритмический кружок, ближайшей задачей которого было всестороннее описание ритма пятистопного ямба в русской поэзии. См.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 101–102.

[3] Речь идет о рецензии В. М. Хвостова на книгу I журнала «Логос» (Московский Еженедельник. 1910. № 17, 1 мая. Стб. 57–60. Подпись: В. Х.). В ней в ироническом ключе излагались задачи нового издания и подвергались сомнению его претензии на приобщение России к мировой философской традиции: «На самом же деле в первой книжке, по крайней мере, это широковещательное предприятие выразилось лишь в том, что напечатано несколько статей, которые <...> посвящены восхвалению двух направлений современной немецкой философии и отрицательной оценке инакомыслящих философов, вроде Бергсона» (Стб. 58). О критике «неозападнического» «мусагетского» «Логоса», предпринятой «неославянофильским» «Московским Еженедельником», см. в статье М. В. Безродного «Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы)» (Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 379–381).

[4] Журнал «Московский Еженедельник» издавался с марта 1906 г. до сентября 1910 г. под редакцией Е. Н. Трубецкого на средства Морозовой.

[5] «Московский Листок» – ежедневная газета, выходившая в 1881–1918 гг., имела репутацию издания, ориентированного на малообразованного и невзыскательного читателя.

[6] В книге I журнала «Логос» (1910) были напечатаны статьи «О понятии философии» Г. Риккерта, «Грамматика и история языка: К вопросу об отношении между “правильным” и “истинным” в языкознании» К. Фосслера, две статьи Б. В. Яковенко – «Теорети-

ческая философия Г. Когена» и «О современном состоянии немецкой философии».

[7] С защитой позиций «Логоса» и с неприятием критики его со стороны «Московского Еженедельника» Белый выступил в статье «Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли», в которой, в частности, коснулся и рецензии В. М. Хвостова: «... русские философы-славянофилы даже не опровергают Канта; они просто довольствуются заявлением об его несостоятельности; и на этом основании вовсе не считают нужным ответить на ряд задач современной философской мысли: Коген, Риккерт, Зиммель, Гуссерль, Виндельбанд попросту бойкотируются; ученики и последователи их вышучиваются. И противовесом десяткам философских трудов является голословное утверждение, что эти труды – схоластика. Только этим приемом борьбы объяснима почти ненависть, которая дышит из строк "В. Х.", разделывающего "Логос" на... десяти строках недопустимой по тону рецензии ("Московский Еженедельник")» (Утро России. 1910. № 274, 15 октября. С. 2). Морозова, однако, никаким образом не проявила личного негативного отношения к «Логосу»; показательно, что в период формирования издания П. Б. Струве побуждал ее деятельно включиться в этот процесс (в письме от 29 октября 1909 г.): «Для *меня* <...> в Вашем вступлении в это дело заключалась бы известная гарантия того, что действительно можно будет на нем "объединить" те силы, которым следует объединиться» (РГБ. Ф. 171. Карт. 2. Ед. хр. 33).

100

5/18 января 1911 г. Радес[1]

Милая, близкая Маргарита Кирилловна,

только сейчас освоился несколько; а то – переезжали. Приехали в Палермо[2]: там цветы, солнце, радость. Но там меня буквально ограбил отель. В Палермо оказалось слишком дорого. Неделю приискивали помещение. Переехали в Монреаль – в горы[3]: и здесь замерзли. Холод, разбитые стекла: у меня под столом протекал дождь. Пришлось бежать – в Тунис[4]. В Тунисе опять прожили девять дней в солнце, цветах; но в Тунисе оказалось тоже дорого. И вот после долгих поисков мы остановились на Maxulla-Radès. Живем в Раде-

се, маленькой арабской деревушке, среди арабов[5]. Мы сняли настоящий арабский дом с плоской крышей, но в нем половина окон оказались разбитыми. Понадеялись на хорошую погоду, и вот опять – дожди, воющий ветер и непрерывный стук ставен. Крыша – протекает. В комнатах завывает ветер. Неудобно, холодно, но... прелестно.

Милая, близкая: я счастлив, хорошо. Если бы только не холодать... А то придется в поисках солнца бежать.... к экватору.

Пишу, а в меня из дыры свищет ветер, и я спешу кончить письмо, чтобы пробежаться: это досадно, досадно: работать нельзя. Сидишь и зябнешь.

Милая, близкая – как-то особенно близко Вас чувствуешь. Пишите, хотя бы два слова – как Вы? Как «*Путь*»?[6] На днях напишу еще. Буря мешает мне писать. И потому, чтобы не простудиться, быстро заканчиваю.

Я – счастлив....

Ася посылает Вам привет.

Остаюсь искренне любящий

Б. Бугаев.

P.S. Мой адрес. Afrique. Tunisie. Maxulla-Radès (près de Tunis). A Madame Rebeyrol, buraliste de Radès. Для меня[7].

---

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Maxulla-Radès. 18.1.11. Почтовый штемпель получения: Москва. 18.1.11. Радес – арабская деревня близ Туниса; Белый и А. А. Тургенева (Ася) поселились там 31 декабря 1910 / 13 января 1911 г. или 1/14 января 1911 г. Свое заграничное путешествие (декабрь 1910 – апрель / май 1911 г.: Италия – Сицилия – Тунис – Египет – Палестина (Иерусалим) – Константинополь) Белый описал в книге очерков «Путевые заметки»; том 1 вышел при жизни автора двумя издани-

ями: Офейра. Путевые заметки, ч. 1. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1921; Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. М.; Берлин: Геликон, 1922; том 2 опубликован в полном объеме лишь в новейшее время, см.: Российский Архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1991. Вып. 1. С. 327–454. Предисл. Н. Котрелева. Публ. С. Воронина. См. также: Путешествие на Восток: Письма Андрея Белого / Публ., вступ. статья и коммент. Н. В. Котрелева // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 143–177; «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!»: Письма Андрея Белого к А. М. Кожебаткину / Предисл., публ. и коммент. Джона Малмстада // Лица. Биографический альманах. СПб., 2004. С. Вып. 10. 149–168; *Белый – Блок*. С. 380–399.

[2] Белый и А. Тургенева прибыли в Палермо (Сицилия) 4/17 декабря 1910 г.

[3] В Монреаль (городок в 5 км от Палермо) Белый и А. Тургенева переселились не позднее 11/24 декабря.

[4] Прибытие в Тунис – 4 января 1911 г. (22 декабря 1910 г. ст. ст.).

[5] Более подробно Белый описывает пребывание в Тунисе и Радесе в отправленных оттуда письмах к матери и Э. К. Метнеру; см.: Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. С. 150–153.

[6] «Путь» – московское издательство религиозно-философской направленности, организованное весной 1910 г. и выпустившее в свет первые четыре книги в декабре 1910 г.; Морозова была его инициатором, учредительницей и владелицей. См.: Голлербах Евгений. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 66–72.

[7] Ответное письмо Морозовой датировано 14 января (ст. ст.), однако в данном случае, безусловно, описка: письмо Белого достигло Москвы, согласно почтовому штемпелю, лишь 18 января (см. примеч. 1). Наиболее вероятная датировка нижеследующего письма Морозовой – 18 или 19 января (31 января или 1 февраля н. ст.) 1911 г.:

14-го янв<аря>.

Милый и дорогой Борис Николаевич! Спасибо бесконечное за Вашу память, получила несколько открыток и вчера письмо из Туниса. Вы не можете себе представить, как я радуюсь, получая известия от Вас, и как мне Вас недостает здесь. Счастлива тем, что Вы так радостны и счастливы. Кланяйтесь Асе от меня и скажите, что я ей всей душой тоже предана за то, что она Вас так радует

и столько Вам дает. От души смеялась и веселилась, читая Ваше письмо. Что ветер и буря, погонят ли они Вас к экватору? Пишите, не забывайте! Помните Вашего горячего, благодарного и преданного друга! Я живу очень тихо внешне, но как-то переживаю период углубления и размышления. Опять занимаюсь философией, Кантом и Гегелем. Хочется быть в сфере мысли. Уж очень много я была эти два года в сфере мятежных чувств. Устала. С другой стороны, перечитываю все Евангелие, чего давно не делала. В «Пути» все хорошо вообще, но тяжело, что Григ<орий> Алекс<еевич> болен, он уехал лечиться на время. Я его много видела это время! Какой это хороший, но несчастный и тяжелый человек. Я очень занята изданием соловьевского сборника. Милый друг, как же без Вашей статьи быть! Ради Бога пришлите мне статью для сборника о Соловьеве, умоляю Вас. Мне так хочется, особенно как-то важно, чтобы Вы в этом сборнике были. Вдохновитесь, засядьте и напишите. Только так возьмите лучшее свое, для меня сделайте и напишите. К 10-му–15-му февраля необходимо получить статью. Голубчик, пожалуйста! Вы хотели написать что-то об антихристе. О чем хотите, но скажите что-нибудь и что-нибудь *Ваше, глубокое*! Только что прочла внимательно всего Вашего Голубя! Захвачена страшно! Громадный у Вас художественный талант. Ваш символизм особенно потрясающ в этих *реальных* образах. Но я теперь с трепетом буду ждать второй и особенно третьей части. Надежда на нее у меня вообще теперь огромная. Всегда молюсь Богу за Вас, милый и дорогой Борис Николаевич! Пишите.

Любящая Вас

М. Морозова.

Вчера Гессен читал у меня. Все были!

(В тексте упоминаются: Григорий Алексеевич Рачинский; «Сборник первый: О Владимире Соловьеве» (М.: Путь, 1911); роман Андрея Белого «Серебряный голубь» (М.: Скорпион, 1910): Белый осмыслял тогда его как первую часть задуманной трилогии.)

101

6/19 февраля 1911 г. Радес

Милая, милая Маргарита Кирилловна,

простите, что пишу Вам карандашом. Но я пишу сейчас, сидя на откосе горы (Ася рисует, а я сижу рядом с ней). Только что получил Ваше письмо[1]. Вы пишете 14-го; я получил Ваше письмо только в первых числах февраля; я послал Вам

в начале января. Письмо шло две недели к Вам и две недели назад.

Милая, милая, до чего хороша Африка; как славно все кругом взглядывается <так!> в меня, говорит мне без слов. После многих лет нервничанья впервые здесь отдыхаю. Странно даже как-то: весенняя нега, птицы, цветы; и цветы–арабы. Какая ширь в полях, как пустыня, не видная мне, зовет; чувствую непрерывный зов пустыни. Мечтаю об Египте...

Я счастлив: Ася с каждым днем вырастает для меня; все больше и больше ее люблю, все более и более я привязываюсь к ней; и мне кажется, что мы с ней не расставались... Вот только одно трудно: не могу писать «*Голубя*»[2]. Откладываю до лета. Как можно писать, когда весна, цветы и теплый отдых после многих лет страданья *впервые* приходят. Писать «*Голубя*» значит мучительно отрываться от – ей-Богу! – заслуженного отдыха и глядеть мимо счастья в мрачные души бездны... И я прав перед собой и Асей, что не хочу первые месяцы нашей совместной жизни омрачать «Голубем»...

Пишу книгу «*Путевые заметки*», отрывки которой должны печататься в газетах[3]; так думаю я пока реабилитироваться перед «*Мусагетом*»[4]. А летом, по возвращению из заграницы пишу «*Голубя*». Нужно написать за это время шестьдесят фельетонов, работа порядочная, но... не омрачающая моего счастья; ведь после каждой главы «*Голубя*» (пока писал) почти нервно заболевал; а теперь, когда читают «*Голубя*» и хвалят «*беспутного декадента*» Белого, у Белого есть чувство... некоторой досады: может быть, нужно сжечь свои нервы дотла, чтобы какой-нибудь буржуй сказал: «Знаете ли... тут что-то есть...»

Перед второй частью «*Голубя*» я, как автор, злюсь: ведь и вторая часть мне испортит ряд месяцев здоровья; и хотя в Африке, среди цветов и тепла, я хочу себя почувствовать здоровым и тихим. Пишу «*Путевые заметки*»...

Но, милая: до чего здесь прекрасно; и как часто, как часто мысленно с Вами я говорю; как хорошо, что Вы ушли в философию; не правда ли – философия завуаливает взор; меньше истерики, больше спокойствия, хотя бы ценой некоторой внешности; ужасно я радуюсь за Вас, что Вы с философией.

О статье[5]: написал бы с большим удовольствием, но... милая – ведь пока буду писать, пройдет все же 2–3 дня; сегодня 6-ое февраля по русскому стилю; девятого отсылаю и – Вы получаете только 21-го. Уже я опоздал. Ужасно, ужасно долго идут сюда и отсюда письма; кажется – это зависит от моря; сейчас, кажется, полоса бурь.

Вот пишу, а кругом уже все темнеет; желтые сумерки; и строчки уже я перестаю различать (вероятно, пишу ужасным подчерком). Ася перестает работать; докончу дома письмо.

Боже мой, что я в полях намелил; еще раз простите, Милая Маргарита Кирилловна, неразборчивость моего письма...

Проводим мы с Асей день так: встаем; отворяю ставни – веселое солнце бросается мне в глаза; тепло (в комнатах вдвое холодней, чем наруже); бегу на наш верхний этаж, пробегаюсь по плоской крыше: белоснежные купола и стены Радеса слепят мне глаза; потом усаживаюсь работать до завтрака (2½ часа); после завтрака мы сидим с Асей на ковре, щелкаем орехи, рассуждаем и кипятим чай; к солнечному заходу (4 часа) мы спешим в поле (Ася рисует громадное, коряжистое дерево); она рисует, а я – пишу письма. После до обеда (8 ч.) работаю; после сидим на плоской крыше; луна озаряет голубизной белоснежный Радес; из кафе (под нами) несется арабская музыка. И Радес под луной – бирюзоватый Радес. Рано, часов в 12 уже тянет спать.

Хорошо, монотонно, счастливо и незаметно проходит время; изредка разнообразится оно тем, что едем в Тунис за покупками; иногда едем в окрестности Туниса (Карфаген, Бардо); часто, здесь, на плоской крыше Радеса ко мне вновь возвращается (после Канта и Риккерта) Шопенгауэр; Шопенгауэр вообще как-то музыкально здесь слышней, чем в Европе. Все пейзажи, постройки, люди выражают здесь *Идею* (в платоново-шопенгауэровском смысле); здесь на

крыше проходят темы наших разговоров, и я говорю им: «Да, да, да – будет»…. А что будет – разве это знать нужно?..

Верю, что *есть, было, будет*…

Часто с Асей говорим, что Сахара от нас так недалека (всего несколько сот верст); Тунисия с юга на фоне пустыни; и фон пустыни здесь слышен – здесь среди фиников, цветов, оливок и пальм. И в пустыне поднимается зов… Я слышу – я помню – я узнаю… свое далекое прошлое: я *ведь* родом из Африки (так говорят про меня теософы); родина моя Египет; и душа просится в Египет, родину. Только что написал убедительное письмо Э<милию> К<арловичу>, чтобы он дал мне возможность туда поехать для, между прочим, и моих «*Путевых заметок*»[6]. Надеюсь, что поймет он меня зовущее чувство. Ну Христос с Вами, милая.

Пишите сюда, если уже уеду[7], то письмо все равно перешлют: жду письма.

Любящий Вас крепко

Борис Бугаев.

P.S. Ася просит меня передать Вам свой привет. Она – мое счастье!…

---

[1] Имеется в виду письмо, приведенное в примеч. 7 к п. 100.

[2] Подразумевается продолжение романа «Серебряный голубь»; этот замысел позднее нашел свое воплощение в романе «Петербург».

[3] См. примеч. 1 к п. 100. Серия очерков Андрея Белого под общим заглавием «Путевые заметки» была напечатана в петербургской газете «Речь» 25 января, 2 и 13 февраля, 5 июня, 3 и 24 июля, 29 сентября 1911 г., еще несколько очерков из этой же серии появилось в 1911 г. в газетах «Утро России» (5 апреля) и «Современное Слово» (3 и 24 июля, 29 сентября).

[4] Имеется в виду прежде всего возвращение денежной субсидии, предоставленной Белому издательством «Мусагет» для его заграничного путешествия; предполагалось, что вторая часть «Серебряного голубя» будет печататься «Мусагетом».

[5] Имеется в виду статья для сборника «О Владимире Соловьеве» (см. примеч. 7 к п. 100); Белый ее не написал.

[6] См. письмо Белого к Э. К. Метнеру от 30 января / 12 февраля 1911 г. (Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публика-

ции. М., 1988. С. 154–158. Публ. Н. В. Котрелева). Речь идет о дополнительном денежном обеспечении путешествия.

[7] Белый и А. Тургенева переехали из Радеса в Тунис 23 февраля / 8 марта и в тот же день отплыли в Египет. Ср. сообщение в письме Белого к матери от 26 февраля / 11 марта 1911 г.: «Выехали из Радеса 8-го утром. В три часа выехали на пароходе из Туниса» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

102

11/24 апреля 1911 г. Иерусалим

Иерусалим. Христово Воскресенье[1].

Милая, милая Маргарита Кирилловна!

Пишу Вам из Иерусалима: Христос Воскресе! Вчера встречали Пасху у Гроба Господня. Что за великолепный город Иерусалим. Как мы с Асей отдохнули здесь после ужасного Каира[2]; в Каире хорош древний Египет, пустыня, пирамиды, Нил и долина Нила; сам Каир ужасен: старый город – декаданс всего подлинно арабского; после Туниса он ужасает грязью, дурным стилем домов и... людьми. Здесь скрывается благородный араб, сменяяся арабом попрошайкой; а европейский Каир – того хуже; грязь, керосиновая копоть автомобилей, грабители-феллахи, чванные капиталисты всего мира вкупе с повесничающими коронованными особами всего мира; вся эта праздная ватага густо пересыпана... проходимцами всего мира. Мы застряли в Каире, около четырех недель здесь прожили (вместо предполагаемых двух)... И отдохнули в Стране Обетованной. Как радостно в Иерусалиме; здесь нет никакой профанации. Страшное напряжение чувствуешь у Гроба Господня[3]: арабы, армяне, абиссинцы, копты, католики, греки, мужички – вся эта пестрая толпа радостно возбуждена. У Гроба Господня непрекращающийся *Собор Церквей*; и этот Собор Церквей увенчан одним куполом.

Как нравоучительно наше путешествие: ехали из России на Запад, а вернемся в Россию с Востока. Искали Запада, а нашли Восток. Боже, до чего мертвы иностранцы: ни

одного умного слова, ни одного подлинного порыва: деньги, деньги, деньги и холодный расчет. Еду в Россию полемически настроенный против нашей мусагетской платформы[4]. Культуру Европы придумали русские; на Западе есть цивилизации; западной *культуры* в нашем смысле слова *нет*; такая культура в зачаточном виде есть только в России.

Возвращаюсь в Россию в десять раз более *русским*. Прав Бердяев в своей последней книге[5]... Альтернатива между Бердяевым и Гессеном для меня ясна: я с Бердяевым[6].

Меня злит подчеркивание у нас слова *Европа*; меня злит культ Германии, как «*пупа мира*». *Пуп мира* показывают в Иерусалиме; о, насколько этот последний наивней первого; первый, т. е. европейский, *пуп мира* вовсе не в Гёте, Ницше и других светочах культуры: до этих последних европейцу дела нет. Гёте и Ницше переживаются в России; они – наши, потому что мы, русские, единственные из европейцев, кто ищет, страдает, мучается; на Западе благополучно здоровеют; румянощекий господин Котелок, костяная госпожа Зубочистка – вот подлинные культур-трэгеры Запада.

Насколько живее, проще, красочнее, чреватей будущим Африка; и что эти *поганцы* европейцы делают здесь; они водворяют, правда, гигиеническую зубочистку и усаживают на арабе господина Котелка, вместе с тем они варварски отравляют все подлинное в Африке. Едва мы с Асей попали на африканский берег, мы сказали: «*Здесь лучше Европы*». И это первое впечатление на протяжении 3 месяцев окрепло в *твердое убеждение*. Мы ликовали, что в Иерусалиме нет автомобилей, что улицы здесь немощеные (часто), даже пыль приветствовали мы.... У нас западники говорят: поучитесь сперва *предпоследнему*; но *предпоследнее* для меня теперь – гигиеническая зубочистка, и только; утверждать, что вычищенные зубы лучше невычищенных, *полезно*; но когда на основании этого утверждения провозглашается *культ зубочисток* в пику исканию *последней правды*, то хочется воскликнуть: «Чистые слова, произносимые немытыми устами, все-таки несоизмеримы с *грязными словами*, произносимыми умытым свиным рылом»; а европеец – слишком часто умытая свинья в котелке с гигиенической зубочисткой в руке. И Когэн – зубочистка, только зубочистка...

Простите, милая, мою злость; но, насмотревшись на итальянцев, французов, англичан, даже... немцев, приходишь в исступление, когда эти умытые *свиные рыла* провозглашаются перлами созданий.

Вот уже месяц, как все бунтует во мне при слове «*Европа*». Гордость наша в том, что мы *не Европа*, или что только мы – *подлинная Европа.*

Милая, милая, милая, Христос с Вами. Буду в начале мая в Москве[7]; надеюсь Вас застать. Хочется увидеть Вас, заговорить, и *не наговориться...*

Милая, родная, близкая: как привязан я к Вам.

Ася Вас приветствует.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев.

---

[1] Пасха в 1911 г. – 10 апреля (ст. ст.). Белый и А. Тургенева прибыли в Иерусалим 28 марта / 10 апреля. См. также отправленные из Иерусалима письма Белого к А. С. Петровскому и А. М. Кожебаткину в публикации Н. В. Котрелева «Путешествие на Восток» (Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 167–176).

[2] В Каире Белый и А. Тургенева провели вторую половину марта и начало апреля (н. ст.) 1911 г. См. очерк Белого «Египет» (Современник. 1912. № 5. С. 190–214; № 6. С. 176–208; № 7. С. 270–288).

[3] Гробница Христа в центре храма Гроба Господня, впервые возведенного в 326–335 гг., реконструированного крестоносцами и заново освященного в 1149 г.

[4] Подразумевается ориентация деятельности издательства «Мусагет» на западноевропейскую, и прежде всего германскую, духовную культуру.

[5] Последняя книга Н. А. Бердяева, вышедшая в свет до отъезда Белого в заграничное путешествие, – «Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907–1909)» (СПб., 1910), но весьма вероятно, что Белый имеет в виду его книгу «Философия свободы» (М., 1911), выпущенную издательством «Путь» во второй половине февраля 1911 г. (см.: Голлербах Евгений. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 90); большинство вошедших в нее статей было опубликовано ранее в периодике, Белый мог иметь представление

об идейных основоположениях этой книги и непосредственно от автора (о работе над «Философией свободы» Бердяев рассказывал Белому в письме от 15 июня 1910 г.; см.: De Visu. 1993. № 2 (3). С. 17. Публ. А. Г. Бойчука). Эпистолярные отзывы Белого о «Философии свободы» приведены в статье: Бойчук А. Г. Андрей Белый и Николай Бердяев: к истории диалога // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 2. С. 32.

[6] С. И. Гессен в данном случае подразумевается как один из руководителей издаваемого «Мусагетом» журнала «Логос» (см. примеч. 3 к п. 96). В письме к Белому от 14 мая 1910 г. Бердяев высказывался в связи с выходом в свет книги I «Логоса» (в которой, в частности, была помещена статья Гессена «Мистика и метафизика»): « "Логос" полезен, он знакомит с современными философскими течениями Европы, он возбуждающе подействует на нашу философскую мысль. Но дух "Логоса" мне противен и враждебен. Особенно возмущает меня еврейское самомнение Гессена. Какое он может иметь отношение к мистике?» (De Visu. 1993. № 2 (3). С. 16).

[7] Белый и А. Тургенева возвратились в Россию (в Одессу) из заграничного путешествие 22 апреля / 5 мая 1911 г., в Москву Белый приехал 8 мая (ст. ст.).

103

14 июня 1911 г. Боголюбы[1]

Милая Милая
Маргарита Кирилловна!

Пишу Вам наконец; все эти дни работал, а теперь дал себе пятидневный отпуск, и вот пишу друзьям.

Мы с Асей великолепно устроились; живем в новом домике; кругом поля; тишина, поют птицы, а в сердце так много надежд и веры. Какая обида, что мы не повидались как следует[2]; многое, многое мне надо Вам сказать; и радоваться, и сердиться, и жаловаться: последние годы все больше и больше чувствую в Вас союзницу; много болей у нас одни.

Но все радости и боли откладываю на осень; надеюсь у Вас с Асей побывать, как Вы нас звали[3]; но для этого еще раз напишите, свободны ли Вы, не затруднит ли Вас наш приезд.

Милая, милая: странно так складывается жизнь; сколько раз думал я, что уже моя жизнь кончена, а вот блеснуло счастье – и я неожиданно вновь начинаю жизнь. И это *вновь* – по всем линиям: в литературе, в общении с людьми, – всюду слышится нота какого-то *перелома*; и придется в будущем (близком) выходить, будто в первый раз, на жизненную борьбу.

Зори сулят многое: чувствую поступь больших событий, вместе с тем то, в чем мы живем, более чем когда-либо не приготовлено к будущему. Проблемы, которые ждут от нас разрешения, больше нас – слабых, хилых; а между тем мы, а никто иное будет их решать. И тут начинаются мои боли и ропоты.

В частности, ропоты на «*Мусагет*». Я даже подумываю о том, что, пожалуй, придется выйти из «*Мусагета*», ибо желание работать – есть, а *Мусагет* превратился в какое-то сплошное бездействие; кричу друзьям – друзья ни звука. Со мной никто не считается, меня перестали спрашивать, а сами *палец о палец* не делают что-либо *живое, нужное* сейчас для России.

Собираюсь на днях кардинально объясниться с Э<милием> К<арловичем>, и от этого объяснения будет зависеть или моя *работа* в будущем в *Мусагете*, или я останусь в стороне, с сознанием горечи, что друзья своим *количеством, бездействием, нежеланием считаться со мной* поставили меня в необходимость опустить руки[4].

Вы поверите ли – мне нечего в *Мусагете* делать. Всякое мое *живое* предложение не то что отвергается, но молчаливо откладывается в неопределенность: словом, мне как Андрею Белому, русскому писателю, не пристало играть унизительную роль ненужного советчика при знающем все лучше Э<милии> К<арловиче> и палец о палец не двигающем *для живого дела*. Мне проводятся решения, мне не желательные, меня уже даже не спрашивают ни о чем. Даже в «*Весах*», органе сравнительно более чуждом, не забывали, что я *Андрей Белый*; в *Мусагете* я или «*милый Борис Николаевич*», или враждебная заданиям «*Мусагета*» единица. Если в *Мусагете* не удастся мне провести «*coup*

d'état»* в направлении деятельности, так или иначе связанной с *русским* (а не каким-либо иным) символизмом, или с *русской* (черпающей у Запада) культурой, а будет безличное благополучие переводов и *только*[5], мне, как бойцу, как *русскому* литератору, делать нечего.

Вот одна из моих болей; я не знал, что «*Мусагет*» единственное литературное имя свое сведет к роли «*милого* (но в сущности ненужного) *советчика*» и что это сделают *друзья*!..

Но, кажется, так выходит...

А жаль: хочется работать, хочется бороться, в душе так много веры, на все глядишь обновленным взором. Впрочем, по сравнению с прошлыми горечами, эта новая горечь (горечь отказа от вызванного к жизни дела за неспособностью ближ<айших> сотрудников) – не так уж велика.

Великая у меня утешительница Ася: она мой друг, с ней мне все будет легко перенести....

А другой мой друг – Вы, и как много, много мне есть с Вами тем для обсуждений; хочу, очень хочу у Вас пожить, чтобы *вместе видеть*, вместе переживать, а не только приходить и говорить.

Надеюсь, до августа.

Остаюсь любящий Вас глубоко

Борис Бугаев[6].

P.S. От Аси привет.

P.P.S. Адрес. Луцк (Волынской). Лесничему В. К. Кампиони для Б. Н. Бугаева.

P.P.P.S. Для «Пути» на днях начинаю писать о Льве Толстом.[7]

---

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Луцк. 14.6.11. Почтовый штемпель получения: Оболенское. 17.VI.<1911>. Оболенское – станция Брянской железной дороги в Калужской губернии, ближайшая к имению Морозовой Михайловское. В Боголюбах (имение В. К. Кампиони, отчима А. Тургеневой, в Волынской губернии) Белый в 1911 г. жил в конце апреля – начале

* переворот (*фр.*).

мая, а также в летние месяцы (с последней декады мая до начала августа).

[2] Подразумевается: во время пребывания Белого в Москве (8–18 мая).

[3] Имеется в виду предполагаемая поездка в Михайловское.

[4] 17 июня 1911 г. Белый отправил Э. К. Метнеру пространное письмо, в котором изложил руководителю «Мусагета» накопившиеся обиды, претензии и сомнения относительно целесообразности своего дальнейшего участия в деятельности издательства (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 43). О своей реакции на это письмо Метнер сообщил Морозовой 26 июня 1911 г.: «От Бориса Николаевича получил из Волыни два письма; первое очень милое, *личное*, лирическое; второе – крайне неприятное, прямо возмутительное, очень меня расстроившее своею несправедливостью, *деловое*. Очевидно, его *кто-то* настраивает против меня» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б. В последней цитированной фразе – явный намек на А. А. Тургеневу).

[5] Подразумевается выпуск в свет переводных книг, составлявших значительную часть печатной продукции «Мусагета».

[6] Морозова ответила следующим недатированным письмом:

Дорогой и милый Борис Николаевич!

Получила Ваше письмо, благодарю за него бесконечно! В нем было три радости. Первая – я вижу, что Вы счастливы – это огромно. Второе – Вы все сильнее и все больше становитесь самим собой и все больше бунтуете за общее, светлое, живое! Я знаю, что Вы всегда этим были и будете все больше, т. е. русским писателем, но счастливо, когда это видишь так ярко. Третья радость – что Вы меня не забываете Вашей дорогой мне дружбой и мне верите, душе моей верите.

Верите, что она *живая*! Дорогой друг, верьте только, что она живая, что если я многого не понимаю, то это по незнанью, но не потому, что все и всех не люблю! Верьте – и мне будет хорошо и радостно и Ваша вера будет меня поддерживать! Ваши жалобы и недовольство Мусагетом не совсем разделяю! Вы от него требуете того, что не в его задачах! Не сердитесь на меня, но я не могу совсем согласиться! Мусагет не виноват, что он у́же Вас, что Вы не можете уложиться в его рамки культурные, эстетические и мистические. Его путь определенен и широк, и его можно утвердить и сказать ему *да*, и Вы *должны* в нем участвовать, т<ак> к<ак> эстетическое, культурное и мистическое – это Ваша сфера! Вы тут и творец и исследователь! Поэзия, литература – это Ваша форма, Ваш язык все-таки! Вам нужен Мусагет, и Вы без него не можете, и он без Вас не должен быть! Но я знаю, что это не только не все,

но самое – то Ваша Святая Святых, то, где все решается, – это не в Мусагете, тут Вы «русский». Но для этого у Вас есть друзья и вне Мусагета, и в Общ<естве> Вл. Соловьева, и наш Путь, и отдельные друзья. Так не волнуйтесь, не сердитесь, милый, дорогой и хороший друг! Приезжайте ко мне с Асей, прошу Вас и умоляю! Вы не можете себе представить, как я Вам буду рада, как это важно для меня. Вы не только не можете меня стеснить ни в чем, но бесконечно обрадуете, если *дольше* поживете. Асе пишу открытку и очень ее прошу приехать. Вам комнаты готовы – приезжайте когда хотите, начиная с 25-го июля, до 10-го сентября. Вся наша молодежь ждет Вас со страстью и Вашу жену жаждет видеть! Глубокий и сердечный привет Асе. Вам желаю отдыхать и весело и радостно работать. Жду письма с нетерпением. Буду *ужасно* горевать, если не исполните обещания приехать.

Любящая Вас горячо *М. Морозова.*

[7] Статья Андрея Белого «Лев Толстой и культура» была опубликована в кн.: Сборник второй: О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 142–171.

104

14 июля 1911 г. Боголюбы

Боголюбы. 14-го июля 1911 года.

Милая, милая Маргарита Кирилловна,

Спасибо за любезное приглашение[1]; мы с Асей непременно приедем. Давно собираюсь Вам отвечать; но только было собрался, одно неприятное письмо выбило меня из колеи на целую неделю[2]; кроме того, я все ждал, могу ли я сейчас фиксировать срок приезда. Дело в том, что от 9 до 11 августа мне необходимо быть в Москве. Я мог бы съездить в Москву от Вас и, следовательно, приехать к Вам числа 5-го; но Эмилий Карлович Метнер, с которым мне совершенно необходимо видаться до его отъезда за границу, проездом обещал быть в Боголюбах; не ранее 3-го августа он может приехать[3]. Следовательно, не ранее 9-го августа мы с Асей могли бы быть у Вас; а 9-го у меня в Москве дело. Дорогая Маргарита Кирилловна, позвольте же мне точно Вас известить о дне приезда позднее; сейчас могу только сказать, что

от 8-го до 14-го августа мы будем у Вас. Мне очень хочется, чтобы Вы с Асей познакомились, чтобы к нашему с Вами «*мы*» и к нашему с Асей «*мы*» прибавилось еще и новое «*мы*» (Вы, Ася, я).

Есть так много мне передать Вам.

Спасибо, спасибо за бодрое Ваше письмо; мои нервности с «*Мусагетом*» преходящи, конечно; просто сказывается наше непонимание друг друга с Эмилием Карловичем; ведь мы же, в сущности, не видались очень давно (с ноября), а до этого провели всего месяц в Москве, почти не видаясь; так что с мая 1910 года многое накопилось такого, что нужно скорей решить. Я не могу реально принять участие в мусагетской работе, не повидавшись с Э<милием> К<арловичем>. Вот отчего с нетерпеньем его жду в *Боголюбы*. Слышал, что он будет у Вас; дорогая, не задерживайте его у себя слишком долго[4].

Надвигается осень, и сколько тревог надвигаются с осенью. Для меня кроме личных тревог звучит еще одна тревога за всех нас. Еще *двенадцатый год* не прошел; и дай Бог, чтобы прошел он так, как 12-ый год минувшего столетия. Трудны были России 12-тые годы. Трудны были первые четверти столетий. До 25-го года приходили наиболее трудные испытания. В 1224 году появились татары; <в> 1512 году смута раздирала Россию; в 1612 году – еще бóльшая смута. <В> 1712 по спине России гуляла Петрова дубинка (1725 скончался Петр). 1812 было нашествие французов. 1905–11 странно напоминает Россию поражение Аустерлицы <так!>. Наши «*Маки*»* немало поражений заставили пережить Россию. И вот мы – у преддверия 12-го года. Дай Бог, если будет новое испытание, чтобы был и *новый Кутузов*. Дай Бог, чтобы князья духовных уделов не спорили друг с другом, а твердо соединились против Россию обложивших татар[6]. Мне грустно то, что я стою за крайнее расширенье всяческих кружковских платформ, дабы была одна платформа всех честных и благородных; но иногда все же бывает горько, что друзья по общему делу меня подчас считают за это стремле-

---

* Помните судьбу австрийского генерала Мака?[5] (*Примеч. Белого.*)

нье стоящим... на границе беспринципности; меня же иной раз коробит их нежелание протянуть руку к ближе стоящим, как справа, так и слева; хочется протянуть руку Бердяеву и Гессену; но тот не приемлет другого; хочется, чтобы еще раз сошлись Эллис и Блок, Иванов и Соловьев; но они не приемлют друг друга; и все вместе не приемлют Гессена. Хочется, чтобы С. Н. Булгаков был близок к нам, хочется, чтобы Эрн... Да мало ли чего хочется: но тут налетаешь и на Эрна, и на Гессена, и на Метнера, и на Бердяева; будто бы со всеми, а будто бы... и один. А времена идут, дорогое время проходит в препирательствах, а враги тем временем обкладывают со всех сторон.

Но все же верю, верю, верю. Пусть надежда не раз еще обманывает нас всех. Много раз обманывала надежда; но и разочарование тоже обманывало. Мне кажется иногда, что все мы слишком уже умудрены опытом, чтобы *не* верить в будущее. Милая, как хочется с Вами без конца говорить.

Но обрываю письмо.

Остаюсь бесконечно преданный

Борис Бугаев.

P.S. До скорого свидания.

Приписка А. А. Тургеневой:

Милая Маргарита Кирилловна,

Простите, что так долго не благодарила вас за ваше милое приглашенье. Боря очень мечтает побыть у вас и почти убедил меня, что вы совсем не страшная.

До свиданья и надеюсь в начале августа.

Ася Тургенева[7].

---

[1] Ответ на письмо, приведенное в примеч. 6 к п. 103. Ср. ретроспективную запись Белого об июле 1911 г.: «... переписка с Морозовой, зовущей к себе» (*Материал к биографии*. Л. 60).

[2] Подразумевается, безусловно, многостраничное письмо Э. К. Метнера от 26–29 июня 1911 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7; копия – РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 24), содержащее развернутые, обоснованные ответы на упреки Белого, высказанные в письме от 17 июня (см. примеч. 4 к п. 103).

[3] Приезд Метнера в Боголюбы тогда не состоялся. 19 июля 1911 г. Метнер писал Белому: «Я постараюсь выехать вечером 2-го, тогда днем 4-го я буду в Боголюбах; Вы можете выехать 9-го, чтобы прибыть в Москву 11-го. У нас для разговоров будет полных четыре дня с 5 по 8-ое. – Но я боюсь, что меня могут задержать обстоятельства, о которых здесь долго и не стоит распространяться. Возможно было бы в таком случае, чтобы Вы приехали сюда в Москву четвертого и ко мне в Свистуху, например, пятого, т<ак> к<ак> числа 12-го мне уже необходимо будет выехать за границу» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7; копия – РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 25). 5 августа 1911 г. Метнер писал Морозовой из Москвы: «В Волынь не еду, т<ак> к<ак> продолжаю не спать и не хочу подвергать себя неудобствам более продолжительного путешествия и жизни в Боголюбах: Бугаева вызвал по телеграфу в Москву и жду его со дня на день. Если он приедет на этих днях, то я уезжаю за границу числа 12–13 с<его> м<есяца>» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52б).

[4] Э. К. Метнер гостил у Морозовой в Михайловском в первой половине июля, об этом он сообщал Белому в письме от 19 июля 1911 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7; копия – РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 25).

[5] Австрийская армия под командованием генерала Карла Макка была 14–15 октября 1805 г. окружена под Ульмом французскими войсками и 20 октября капитулировала; отпущенный из плена, Макк в начале 1806 г. был приговорен в Австрии к смертной казни, замененной 20-летним заключением (в 1808 г. освобожден, в 1819 г. помилован). Белый имеет в виду, по всей вероятности, эпизод из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» – появление генерала в штабе Кутузова после сдачи австрийской армии наполеоновским войскам (т. I, ч. 2, гл. III).

[6] Тема противостояния России и «татар» была актуализирована в сознании Белого стихотворным циклом А. Блока «На поле Куликовом», впервые опубликованным в кн. 10 «Литературно-художественных альманахов изд-ва “Шиповник”» (СПб., 1909. С. 273–278); Белый прочел его летом 1910 г. в Боголюбах: «Здесь попалося *«Куликово Поле»* мне, строчка за строчкою совпадая с интимнейшими переживаньями этих лет жизни; вся тема его: нависание мглы и угроза *востока* (татарства), и чувство необходимости вооружаться для боя с оккультным врагом были мной пережиты ...» (*О Блоке*. С. 357–358).

[7] Морозова ответила следующим недатированным письмом:

Дорогой и милый Борис Николаевич!

Бесконечно радуюсь видеть Вас и Асю у себя в Михайловском. Приезжайте когда хотите, только известите заранее. Я на-

деюсь, что Вы поживете у меня, чем доставите мне огромную радость. Асю я уже люблю и уважаю за то, что она Вам принесла столько радости, надеюсь, что мы, узнав друг друга ближе, станем друзьями реально. Только, пожалуйста, приезжайте надолго. Комнаты Вам уже приготовлены. Мне так хочется обо многом с Вами поговорить, так мне важно знать и чувствовать, что у Вас в душе, о чем Вы думаете, что пишете. Были у меня Метнеры. Эмилий Карлович гостил недели две, и мы много говорили. Я его все больше люблю и ценю. Много и часто говорили и думали о Вас, особенно в связи с сомненьями, которые Вы высказывали за все последнее время. Обсуждали все вопросы, которые Вы ставите. Конечно, все это очень сложно, и мне многое хочется и нужно узнать от Вас. Но что касается Эмилия Карловича, то я прямо преклоняюсь перед его огромной любовью к Вам, и я просто знаю, что Ваши *многие* сомнения неосновательны, дорогой мой и милый Борис Николаевич! Я бы еще горячее стала с Вами спорить, да боюсь Вашего гнева! Уж лучше Вы меня в глаза будете ругать! Дорогой мой, ради Бога, кричите, браните меня сколько хотите, но не сердитесь на меня в душе. Уверяю Вас, что всей душой Вам предана и люблю Вас. Но мне дороги Ваши отношенья с Эм<илием> Карл<овичем>, все прекрасное, что Вас связывает, мне дорог Мусагет, и я страшно боюсь за это все. Хотя не верю и не допускаю ничего серьезного в Вашем споре. Все это или недоразуменье, или просто результат долгой разлуки. Дорогой мой Борис Николаевич, поверьте моей душе, что нигде и ни с кем Вы никогда не будете иметь в деле такой свободы, независимости, нигде Вас, все Ваше не будут ставить так высоко и так любовно, как в Мусагете и с Эмил<ием> Карлов<ичем>, – это я знаю. Вы можете привлечь кого хотите, да и привлекли уже. Вы печатаете все, что напишете!

Вы там наконец собираете вокруг себя молодежь и образуете целую школу! Неужели всего этого недостаточно, чтобы вызывать в Вас огромную любовь к Мусагету. Разве стоит смотреть на небольшие несогласия, если они есть, когда есть такое огромное! Простите, не сердитесь, не браните, но услышите!

Любящая Вас и Асю

М. Морозова.

Попытка Морозовой в этом письме сгладить конфликт между Белым и Метнером предпринята по получении ею письма от Метнера от 20 июля 1911 г., отправленного вскоре по возвращении из Михайловского: «Приехав сюда в Свистуху, застал массу писем, между прочим от Бугаева и от Наташи <Тургеневой-Поццо. – *Ред.*>. Последняя вместо того, чтобы сообщить мне (как я

просил ее), что́ предшествовало написанию ужасного бугаевского письма, жалуется, плачется, говорит, что Бугаев в отчаянии, что я не *так* понял (?!) его письмо. Одним словом, видно, там в Боголюбах сошли все с ума и полагают, что Боренька может говорить какие угодно наглости, а понимать его следует всегда не прямо, не буквально, а символически, истерически и тактически. Впрочем, в конце письма Наташа прибавляет: "Голубчик, я верю, что Борис Николаевич не прав, но не верю, чтобы *это* могло быть причиной Вашего разрыва". Что касается письма Бугаева, то оно мне очень не понравилось; он растерялся очевидно, но признать себя виноватым не хочет, не хочет и сваливать все на истерику, уверяет, что находится все это время в такой тишине и в таком свете, которых и мне желает. Я Вас очень прошу, моя милая, хорошая, не верить характеристике моих ответов Бугаеву, которую он, конечно, станет Вам делать, и потребовать от него мои письма, на что я сим торжественно даю мое полное согласие. Я ему написал, что его письма (лирическое и полемическое) были мною показаны Вам, т<ак> к<ак> я хотел проверить свое впечатление и вообще готов признать Вас судьею между нами. Конечно, о Вашем смехе я ему ничего не сказал, а сообщил только, что Вы не одобряете его письма и что Вы кратко изложили мне содержание письма, полученного от него Вами, из чего я убедился, что и Вам и Кожебаткину он писал и говорил гораздо конкретнее, нежели мне. Письмо Бориса Николаевича очень больших размеров, очень нескладное, очень растерянное и (увы! надо признать) просто глупое! Как согласуется эта явная человеческая слишком человеческая глупость (Borniertheit) с гениальностью, как согласуется с этой гениальностью такое безволие, такая забывчивость; как согласуется с таким писательским дарованием такое наивное (или не наивное??) искажение мыслей и выражений корреспондента – – – все это для меня загадка! Смягчает письмо только местами вспыхивающее чувство расположения ко мне». Приведя далее «перлы» из письма Белого – 15 цитат, Метнер заключает: «Вот Вам коллекция куриозов из этого огромнейшего письма. Ее можно было бы увеличить вдвое и втрое. <...> Какое разочарование приходится мне переживать! Я знал его слабости, но не думал, что они так велики или так за это время прогрессивно увеличились. Мое уважение к нему пало навсегда или на столько времени, сколько пройдет, пока он не овладеет собою и не станет мужем. Но надежды я на это не имею. Слишком уж мало в нем рыцарственности... Конечно, я продолжаю любить его и восхищаться им и, из-за этих чувств к нему, буду симулировать, сколько смогу, бесследно исчезнувшее у меня

чувство уважения, без проявления которого нельзя сообща работать...» (РГБ. Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52 б.)

Морозова отвечала Метнеру в недатированном письме: «Очень глубоко огорчена всем, что Вы пишете о Бореньке. Как мне тяжело это все за Вас. Я совершенно то же пережила по отношенью к Скрябину. Также заботилась о нем, все делала, также с любовью оберегала его талант. Одно я думаю, что Боренька умнее и глубже и до полного оскуденья душевного дойти не может, потому я уверена, что все останется по-старому, пока Вы сами этого будете желать. Я глубоко уверена, что для него это спасительно, даже единственное спасенье остаться с Вами, т<ак> к<ак> ведь ни на кого другого ему нельзя положиться, хотя он по своей бессознательности этого не понимает. Иначе он будет обречен на газетную болтовню «*тактика*», будет меняться с быстротой синематографа, и получится полное растление! Вы видите, мой друг, как велика опасность этого, и Вы, конечно, хотите, любя его и веря в его гениальность, по возможности удержать его. Будьте же мудры, милый мой и дорогой Эмилий Карлович, держите твердо знамя Мусагета, с одной стороны, с другой – сделайте все как старший и мудрый, чтобы удержать этого младенца, для его же спасенья. Мы с Вами очень хорошо все это видим и понимаем, и не может душа не болеть, но именно оттого, что видим, оттого должны всё терпеть и прощать. Конечно, *необходимо* многое Бореньке выяснить, но то, что он в силах понять. Нельзя забыть, что у него изломанная душа, в ней не живет цельных, чистых глубоких чувств – это надо признать раз навсегда и из этого исходить. Помните, Вы сказали, что я только теперь начинаю чувствовать, что такое декаденты в душе. Так вот – это самое и есть! Я получила письмо от Бореньки, он ничего не пишет, только о своем приезде, но упоминает, что одно полученное им письмо выбило его из колеи. Все, что мы с Вами будем сообщать друг другу – останется между нами конечно, мы будем до некоторой степени в заговоре. Т<ак> ч<то> будьте покойны, что я лишнего ничего не скажу Вашего, и Вы меня тоже не выдавайте. Но я буду соблюдать с Борис<ом> Ник<олаевичем> тактику, т<ак> к<ак>, по-моему, с ним надо немножко извиваться. Буду стараться смягчить многое, но все это только тактически, т<ак> к<ак> в душе я очень мрачно смотрю и очень испугана» (РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 44).

105

Конец июля – начало августа 1911 г. Боголюбы

Милая, милая Маргарита Кирилловна,
пользуясь Вашим приглашением, мы с Асей рассчитываем к Вам приехать. 8-го мне нужно быть в Москве. С 8 до 12<-го> у меня есть дела с Э. К. Метнером (и мусагетские, и личные); далее, придется отыскивать себе помещение[1]. Думаю, что от 12 до 16-го мы приедем к Вам, если только мы Вас не стесним. Милая, черкните открытку в *Мусагет* (адреса своего не могу дать, ибо не знаю, где остановимся), что Вы ничего не имеете против этих чисел; вероятнее мы приедем 15-го августа к Вам.

Тороплюсь окончить письмо, ибо едут в город[2].

Надеюсь, что до скорого свидания.

Остаюсь искренно любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Привет от Аси.

---

[1] По приезде в Москву 8 августа Белый и А. Тургенева остановились в меблированных комнатах Троицкой на Тверском бульваре (в семейной квартире – Арбат, Никольский пер., д. 21 – Белый не считал возможным жить из-за ссоры с матерью, происшедшей в мае 1911 г.).

[2] Т. е.: в Луцк, где находилось ближайшее к Боголюбам почтовое отделение.

106

6 августа 1911 г. Боголюбы

1911 года. 6-го августа.

Милая Маргарита Кирилловна!

Спасибо за Ваше хорошее письмо и за приглашение[1]. Мы с Асей будем у Вас, вероятно (если что изменится, телеграфирую), 15-го, 16-го числа. Не могу точно сказать, что именно 15-го мы будем; есть ряд дел: 1) квартирных, 2) мусагетских, 3) с мамой, 4) с Э<милием> К<арловичем>. С Эми-

лием Карловичем я не ссорился: я покипел, посердился, но *ведь* 8 месяцев меня точно выбросили из *Мусагета*. Я ни во что не посвящен. И я не знал, как мне понимать некоторую... халатность конторы Редакции, некоторую *все-таки* невнимательность Э. К. Метнера, как случайности, или как принципиальное отношение ко мне Редакции. Но бесконечно меня изумило то, как Э<милий> К<арлович> принял мое письмо: он, по-моему, просто осыпал меня градом желчных и личных оскорблений[2], и я не знаю, как мы с ним встретимся. Я не обижаюсь, если письма его ко мне *истерика*; но если он за них стоит, то... я не могу мириться с тем, чтобы по поводу чисто принципиальной (не личной) моей ругани, он ответил мне едва ли не личными оскорблениями.

Но все сделаю, чтобы все у нас обошлось мирно[3].

Милая, милая, спасибо Вам за хорошие слова об Асе: Ася мое светлое утешение; с ней мне все легко и безболезненно.

Милая, как хочу я с Вами говорить – долго, долго, горячо, горячо: хочу рассказывать Вам всякое о себе, о нас с Асей, о будущем, о... России... о Земле... о... вселенной!.. Как хорошо, что мы вместе поживем.

Хочу чуть-чуть и... поругаться – можно?

Милая Маргарита Кирилловна, простите за спешность и подчерк. Сейчас укладываемся. Через несколько часов едем в Москву.

Остаюсь искренне любящий и неизменно преданный

Борис Бугаев.

P.S. Ася просит меня Вам передать сердечный привет.

---

[1] Имеется в виду письмо, приведенное в примеч. 7 к п. 104.

[2] См. примеч. 4 к п. 102, примеч. 2 к п. 104.

[3] О встрече с Белым в Москве Метнер информировал Морозову в письме от 10 августа 1911 г.: «...приехал Борис Николаевич и виделся со мною. У него такой вид, будто ничего особенного между нами не произошло и будто во всяком случае обиженный – *он*, а не *я*. Разговаривали мы с ним без текста, т. е. не имея в руках наших писем; он путал и путался неимоверно и наполовину забыл, что́ сам писал. Я решил махнуть на него рукой и ничего не взыскивать с него. Как человек – он невменяем. Я устроил грандиозное

заседание из всех почти мусагетцев (Бугаев, Эллис, Петровский, Сизов, Киселев, Кожебаткин, Ахрамович, Сергей Соловьев) и предложил Бугаеву высказаться *конкретно* о Мусагете. Оказалось, что гора родила мышь и "потенциальная энергия невыспрошенного члена", пройдя чрез "острие", разрядилась в проектах таких проектов, проспекты и тактические соображения которых давно десятки раз обсуждались и не осуществлялись по вине самих же "невыспрошенных членов". Это заседание показало наглядно всем членам Мусагета (выразившим мне еще до приезда Бугаева свою солидарность со мною и свое осуждение поведения Бугаева), что ровно никаких оснований у Бугаева не было к полемике со мною и что вся его война велась ни из чего, т<ак> к<ак> и идей-то у него за восемь месяцев не прибавилось никаких; прямо возмутительно, что он зря мучил себя и меня; конечно, возможно, что он во время переписки с Блоком полагал о проектировании в Петербурге журнала, который расстроился, но оставим все догадки, простим ему и покроем все любовью к нему. Я его достаточно "высек" своими письмами; он их не скоро забудет и на будущее время станет осторожнее – – –» (РГБ.Ф. 171. Карт. 1. Ед. хр. 52б).

107

16 августа 1911 г. Москва

Милая, милая Маргарита Кирилловна,

по приезде в Москву получил Ваше письмо[1]. Известить письмом не было времени. Телеграмму же с Вашим адресом у нас не приняли. Дело в том, что ранее 15-го никоим образом мы не могли приехать. Ведь нам некуда деваться в Москве. Мы должны были во что бы то ни стало найти себе помещение под Москвой или в Москве. А теперь ведь квартирный кризис. Каждый упущенный день – бедствие. И вот всю неделю мы искали и в Москве, и под Москвой[2]. Ничего подходящего. Или дорого нам, или чёрт знает что. Под носом у нас перебивали квартиры. Быть у Вас до 15-го значит остаться на зиму без помещения. Поэтому мы решили уже после Вашего возвращения из Петербурга приехать к Вам, т. е. 19-го. Итак 19-го с поездом в час мы едем[3]. Только сегодня, 16-го начинает выясняться, где мы можем основаться, да и то еще не

вполне установилось. Вот почему мы связаны приездом. От нас же зависит отчасти и то, где и как будет жить Наташа[4]. Бездна помимо «*Мусагета*» чисто хозяйственных забот. Если бы мы приехали к Вам 12-го, то у нас с 8-го до 12<-го> всего четыре дня. Вы сами понимаете, что в четыре дня невозможно изъездить и Москву, и подмосковные окрестности. До 19-го же мы решаем, где будем жить[5].

Ужасно стремлюсь к Вам. Прежде всего Вас видеть и говорить. Во-вторых: думаю у Вас поработать (кончаю книгу)[6].

Еще раз спасибо за приглашение.

На днях увидимся.

Остаюсь искренне любящий и преданный Вам

Борис Бугаев.

P.S. От Аси сердечный привет.

---

[1] В этом (по всей вероятности, несохранившемся) письме, отправленном, видимо, по адресу издательства «Мусагет», Морозова извещала Белого о своей непредвиденной поездке в Петербург на несколько дней в середине августа.

[2] В записи, характеризующей пребывание в Москве в августе 1911 г., Белый указывает: «Метание повсюду за розыском помещения» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 54 об.).

[3] Ср. запись Белого о сентябре 1911 г. (о поездке в Михайловское): «Месяц открывается гощением у Морозовой; проводим у нее в Калужской губернии 2 недели» (*Материал к биографии*. Л. 60 об.).

[4] Н. А. Тургенева (в замужестве Поццо), старшая сестра А. Тургеневой. Об августе 1911 г. Белый вспоминает: «Живем в меблированн<ых> комнатах; ищем квартиру Наташе и дачу под Москвой себе. Наконец, кое-как, это все налаживается; квартира – найдена: 6-ой Ростовский пер.; дача – тоже: Расторгуево» (*Материал к биографии*. Л. 60 об.).

[5] Во второй половине сентября 1911 г. Белый и А. Тургенева поселились на даче А. Н. Депре в Видном, под Москвой (станция Расторгуево Павелецкой железной дороги).

[6] Речь идет об окончании «Путевых заметок» (в первоначальной редакции). См. примеч. 1 к п. 100. Работа была завершена в сентябре 1911 г.

108

15 марта 1912 г. Москва

Милая, милая Маргарита Кирилловна!

Не судьба нам увидеться; у нас альтернатива: или ехать завтра утром, или прождать 2 недели: все билеты заняты. Зашел проститься[1]. Христос с Вами. Спасибо Вам за все, все, все. Оставайтесь здоровы и счастливы. Из Брюсселя пишу подробно о себе, нас, о моих *темах* для монографии[2].

Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев[3].

---

[1] Написано в доме Морозовой в ее отсутствие. Белый и А. Тургенева выехали из Москвы в Брюссель 16/29 марта 1912 г.

[2] Перед отъездом за границу Белый получил от Морозовой денежный аванс под обещанную для издательства «Путь» книгу о Фете. См.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 103–105; Голлербах Евгений. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 129–131.

[3] Определенно, в тот же день Морозова ответила Белому следующим письмом:

Дорогой, милый Борис Николаевич,

От всего сердца желаю Вам всего светлого, радостного. Будьте здоровы, бодры, счастливы, мой милый и хороший друг! Буду молиться за Вас. Дай Бог, чтобы Ваша работа шла хорошо! Не забывайте меня, пишите о себе, хотя изредка и кратко. Поцелуйте Асю от меня и пожелайте ей тоже всего самого лучшего. Утром заехать не могу, будет доктор у сына, а днем Вы уже будете собираться.

Ну до свиданья, милый, дорогой.

Любящая Вас *М. Морозова*.

109
3/16 апреля 1912 г. Брюссель[1].

Брюссель. 3 апреля. 12 года.

Милая, милая Маргарита Кирилловна!

Вот уже 12 дней, как мы в Брюсселе[2].Но пока что еще города я не знаю. Три дня отыскивали себе помещение, а потом оба свалились в жесточайших гриппах; и вот уже 9 дней больны.

Вчера только на четверть часа вышли в первый раз.

Милая, милая, еще раз Вам спасибо. Теперь зреет рабочее настроение. Ася принимается на днях за работу; а я принимаюсь за роман[3]. Одно хорошо тут: тишина, благость.

Брюссель, как город, мне очень нравится, а от Данса, Асиного учителя, я прихожу в совершенный восторг: это какой-то патриарх, седобородый, добрый и одновременно строгий с учениками. По правде сказать, мне думается, что он – ископаемый человек и что в Европе теперь таких людей уже нет.

Живем мы на соборной площади перед великолепным готическим собором S-te Gudule[4].

Комнаты у нас тихие, милые: ужасно рад, что уехали из Москвы.

Милая Маргарита Кирилловна, как жаль, что мы не простились с Вами: но надо было стремительно ехать или оставаться еще Бог знает сколько.

Милая, родная моя: пишите от времени до времени мне; так будет радостно от Вас получать письма.

Я как-то тверд: и *верю, **верю**, **в е р ю****: хочется улыбаться, работать, и будущее горит каким-то спокойным светом.

Все-таки как на человека угнетающим образом действует сумятица: стоило нам с Асей себя из этой сумятицы выключить, как уже налаживается спокойная радость и крепость. Сейчас в Брюсселе переменчивая погода: то снег, дождь, ветер, а то сияет солнышко, как сегодня, например: и

---

* *Первое из повторяющихся слов подчеркнуто одной, второе – двумя, третье – тремя чертами.*

тогда сердцу весело; и покупаешь себе несколько желтеньких цветочков, потому что цвет их – солнца цвет.

Радость Вы моя!

Остаюсь крепко любящий

Борис Бугаев.

P.S. Ася Вам посылает привет.

---

[1] На конверте почтовые штемпели: Bruxelles. 16.IV.1912; Москва. 7.4.12.

[2] Белый и А. Тургенева прибыли в Брюссель 20 марта / 2 апреля.

[3] В Брюсселе А. Тургенева брала у Мишеля Огюста Данса уроки гравировального искусства, Белый работал над 4-й главой романа «Петербург».

[4] Собор Сен-Мишель- э-Гюдюль (св. Михаила и св. Гудулы) на площади св. Гудулы – древнейший архитектурный памятник Брюсселя (около 1000 г. – капелла св. Михаила, в начале XIII в. перестроен в готическом стиле, фасад окончен в XV в.).

110

17/30 мая 1912 г. Брюссель[1]

Родная, близкая, милая Маргарита Кирилловна,
ради Бога простите мою медлительность. Я уже полторы недели как собираюсь Вам писать, но сначала напишу, что с нами произошло, чтобы Вы поняли, какой ураган света и тяжестей ворвался в мирную нашу жизнь в Брюсселе.

Вдруг у нас начался ряд снов, знамений и каких-то незабываемых минут. Как будто какая-то светлая рука указывала дорогу. Часто по вечерам было и такое:

«Лишь забудешься днем, иль проснешься в полночи,
Кто-то здесь – мы вдвоем,
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем».

В. Соловьев[2].

Мы почувствовали что-то необычное, чрезвычайное, и всё не могли понять, как же нам реагировать на знаки света. Между прочим, в одну и ту же ночь, в тот же час во сне

нам с Асей явился Штейнер: тотчас же после этого сна все и началось.

И пока мы с Асей недоумевали, что все, с нами происходящее, означает, – мы получаем письмо, что Штейнер в Кёльне, т. е. в двух шагах от нас. И вот мы поехали в Кёльн[3].

Маргарита Кирилловна, Вы, вероятно, слышите многое за и против Штейнера. Умоляю Вас, не составляйте себе мнения, не увидев его, не прослышав хоть бы 2-х интимных лекций его, не поговорив с ним.

Многих я видел, но только один человек вызывает неподдельное преклонение, как учитель, которого слова *менее* дел. То, что он говорит, меньше его самого, а говорит он *так*, что хочется кричать от восторга. Я предложил Штейнеру ряд вопросов; он мне их сразу же разрешил.

В итоге: мы едем в июле в Мюнхен *учиться* у Штейнера, ибо *это* не теория, а действительная школа: ведь он *действительно* даже исцеляет недуги, а не только философствует, ибо прошел громадный путь внутренней работы, без которой все есть нуль.

Милая, дорогая: спасибо за лестные предложения «*Пути*». Как только кончу роман[4], примусь за обе книжечки. Надеюсь к сентябрю их представить «*Пути*»[5].

Милая, пишите. Сейчас весь в предотъездных хлопотах[6]. Ася приветствует. Христос с Вами.

Любящий *Борис Бугаев*

P.S. Адрес. France. Bois-le-Roi. Seine et Marne. Chez M. Pierre d'Alheim. Мне.

---

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Bruxelles. 30.V.1912. Почтовый штемпель получения: Москва. 20.5.12.

[2] Первая строфа стихотворения (1898); см.: Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 133 («Библиотека поэта». Большая серия). Ее же Белый цитирует в письме к А. Блоку от 1/14 мая 1912 г. (*Белый – Блок*. С. 454–456), давая более развернутое описание тех же переживаний. Ср. описание «странных явлений» в Брюсселе: «Мы замолчали и слушали звук тишины, точно сладостный колокол, нас призывающий; мне припомнилось стихотворение Владимира Соловьева:

Лишь забудешься сном, иль проснешься к полночи:
Кто-то здесь. Мы вдвоем.

Относительно нас лучше было бы сказать: "Кто-то здесь. Мы – втроем"» (Андрей Белый. Из воспоминаний. 1. Бельгия // Беседа. 1923. № 2. С. 88).

[3] Белый и А. Тургенева встречались с Р. Штейнером в Кёльне 6 и 7 мая (н. ст.); подробное описание этого – в письме Белого к Блоку от 1/14 мая 1912 г. (*Белый – Блок*. С. 457–461).

[4] Имеется в виду роман «Петербург»; работу над ним Белый завершил только в ноябре 1913 г.

[5] См. примеч. 2 к п. 108. Белый откликается на письмо Морозовой, относящееся к апрелю или первой половине мая 1912 г. (хранится среди писем Г. А. Рачинского к Белому: РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед. хр. 2. Л. 11–11 об.; в конце текста – приписка Рачинского) и написанное в ответ на п. 109:

Милый и дорогой Борис Николаевич! Спасибо за Ваше письмо. Радуюсь за Вас и за Асю, что Вам хорошо и Вы работаете. Хочу поговорить с Вами о деле, т<ак> к<ак> Вы сами говорили, что летом Вам было бы удобно поработать для Пути. По обсуждении дела мы остановились на следующих двух, из предложенных Вами, работах: 1) Мы хотели бы издать маленькой, хорошенькой книжкой Ваше исследование о чувстве природы у Пушкина, Баратынского и Тютчева; размер текста желателен листа в 4 печатных по 40 тысяч букв (всего около 160 тысяч букв). В книжке это составило бы 80 маленьких страничек. Гонорар составит по 80 рубл<ей> за лист – 320 рубл<ей>. 2) Затем мы хотели бы, чтобы Вы написали нам небольшую статью о Фете, листа в 2 печатных, по 40 тысяч букв. Ее мы думаем издать отдельной брошюрой. Содержанием ее, как Вы сами предлагали, будет философия Фета, вообще его миросозерцание. За него придется 160 рубл<ей> (т. е. 2 листа по 80 р.). Мы ограничиваемся пока этими двумя заказами, т<ак> к<ак> в дальнейшем мы собираемся использовать Вас для наших сборников и других работ, о которых потом с Вами переговорим. Вы не смущайтесь, дорогой Борис Николаевич, что таким образом Вы останетесь должным нам 500 рубл<ей>; но ***нам*** выгоднее и удобнее растянуть работу и сохранить за Вами этот долг на будущее, т<ак> к<ак> по соображеньям нашего бюджета мы не можем вдвинуть в этот год большего числа книг. Кажется, я Вам все ясно написала. Если что непонятно, то, пожалуйста, спросите. Напишите о себе. Надеюсь, что летом Вы с Асей приедете, в августе или в сентябре. Пока я в Москве до 1-го июня. В деревне я пробуду до конца сентября, т<ак> ч<то> очень хорошо бы, если бы приехали в конце лета. Привет Асе.

Любящая Вас *М. Морозова*.

[6] В начале июня (н. ст.) Белый и А. Тургенева выехали из Брюсселя во Францию, около 4 июня прибыли в Буа-ле-Руа (под Парижем, вблизи Фонтенбло), в дом П. И. д'Альгейма и М. А. Олениной-д'Альгейм, тетки А. Тургеневой.

111

Середина августа (ст. ст.)/Конец августа (н. ст.) 1912 г. Мюнхен[1]

Дорогая, близкая Маргарита Кирилловна!

Пишу Вам это длинное послание, и если б Вы только знали, с каким сложным мучительным чувством; пишу Вам с радостью, потому что всегда радостно мне было Вам в былые годы говорить о трудном, что случалось в моей жизни; и потому быть искренним с Вами – привык; но пишу также с мукой: ибо то, о чем хочу говорить с Вами, мне крайне не радостно, а тяжело, горько: много раз взвешивал я, имею ли я право к Вам обращаться с тем, что будет содержанием моего письма; и всякий раз вставало: и да, и нет. Вот, когда скажу, напишу Вам, будет у меня впечатление, что я чем-то виноват; а стану анализировать себя, в чем моя вина, – ясно увижу, что не виноват, что наоборот: виновата русская жизнь, что мне приходится писать Вам такие письма, что русское общество предо мной в долгу и т. д. Но долг русского общества такой не реальный; ибо само общество есть совокупность тысяч и тысяч индивидуумов, меня не знающих, как и я не знаю их; и реально потребовать долга у русского общества я не могу: и от этого реально страдаю я, индивидуальность, живой человек, хотя бы потому, что, пишучи Вам, испытываю *морально* пренеприятное ощущение, будто я теряю собственное достоинство: а не напиши я Вам этого письма, доставляющего мне моральные страдания, я буду скоро с женой испытывать страдания моральные иного порядка: разбивается жизнь, нервы, смысл бытия и т. д. И к ним присоединятся страдания чисто физические. Итак, стою перед альтернативой: либо идти на то, чтоб меня морально оскорбляли немцы, первые встречные, либо на то, что Вы, получивши это письмо, изменили свое мнение обо мне. Ино-

го выхода мне нет. И войдя в эту безвыходность, учтя свое положение, я начинаю роптать: почему я *должен* непременно испытывать моральное чувство униженности? Разве я не работаю, разве в работе моей не я преследую личные цели, разве в теперешнем нашем бесповоротном решении с Асей учиться у Штейнера лежит что-либо грубо эгоистическое, а не строгое сознание быть в будущем полезным людям? И вот все-таки: морально я должен быть скомпрометирован или пережить тягостное ощущение при написании Вам этого письма. И вот я вспоминаю участь писателей, которых впоследствии добром поминало русское общество и которые проходили жизнь с тем же сознанием мучительности, что работа их, цели служения их современным им обществом игнорируются: *тогда я вижу отчетливо*: не я, как писатель, виноват перед обществом, что пишу отдельным членам русского общества подобные письма, не отдельные члены общества виноваты, что по получению подобных писем они испытывают чувство тягостное, а виновато *только* все русское общество пред отдельною единицей, каковою являюсь я. Но *я* личность, состоящая из плоти и крови, нуждающаяся в том, чтобы есть, пить, спать, покупать одежду и т. д., а виноватое предо мной общество есть совокупность людей, т. е. отвлеченное число. Но отвлеченные числа не страдают, морально не мучаются; и я, справедливо требующий у общества, чтобы работа моя признавалась полезней работы, например, банковского кассира, обеспеченного, – я, это требующий, требую у отвлеченной величины: отвлеченные величины мертвы; с них нельзя взять; а я, вынужденный вследствие мертвенности общества обращаться к друзьям, есмь живая единица, и крайне чутко отношусь ко всему, что относится к чувству собственного достоинства. И вот, дорогая Маргарита Кирилловна, помня, что Вы мой друг, с которым мне всегда было легко говорить, я и решаюсь к Вам обратиться с прямою просьбой или с советом, как быть; взяв с Вас слово (и слышу: это слово Вы мне даете) ответить мне с величайшею искренностью и не сердиться, я Вам скажу, в чем моя или прямая просьба, или дружеский совет, как быть. Причем заклинаю Вас всей силой души мне говорить, что отклонение Вами моей просьбы нисколько меня не обидит,

ибо обижаться на Вас не имею я никакого морального права, если Вы мне скажете: «*Нет*». Лишь под этим условием я и могу писать Вам без чувства уверенности, что мое обращение к Вам Вы воспримете как нечто досадное, скучное и еще вдобавок меня компрометирующее.

Дело вот в чем: итоги последних двух лет показали мне ясно, что мы все, стремящиеся ко благу, исполнены самых лучших намерений, но реальной силы выполнить работу, провести ее сквозь все детали жизни, этой силы у нас нет: в частности, это безволие, этот ряд кризисов сознания о *путях* к Истине особенно сказался в *Мусагете*: каждый ушел в себя, каждый усумнился в правильности работы; и потому в сумме наше содружество «*Мусагет*» в данный период времени есть *хаос*; из этого *хаоса* можно выйти лишь самовоспитанием, укреплением воли, самым реальным ученичеством: нам, пишущим, ставящим *вехи* и *грани* путей, положительно стало необходимым *твердо знать*, что есть путь, и *твердо мочь* идти по пути. В *Последнем* мы все, кажется, уверены: *Последнее* у всех нас – одно: Христос. А вот дело Христово, каково оно теперь в XX веке, что нужно реально знать, реально чувствовать, реально мочь, чтобы быть не только вдохновенным Истиною, но и *мудрым кормчим*, этого мы не знаем. А времена исполняются: надвигается бессрочное.

Учиться нам всем надо: учиться, а где учитель? Учителем мог быть Вл. Соловьев? Его нет с нами: он – помощник Невидимый, и мы ли, малые, слабые, можем быть уверены, что слово его помощи из невидимого мира разбираем мы? Кроме ушедшего от нас Соловьева учиться в России не у кого. У писателей русских современности нет реального чувства правды: есть смутное предчувствие; и все, предлагаемое как путь, есть оформливание в схемах лишь смутного предчувствия: и потому даже в ясных, как день, словах о *Пути* мне слышится движенье на ощупь: слепой может предчувствовать, что в комнату кто-то вошел, выражать это свое предчувствие в ясных логических схемах: но слепой не может сказать наверное, кто рядом с ним, пока не прозреет. *У совр<еменных> русских писателей есть движенье к правде, но движенье инстинктивное.* У пи-

сателей русских учиться пути нельзя: они – советники, а не учителя; и тем менее они могут быть учителями мне, писателю, по самому существу своему изнутри знающему, что́ есть совр<еменный> писатель, как он мал и слаб, что́ есть современность, как она важна и как она не терпит ныне движения на ощупь.

Если у совр<еменных> русских писателей нельзя получить *Пути* в подлинно реальном смысле этого слова, остается идти к *старцам*. Верю, что русское старчество *реально* для себя и для следующих путем монашества и отречения от жизни, но не могу уйти от жизни, не хочу перебраться по спасительному мостику, перекинутому через ров жизни, когда в этом рву барахтается все человечество. Хочу остаться *в человечестве*, чтоб ему служить. *Путь старчества* есть путь через мостик монастырской жизни; этот путь закрыт для нас; *этим* старцы не могут быть *реальными учителями* в жизни: они о Вечности; но мало быть о Вечности; надо уметь слышать шум Вечного в современном: только слыша часы времени, можно работать, пресуществляя современность.

Итак, быть без Учителя? Но быть без учителя многим из нас уже нельзя. Уезжая за границу, я знал, что нам с Асей пришло время искать реального пути: пути работы над собою, чтобы не только чувствовать и знать, что нужно, но и ***мочь*** воплощать нужное. Из всех людей, к кому я мог обратиться так, как мог бы обратиться к старцу, был Штейнер; но я не знал, что такое Штейнер[2]. Мы с Асей, уезжая, уже решили на возвратном пути побывать у него.

Но внутренние события нашей жизни, почти чудесные знамения, с нами бывшие, ускорили нашу поездку к Штейнеру; ускорили эту поездку и невероятные недоразумения с друзьями, основанные на химерах[3]; эти недоразумения столь явно подчеркнули мне нашу всеобщую беспомощность *твердо работать* (а не только чувствовать или знать), так разбили нашу жизнь в Брюсселе, что с чувством отчаяния, обиды и только со смутной надеждой мы бросились в Кёльн[4].

Не стану далее распространяться. В Штейнере мы встретили то, что искали, то, что искал я всю жизнь: это человек безмерного духовного опыта, воин Христов, и вместе

с тем этот воин Христов остается в горниле жизни. Судьба наша решена. Мы находимся в непосредственном соприкосновении с Штейнером. Работаем под его руководством: мы его ученики. Стать учеником необходимо для правильной работы над собой. В чем заключается эта работа, я не могу подробно распространяться, но она ведет именно к тому, что искал я всю жизнь и чего не находил ни в монашеском пути, ни в умственных разглагольствованиях: это нечто столь серьезное, что требует личного отречения и постоянного присутствия при Учителе при первых шагах: представьте себе человеческий организм как здание, приходящее в упадок и требующее ремонта; прежде чем стать на путь ученичества, требуется радикальный ремонт самого здания личности; только после этого ремонта человек начинает крепнуть и становиться на свои ноги (мы все в Москве не стоим на своих ногах: Метнер, Рачинский, Бердяев, я, и все почти не ходят: *их носит*; если бы все мы стали на ноги, мы разбились бы). И вот мы теперь с Асей в состоянии ремонта. Уехать сейчас от доктора значит на всю жизнь быть развалиной: нас и не пустят, да и мы не поедем. Не могу Вам в письме сказать, *почему именно* нельзя уехать, но верьте моему слову: попасть сейчас в Москву для нас, как и для всех учеников, на первых шагах своего *пути* оторванных от Учителя, значит: через несколько месяцев попасть в сумасшедший дом. Минимум год еще мы не можем оторваться от доктора; это не прихоть, не эгоистическая потребность: воистину это вопрос жизни и смерти. И мы твердо решили, что лучше умрем с голоду на улицах Берлина, чем вернемся в Москву.

Дорогой, горячолюбимый друг, позвольте же мне обратиться к Вам сперва, как к другу: надеюсь, что частности этого письма об ученичестве, о работе над собою, о физической и психической невозможности уехать останутся между нами (Метнеру, Рачинскому это можно сказать; другим – не надо). Но вот что из всего этого вытекает: тут-то начинается моя просьба, тут начинаются слова, которые я пишу Вам со стоном (верьте, до чего это все тяжело мне писать), но не напишу, не выскажу Вам эти унизительные частности, с бóльшим стоном это придется высказаться другим, не друзьям, первому встречному, ибо иначе: нам остается буквально голодать.

У меня к Вам, дорогой, бесценный друг, реальнейшая просьба: просьба занять у Вас *лично* на 4 месяца (максимум на пять) денег[5]. Дело вот в чем: недоразумения с Москвой, когда мы жили в Брюсселе, так расшибли меня, что месяца полтора я работать не мог; потом работал отчаянно для издателя романа; здесь, теперь, уже месяц писать немыслимо: работа над немецким языком, приготовление к мистериям, курс лекций доктора, личная работа доктору и т. д. – все это лишило возможности меня окончить роман; только через месяц его окончу[6]; только к декабрю он выйдет из печати, но в декабре я получаю за него 1100 рублей[7]: далее: В. К. Кампиони поехал на Кавказ закладывать мое имение[8], на закладку надо 4 месяца, т. е. ранее декабря я не буду иметь возможности уплатить «*Мусагету*» долг (3000); по уплате долга, я могу у «*Мусагета*» просить аванса под «*Путевые Заметки*»[9] и те книги, которые предлагаю. Но сейчас в «Мусагете» денег нет. В декабре месяце у меня деньги будут 1) с имения, 2) за роман, 3) «*Мусагет*» мне поможет. Сейчас же ни денег, ни помощи «*Мусагета*», и не у кого занять. При этом уехать – погибнуть (это я говорю серьезно). И четыре месяца (сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь) буквально придется умирать с голоду. Вот, дорогой друг, пишу со стоном и опять-таки повторяю: я тут не виноват; я не знаю, кто виноват; но я живу не для себя, я и у Штейнера для того, чтоб научиться полезно работать для общей нам России. Я не виноват, что у меня нет денег и что, если я не обращусь за помощью к друзьям, нас уже через 3 недели будут гнать с квартир и т<ак> далее. Примите эту просьбу дружески; и если не можете мне помочь, напишите или телеграфируйте тотчас же; я, даю честное слово, не обижусь, ибо знаю, что бывает полная невозможность помочь при всем желании. Тогда буду стараться искать других источников; тогда, ради Бога, дайте совет, что делать. Милая, родная, друг, войдите в мое положение!

На четыре месяца я у Вас прошу ***лично*** (не у «*Пути*») 1100 рублей или единовременно, или в две порции, или в четыре; когда же выйдет мой роман, тогда сумму в 1100 рублей Вам вернет мой издатель, Некрасов; а на деньги, вырученные от залога имения, уплачу «*Мусагету*» (думается мне, останется излишек); во всяком случае «*Мусагет*» под

книги будет далее мне в состоянии помочь. Милая, дорогая: сейчас через 3 недели мне не на что жить, неоткуда занять, а надо: 1) из Базеля ехать в Берлин и там устраиваться, 2) жить в Берлине, 3) отправить Наташу, сестру Аси, в Москву (ее мы выписали на наши средства к доктору, ибо ей так тяжело было и надо было, чтобы доктор лично ей помог). Поймите, не сердитесь, ответьте прямо; войдите в наше критическое положение: медитации, работа над собой первые месяцы расстраивает (это – тяжелая психическая операция) и лишь потом укрепляет; а вот мы, сейчас хрупкие, как фарфор, требующие, чтобы нас обложили ватой, живем с чувством, что, может быть, придется просить чуть ли не милостыню у чужих людей; и как это потрясает, нарушает правильный ход внутрен<ней> работы, Вы и представить не можете. И потому, дорогой друг, если у Вас есть хоть какая-нибудь возможность помочь (я даю слово, что прошу лишь сумму = гонорару романа, окончание коего непредвиденно отсрочилось; и стало быть, смогу заплатить долг этою суммою), помогите. Не сердитесь. Простите. Прошу у Вас помощи только как друга; помощи или совета, за то и другое буду безмерно благодарен.

Работы для «*Пути*» представлю позднею осенью[10]: примусь за них тотчас по окончании романа; верьте: работать здесь легче; а если бы вернулись в Москву, то 1) нравственно мы без доктора бы погибли, 2) работать я бы не мог бы, 3) появление двух бесполезных развалин в Москве никому не принесло бы ни пользы, ни радости и т. д.

Ну, родная, близкая. Скорее же напишите мне заказным письмом или телеграммой по следующему адресу. Basel (Bâle). Schweiz (Suisse). Poste restante[11].

Напишу скоро о докторе. Извините, что пишу так обрывочно: с утра до ночи заняты. Каждый день лекция доктора[12], производящая впечатление громового удара, после которого часами сидишь потрясенный, измученный. Милая, друг мой, сестра моя, не сердитесь: ответьте.

Остаюсь горячо любящий и преданный

Борис Бугаев.

P.S. Ася сердечно Вам кланяется[13].

[1] Белый и А. Тургенева обосновались в Мюнхене в начале июля (н. ст.) 1912 г.

[2] Ср. мемуарное свидетельство Белого (изложение обстоятельств, предшествовавших кёльнской встрече с Штейнером): «...сказал Асе: – “Вот если бы были в России, нашел бы я путь к совету; здесь – и спросить-то ведь не у кого совета: ни у кого нет духовного опыта, нужного нам”. (Знал: в России, в Зосимовой Пустыни – *старец* есть; и есть – в Оптиной Пустыни). Ася меня перебила: – “Скажи, – веришь честности доктора Штейнера ты?” Я ответил: – “Да, верю: я несогласен с учением Штейнера; личность же Штейнера для меня – вне сомнения”. – “А веришь ли, что у него опыт есть?” – “Безусловно”» (Андрей Белый. Из воспоминаний. 1. Бельгия // Беседа. 1923. № 2. С. 99–100).

[3] Ср.: «Кроме того: из Москвы приходили известия, выводившие из терпения нас; снова Метнер почто-то привязывался очень странными, точно нарочно выдумываемыми нападками и придирками; в этом жесте сказалася определенная злоба на нас и досада, что вот из Москвы ускользнули, в опеке “*культурного*” Метнера не нуждаяся вовсе; пытался, как мог, передать москвичам о поездке в Германию и о встрече со Штейнером; но в ответ на попытки какую-то правду свою передать, – раздавалось глухое, враждебное и недоверчивое молчание; лишь от Метнера притекали все более и более истерические послания на двадцати и более крупных листах; в них мне вменялося, будто я предал “*Мусагет*”; и с насмешкой указывалось: от меня-де, автора “*Символизма*”, теперь надо зорко оберегать символизм, ибо я теософ. Это все – мне казалося: несправедливым и мелким; <...> в ту именно пору особенно чувствовал я символистом себя; в идеологии – ничто не менялось; нападки (и *ахи*, и *охи* о том, что погиб-де) напоминали мне мелкие пересуды московских, стареющих кумушек с замкнутым кругозором, составивших себе некогда шарж на духовное знание; в кругу прежних друзей начиналося издевательство над конкретнейшими и святейшими устремлениями моими» (Андрей Белый. Из воспоминаний. 2. Переходное время // Беседа. 1923. № 2. С. 112–113).

[4] См. п. 110, примеч. 3.

[5] Ср. запись Белого о сентябре 1912 г.: «Базель <...> забота, откуда достать денег; переписка с Москвой» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 58 об.). В воспоминаниях о Белом Морозова пишет: «Все время пребывания Бориса Николаевича за границей у него шла переписка с Мусагетом, очень нервная и раздраженная. Очень грустно, конечно, что в Мусагете, у Метнера было немного денег, и он не мог, не сводя счетов с Белым, прислать ему более крупный аванс, в счет будущего. Борис Николаевич писал мне, что решил заложить

свое именье, но, к сожалению, все это делалось очень медленно и он, бедный, всегда очень нуждался, был постоянно без денег. В нашем издательстве "Путь" мы ему постоянно заказывали статьи и посылали немного денег вперед в счет этих статей. Но это были очень небольшие суммы, не больше тысячи рублей, которые, конечно, разрешить этого вопроса не могли. Кроме того, Борис Николаевич особенно щепетильно и с особой деликатностью относился к нашему издательству, зная, что я лично его поддерживаю материально, и потому особенно не хотел, ввиду наших с ним отношений, пользоваться помощью "Пути"» (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С. 540–541).

[6] См. примеч. 4 к п. 110.

[7] Речь идет о предполагавшемся тогда печатании романа «Петербург» в издательстве К. Ф. Некрасова. См.: Долгополов Л. К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Петербург. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 558–560, 565 (Серия «Литературные памятники»).

[8] Речь идет об отцовском наследстве Белого – кавказском участке земли вблизи Адлера; попытки заложить или продать его результатов не принесли. Подробнее см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада. Подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб., 1998. С. 37, 39.

[9] Книгу «Путевые заметки» (с рисунками А. Тургеневой) Белый представил для опубликования в «Мусагет»; издание не состоялось.

[10] См. примеч. 2 к п. 108, примеч. 5 к п. 110.

[11] Белый и А. Тургенева выехали в Базель из Мюнхена 21 августа / 3 сентября 1912 г. (см. письмо Белого к матери, отправленное в этот день: Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 126. Публ. Джона Малмстада).

[12] С 25 по 31 августа 1912 г. Р. Штейнер прочел в Мюнхене цикл из 8 лекций «Об инициации. О вечности и мгновении. О духовном свете и жизненной тьме». В записях об августе 1912 г. Белый указал «курсовые лекции Штейнера» «Вечность и мгновение» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 58 об.).

[13] Морозова ответила следующим письмом, отправленным из Москвы 26 августа / 7 сентября 1912 г. (датировка почтового штемпеля; почтовый штемпель получения: Basel. 13.IX.12):

Дорогой и милый Борис Николаевич,

Уезжала на неделю и проездом через Москву нашла Ваше письмо, которое меня ждало здесь. Спешу ответить! Дорогой друг,

будьте ради Бога спокойны и уверены в моей любви и дружбе к Вам! Милый, дорогой, сделаю все, как Вы пишете. Мне удобнее посылать по 300 р. – 1-го сентября, 1-го октября и 1-го ноября и 200 р. 1-го декабря. Так и будет! Завтра (27-го) высылаю 300 р., т<ак> к<ак> сегодня воскресенье. Это не от Пути, а от меня лично; будьте уверены, что никому я сообщать не буду, это наше с Вами дело. Отнеситесь к этому покойно, когда будут деньги – отдадите. Дорогой мой, я понимаю, что Вам тяжело все это, но что же делать, это временно, Бог даст. Только бы ко благу Вам было все то, чему Вы отдались, а все остальное приложится! Дай Бог, чтобы встреча со Штейнером и вся эта связанная с ним внутренняя работа и борьба, к которой он призывает, дала Вам все то, что ищет Ваша светлая душа! Неужели так долго мы не увидимся? Буду надеяться, что через год Вы вернетесь к нам светлый, сильный и воинственный! Не забывайте любящих Вас друзей! Меня не забывайте, дорогой друг, я Вас всегда люблю и благодарю за все светлое, которым Вы поддержали мою душу! Сердечный привет Асе. Напишите подробнее о Вашей жизни и обо всем вообще! Будьте покойны, работайте! Будет, будет хорошо! До свиданья.

Любящая Вас *М. Морозова.*

Еду в Михайловское. До 20-го сентября адрес мой: Почт<овая> ст<анция> Оболенское Калужской губ<ернии>.

112

Около 28 августа / 10 сентября 1912 г. Базель

Дорогая, близкая, глубоколюбимая
Маргарита Кирилловна,

Извиняюсь тысячу раз за беспокойство и за первое мое письмо[1], ибо, прежде чем написать его, я несколько дней действительно мучился.

Тут ряд сложнейшей путаницы; все время я жил надеждою на то, что к октябрю месяцу уже будет напечатан мой роман (ибо времени было достаточно) и что к октябрю я получаю 1) 1100 рублей за роман, 2) гонорар за мои «*Путевые Заметки*», которые к этому времени должны были выйти. Но поздней весною я получил известие, что «*Мусагет*» откладывает печатание[2]. С романом же я запоздал; и вот почему. Тотчас после нашего отъезда Э. К. Метнер, точ-

но в насмешку над моим желанием убежать из Москвы для работы, прислал письмо мне, которое я рассматривал просто как личное оскорбление[3]. Продажа романа моего издателю Некрасову рассматривалась как измена, хотя за 3 месяца до того Э<милий> К<арлович> дал мне *carte blanche* на роман. И связан я словом был с проектом «Петербургского Вестника» и В. Ивановым, а не с «*Мусагетом*»[4]. Продажа романа моего состоялась уже *после того*, как «*Пет<ербургский> Вестник*» провалился, а я уже из-за него отклонил 3 выгодных предложения: а когда отклонил, то узнал, что роман мой «*Мусагетом*» отложен в долгий ящик (как и «*Путев<ые> Заметки*»). Все основания были в то время у меня, чтобы думать, что «*Мусагет*» поставил меня в очень трудное положение (невольно, конечно). И мне осталось одно: скорей устраивать роман (после инцидента с «*Русс<кой> Мыслью*»[5] у меня просто мания преследования, боязнь, что все обстоятельства сложатся так, что опять я *пролетаю* с романом).

Тем не менее, Э<милий> К<арлович> в столь отвратительной форме написал о романе, подобрал все сплетни и гнусности, которые говорили по поводу романа, и облил меня ушатом помой.

Теперь я вижу, что он просто *нервно был болен* (наше впечатление с Асей), иначе я прервал бы с ним знакомство, ибо письма, которыми он меня угощал в продолжение 1½ месяца, меня привели просто в умоисступление, да и не меня одного (все, кому я показывал эти письма, ничего не понимали). Словом: Э. К. Метнер единственная причина, что я 1½ месяца жил в такой психической атмосфере обиды, что *писать не мог.* И вот эти-то 1½ месяца явились теперь роковыми. Роман опоздал на 1½ месяца, и по многим причинам он откладывается вследствие этого и еще.

Так попал я на осень в затруднительное положение. Но в июле я думал, что все же гонорар за «*Путевые Заметки*» выручит нас. И вот: в августе приезжают в Мюнхен москвичи[6] и сообщают впервые поразившие меня факты: денег у «*Мусагета*» нет, а «*Пут<евые> Заметки*» откладываются до 1913 года, что при методе печатания наших книг (у нас печатают годами) для меня значило: «*Путев<ые> Заметки*» выйдут, дай Бог, в 1914 году... Встревоженный, я хочу по-

дробно все выяснить у Э<милия> К<арловича>. Мне говорят: адрес его неизвестен. Я еще жду. Телеграфирую в Москву. Получаю ответ: адрес неизвестен; и мое объяснительное письмо лежит в Москве без движения. Так в полторы недели рухнули у меня все планы матерьяльно устроиться, а уехать от Доктора невозможно еще ряд месяцев.

Совершенно испуганный, зная, что надо отправить Наташу[7] в Москву, что денег хватит лишь на 2½ (максимум на 3 недели), что Э<милий> К<арлович> может держать меня в положении полной неизвестности неопределенное время, я и решил в этом крайнем случае писать. Конечно, денег у нас хватило бы еще месяца на 2, но: мы выписали в Мюнхен Наташу. Наташа такая огромная душа, и ей было так трудно: зная, что только Доктор может ей дать то, что нужно, мы скорее выписали ее (тогда мы еще не знали, в какое попадем положение); и это нас *круто* подвело.

Милая, напишите, сердитесь ли на меня за мое обращение к Вам. Со страхом жду Вашего письма. И горячо Вас благодарю за помощь (телеграмму сейчас получил).

Теперь должен объясниться: извиняюсь за телеграмму[8]. Мы здесь в Базеле 6 дней в полной тревоге. Была возможность занять денег, но время мы упустили, а телеграммами не объяснишь. А наши малые ресурсы свелись к окончательному нулю, ибо 1) в Мюнхене дал одному русскому на возвратный путь (ему не на что было ехать) 100 марок с просьбой немедленно выслать в Базель. 2) А. М. Поццо обещал выслать из Москвы за Наташин проезд. Но: 100 марок еще не получили. А с посылкой А<лександра> М<ихайловича> напутала почта, и мы еще оказались без 200 марок, так что жили мы в Базеле так: 200 марок не получили. От Вас ответа нет, от Метнера – нет, и стало быть, полная неизвестность: денег же осталось только на то, чтоб заплатить по счету, а потом неделю жить в долг в гостинице; через неделю же вместо лекций Доктора оставалось либо то, что нас вышлют этапным порядком в Россию, или посадят в тюрьму (швейцарских законов я не знаю)... Каждый день ходил на *poste restante**. И вдруг простуда (у Аси и меня). Помня прецедент

* Почта до востребования (*фр.*).

с Брюсселем, как мы оба, едва приехав в комнату, свалились в жару и даже не могли никого известить, ни пойти на почту, ни разменять денег, я совсем пришел в ужас (не за себя, конечно, – за Асю)... И телеграфировал Вам.

Милая, еще раз простите.

Дорогая, милая Маргарита Кирилловна, теперь хочу сказать Вам о Штейнере. Не случайно попали мы к нему. Он единственный ныне во всем мире, к кому я могу обратиться со словом: «Учитель», ибо только в нем *мой путь*, оставаясь моим, углубляется в нечто сверхличное и мировое. Милая, если Вы помните меня, если Вы знаете «*мое*», если верите, что от Христа я не могу отречься, что Он – для меня «*Путь и утверждение Истины*»[9], то Вы поверите, что розенкрейцерский путь, проповедуемый Штейнером, есть воистину путь чистого христианства. Не верьте заподозриванию Штейнера: все эти подозрения коренятся в том, что 1) Штейнер в печатных книгах своих не упоминает вслух имя Христово (он не говорит вовне, но работает изнутри *во Имя*: и работа его – 55 чисто христианских лож и ряд лож во Франции, Голландии, Швейцарии, Швеции, Норвегии и т. д., в которых все *штейнеристы*, т. е. *христиане* с реальным практическим путем, с реальною религиозною миссией). 2) Заподозривания Штейнера коренятся в том, что он *теософ*. Когда говорят «*теософия*», разумеют Блавадскую, необуддизм и т. д. Но Штейнер *теософ* потому, что он толкует *теософию* не в смысле партийного движения в кавычках, а в прямом смысле – в смысле «*Божеств<енной> Мудрости*». А более детально определяет свое понимание в розенкрейцерском смысле. Что же есть розенкрейцерство? Kreuz – *крест*: и этим достаточно сказано; кто *крест* называет своим знаменем, тот не может быть не-христианином.

К кресту + присоединяется *Rosa*, т. е. *Lumen Coeli Sancta Rosa*[10]. Т. е. то, о чем Вл. Соловьев писал:

«Подруга Вечная, Тебя не назову я,
Но Ты пойми мой трепетный напев»[11].

Rosa есть мир и просветленная земля до Афродиты Небесной, т. е. Святое Человечество, Св. Плоть, Церковь. Символ Розы – полнота, совершенство, т. е. круг: О; итак,

символ Розенкрейцерства или роз. И этот знак носят на себе все «*теософы*», идущие за Штейнером.

Теперь: почему Штейнер «*теософ*», когда *Теос<офическое> О<бщест>во*, как известно, проповедует синтез всех религий? На этот вопрос легко ответить. Близко вглядываясь в жизнь Запада, видишь, что Запад весь распался на два лагеря, на материалистов и неоматериалистов (кантианцев, геккелианцев, эмпириокритицистов и т. д.) и на *католиков*. Только *те* и *другие* – сила. Но сила всяческого католичества в *иезуитизме*. С иезуитами не только политическая, денежная и quasi-моральная сила, но и сила оккультическая (у иезуитов ряд оккультных школ); в оккультизме же определенно два способа действовать, опираясь на скрытые в человеке психические силы; путем воспитания в себе способностей *астральных*, *грубо* и *тонко*-чувственных: сила действия, основанная на этих способностях, и есть собственно магия; и другой источник: оккультное воспитание чисто духовных способностей (не душевных только); второй способ сложнее, тернистее, мучительней, длительней, но только он приводит в итоге к действию; это и есть *белая магия*, противоположная *черной* магии восточных оккультистов и серой, т. е. смешанной магии, развиваемой в иезуитском ордене, т. е. в католичестве (ибо за спиной оф<ициального> католичества прячутся иезуиты).

Нечего бояться этого жупела «*оккультизм*»: «оккультный» – значит *тайный* – вот и всё! Что события мировой истории подготовляются *тайными* силами (черными и белыми), это мы знаем; что Европа, а с ней и мы бессознательно превращаемся черными силами в марионеток, – это мы все узнали хотя бы потому, что все «*светлые*» начинания у нас неизбежно срываются, а все «*темные*» процветают. Что нам готовят духовную Цусиму[12], это мы знаем. И потому-то выступление Штейнера, светлого и величайшего окк<ультиста> XIX столетия, на общ<ественную> деятельность вызвано тем, что пришла *крайняя пора*.

Штейнер выступил из братства 8–10 лет тому назад. И присоединился ради тактики к *Теос<офическому> О<бщест>ву*. Почему именно к Теос<офическому> О<б-

щест>ву? Это опять-таки понятно. Индивидуально идти в то время было нельзя. С материалистами и иезуитами тоже. С «*теософами*» в то время было можно идти, ибо сперва *Теос<офическое> О<бщест>во* стало проповедовать так вообще интерес к мистике востока, и туда стеклось все, недовольное оф<ициальным> католичеством и материализмом. Штейнер вошел в О<бщест>во, когда оно уже имело до 300 отделений, т. е. громадную аудиторию, и расколол все *О<бщест>во* на два враждующих стана. Теперь нет теософов *так вообще*. Есть штейнеристы, т. е. христиане с розенкр<ейцерским> оттенком, и безантисты, т. е. буддисты. Лишь последние года *восточная теософия* перешла от нейтральной позиции либо в антихристианство, либо в фальсиф<икацию> христианства; и Штейнер гениально ½ членов Общества, т. е. многие тысячи, вырвал из буддизма. Если б 8 лет назад он не вошел в Теос<офическое> О<бщест>во, эти многие тысячи впали бы в беспросветный буддизм.

Теперь же, на съезде немецких теософов в Мюнхене, все время раздавались протесты против *буддизма* и *восточной опасности*. Штейнер и Безант (лидер буддизма в Европе) не могут вместе работать; либо Штейнер в течение этого года вырвет знамя движения у Безант и вся громадная организация Теос<офического> О<бщест>ва станет чисто христианским обществом, либо Штейнер уйдет, а с ним уйдут тысячи. *Теософ<ического> О<бщест>ва* в сущности нет: центр восточных теософов не в *Теос<офическом> О<бщест>ве*, а в ложе *Восточная Звезда*, устроенной на случай, если из *Теос<офического> О<бщест>ва* принуждены будут уйти буддисты[13]; и обратно: только что возникло *Антропософическое О<бщест>во* Штейнера, куда записываются тысячи теософов, чтобы в случае ухода Штейнера из *О<бщест>ва* выход был организован.

Когда у нас говорят о *теософии*, то говорят, абсолютно не зная действительного положения вещей.

У Штейнера есть основания (и верьте – серьезные) не читать и не печатать того, что составляет основу его христианской доктрины: эта доктрина изложена в 15 печатных курсах лекций, циркулирующих в тысячах экземплярах на

правах рукописи. Там рассказаны столь эзотерические вещи, что нужна гарантия и личное доверие к человеку, чтобы дать ему возможность прикоснуться к этой доктрине: скольким бы из нас следовало поступать так. Энергия Штейнера неутомима: 8 лет непрерывно разъезжает он по Европе из города в город и везде лично читает, лично учит, лично организует кружки; и за ним следует поезд его учеников. Последний курс в Мюнхене «*О посвящении*»[14] – я до сих пор не могу опомниться, такая глубина и сила звучала в нем, а теперь на днях начнется более интимный курс в Базеле «*Ев<ангелие> от Марка*»[15]; и ученики его говорят, что мюнхенский курс игрушка сравнительно с глубиной предстоящего.

Человек за последние 3 года прочел два громадных курса о «*Евангелии от Иоанна*», огромный курс «*Апокалипсис*», курс «*Еванг<елие> от Матфея*», курс «*Еванг<елие> от Луки*»...[16]

Только что 6 месяцев тому назад в Карльсруэ он прочел курс о Христе[17], а теперь читает «*Еванг<елие> от Марка*», а Николай Александр<ович> Бердяев мне пишет такую наивность: «Почему в "*Пути к посв<ящению>*" нет ничего о Христе?»[18] Почему же Ник<олай> Алекс<андрович> не удосужится лично побывать у Штейнера? Про Штейнера так много говорят в Москве, что следует точнее знать о том, что такое сейчас происходит в Германии. У Штейнера есть свои веские и серьезные причины *пока* в книгах не писать на такие темы, на какие у нас в России в качестве *отсебятины* выпускаются фонтаны книг. О причинах этих в письме неуместно распространяться.

Кроме громадного общественного значения деятельности Штейнера в 55 немецких ложах и во многих заграничных более всего к нему притягивает *личное учительство*. Штейнер прежде всего *учитель* в том смысле, в каком может быть учителем у нас, в России, старец, например, а не только писатель, составитель рефератов и т. д. И учительство его *действительное* и *реальное*. Он *учитель* такой, какие бывают раз в столетие; что старчество возможно, знаю я по опыту былого общения с еписк<опом> Антонием[19]. Но что такое по духовному опыту еп<ископ> Антоний сравнительно с Штейнером? Карлик!...

Я, дорогая Маргарита Кирилловна, несмотря на мою сравнительную нестарость, слишком все же стар и сериозен, чтобы пробавляться суррогатами духовной пищи вроде наших московских или петербургских всё тех же словопрений и словоизлияний логосовских, мусагетских, свободноэстетических, новопутейских, даже – путейских[20]. Все это – слова и слова: а мне нужно подумать о том, как созреть для работы. Пришло время для серьезного. Книги читать, конечно, хорошая вещь (я сам пишу книги и подчас замысловатые); и учиться мне в России воистину не у кого. Книги всех друзей и знакомых – но содержание оных знакомо за 6 месяцев до выхода книги. А учиться я хочу, ибо вполне сознаю наше всеобщее незнание *основ жизни и духовного пути*. Учился бы у схимника: но схимник запер бы меня в монастырь. А вне монастыря у нас нет: ни голоса Церкви, ни голоса Учителя, говорящего для мира, в миру, к миру. И потому в этом миру я предпочитаю быть на поверхности декадентом-эстетом, нежели книжным работником и публицистом того, что не *книга* и не публицистика.

Кроме Вл. Соловьева христианская общественность не явила нам, необщественникам-эстетам, ни одного реального Учителя, а только романописателя Мережковского, публициста Бердяева и др. Они всё только реферируют и реферируют. А у референтов референту нечему научиться. Мы, декаденты, или гибнем, как гибнет Блок, или путаемся в смешениях, как Иванов, или безумствуем, как Эллис, или бросаемся странствовать, взыскуя о Граде, как Александр Добролюбов[21]; но мы ищем, всё еще ищем: ищем реального Хлеба Жизни. И когда видим этот хлеб, то бросаем все и идем за ним. Неудивительно, что совершенно реальный путь ученья, который встречает у Штейнера каждый серьезно приходящий к нему, как я или Эллис, а не декадентски прискакивающий и ускакивающий (как М. В. Сабашникова – прости Господи: не люблю ее; она своими россказнями отпугнула от Доктора Э<милия> К<арловича>) – притянул меня навеки; ибо серьезно желающий быть *учеником* временно умирает для всех, для всего и следует за Учителем. Милая, дорогая, не сердитесь на этот азартный тон; но он ответ на, конечно, осуждения меня и толки: «что, мол, погиб я, бедняжка: погиб навсегда».

Если Вы думаете, что я погиб, милая, мое единственное желание, чтобы все любимые мной друзья ехали к Доктору, чтоб погибнуть, как я, ибо: «горчичное зерно не прорастет, аще не умрет»[22].

Милая, Христос с Вами! И желаю Вам однажды моей погибели.

Остаюсь глубоколюбящий Вас

Борис Бугаев.

От Аси сердечный привет. Катерине Ивановне[23] наш сердечный привет.

---

[1] Имеется в виду п. 111.

[2] См. примеч. 1 к п. 100.

[3] Текст этого письма нам неизвестен.

[4] «Петербургский Вестник» – одно из предполагавшихся заглавий для несостоявшегося журнала, который собирались организовать Вяч. Иванов и Е. В. Аничков при содействии Э. К. Метнера – в частности, для публикации в нем «Петербурга» (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 223). Подробнее о восприятии «Петербурга» петербургскими литераторами и о попытках Вяч. Иванова, Блока и других друзей Белого найти издателя для его романа см.: *Между двух революций.* С. 437–440; Долгополов Л. К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Петербург. СПб., 2004. С. 554–560.

[5] В 1911 г. Белый писал свой роман по предварительной договоренности о его публикации в «Русской Мысли», однако редактор журнала П. Б. Струве, ознакомившись в январе 1912 г. с представленными начальными главами, отказался их печатать. См.: Там же. С. 547–548, 554–556; Гапоненков А. А. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов, 2004. С. 43–47.

[6] Ср. запись Белого о пребывании в Мюнхене в августе 1912 г.: «... приезд Волошиной, Христофоровой, Григоровых, Петровского, Сизова, Ник. Петр. Киселева, Викентьева (с женой)...» (*Ракурс к Дневнику.* Л. 58).

[7] Н. А. Тургенева (Поццо).

[8] Телеграммы Морозовой и Белого (определенно, затрагивавшие вопрос о денежной субсидии) не сохранились.

[9] Ср.: «Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1 Тим. III, 15).

[10] «Свет Небес Святая Роза» (*лат.*). Белому принадлежит стихотворение (1901) под тем же названием (Андрей Белый. Золото в лазури. М.: Скорпион, 1904. С. 258), повторяющим строку из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), являющуюся, по-видимому, авторским текстом, – обращение к деве Марии.

[11] Неточно цитируется первая строфа поэмы Вл. Соловьева «Три свидания» (1898). См.: Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 125 («Библиотека поэта». Большая серия).

[12] Ср. прорицание в гл. 2 «Петербурга» (главка «Бегство»): «...будет, будет – Цусима!» (Андрей Белый. Петербург. С. 99). В ходе морского сражения 14–15 мая 1905 г. во время Русско-японской войны у островов Цусимы в Корейском проливе русская эскадра потерпела полное поражение.

[13] В 1911 г. А. Безант (председатель Международного Теософского общества с 1907 г.) основала внутри Теософского общества «Орден Восточной Звезды», чтобы пропагандировать свое новое «открытие» – молодого индуса Джидду Кришнамурти (1895–1986), в котором она видела воплощение («аватар») Христа. Штейнер, глава немецкого отделения Теософского общества, категорически отвергал это «богохульство» и вообще «буддийский уклон» Безант. Их идеологические несогласия с неизбежностью привели к расколу Общества в начале 1913 г.

[14] См. примеч. 12 к п. 111.

[15] Этот курс из 10 лекций Штейнер прочитал в Базеле с 15 по 24 сентября (н. ст.) 1912 г.

[16] Перечисляются курсы лекций Штейнера: «Евангелие от Иоанна» (18–31 мая 1908 г., Гамбург; 12 лекций), «Теософия в связи с Апокалипсисом» (18–30 июня 1908 г., Нюрнберг; 12 лекций), «Евангелие от Матфея» (1–12 сентября 1910 г., Берн; 11 лекций), «Евангелие от Луки» (15–26 сентября 1909 г., Базель; 10 лекций).

[17] Штейнер прочитал курс из одиннадцати лекций «От Иисуса ко Христу» в Карлсруэ 4–14 октября 1911 г.

[18] См. письмо от 8 июня (в публикации ошибочно датировано 8 мая) 1912 г., в котором Бердяев замечает: «Оккультизм Штейнера считается христианообразным, формой христианского гностицизма. Почему же в "Пути к Посвящению", который есть путь к спасению, нет Спасителя, нет Христа?» (Н. А. Бердяев об Антропософии. Два письма <1912> Андрею Белому // Новый журнал. 1979. Кн. 137. С. 119). «Путь к Посвящению, или Как достигнуть познания высших миров» (1904–1905) – книга Р. Штейнера (русский перевод – 1911).

[19] См. примеч. 1 к п. 76.

[20] Подразумеваются: журнал «Логос», издательство «Мусагет», «Общество Свободной Эстетики» (1906–1917), журнал «Новый Путь» (1903–1904), издательство «Путь» (1910–1919).

[21] Поэт-декадент А. М. Добролюбов в 1898 г. оставил литературу и университет, стал странником и религиозным проповедником. Для Л. Н. Толстого уход Добролюбова в народ был наглядным способом решения разлада между проповедью и образом существования (см. его запись в дневнике от 20 июля 1907 г.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 47. С. 282–283). Иванов – имеется в виду Вяч. Иванов.

[22] Ср.: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. XII, 24).

[23] Неустановленное лицо.

113

7/20 сентября 1912 г. Базель[1]

Базель. Сентябрь.

Дорогая, глубоколюбимая и близкая мне
Маргарита Кирилловна,

позвольте мне Вас безмерно благодарить за ту громадную дружескую услугу, которую Вы мне оказали. Вы не можете себе представить, что Вы сделали для меня, как меня выручает Ваша отзывчивость, как я буду помнить это всю жизнь.

Роковой вопрос для нас с Асей благодаря Вашему содействию разрешен. Мы спокойно теперь слушаем курс доктора Штейнера[2].

И что это за курс!

Если бы Вы, я, кто другой (для этого надо быть только искушенным в лекциях) выслушал случайно одну только лекцию, он был бы потрясен до глубины всех основ; он вспоминал бы слышанное как нечто самое яркое, что было с ним в жизни: ибо каждая лекция огненней, дерзновенней, мудрее суммы всех лекций, на которые попадаешь. Ни Мережковский, ни Иванов, никто из наших, московских, не-

сравним, не дает даже десятой доли того, что светом вырывается у Штейнера. Услышь я где-либо, когда-либо любую из ныне читаемых лекций, я вспоминал бы лекцию эту всю свою жизнь. А подумайте: мы *в потоке* таких лекций; мы слушаем их каждый день; каждый день мы приходим ослепленные, оглушенные. 3 недели назад мы слушали мюнхенский курс[3]. Содержание курса: что требуется от человека, приближающегося к посвящению. Курс этот нас раздавил: доктор гремел, взывал и вопил такими *вещами*, что мы, аудитория, как мелкие камешки были стерты буквально в порошок под ударами его молота: гигант, подбрасывающий стопудовые гири, с мизинца бросал в нас десятипудовыми гирями; гири эти падали на нас. Хотелось вопить: «*Оставьте, оставьте! Я только человек и едва поднимаю 3 пуда: под десятипудовою гирею раздавливаюсь я*». Тяжестью ответственности раздавил мюнхенский курс.

А базельский – совершенно иной тональности: легко, пестро, изящно проносится все время развернутый полет истории. Встает образ Гектора и Гамлета; Эмпедокла и доктора Фауста; потрясающе жив Сократ. Гениально по-новому освещаются Рафаэль, Шеллинг, Фихте и Гегель. Издали поднимается образ Будды; еще далее колоссальнейший Кришну; но вся та перекличка веков, тысячелетий, культур – только фон, на котором с величайшим драматизмом, с потрясающей красотою (не говоря уже о чудовищном мистическом озарении) вылепляются фигуры Иоанна Крестителя и Христа; наконец, в ярком свете встает сам автор евангелия, евангелист Марк (заглавие курса «Евангелие от Марка»).

Нет, одно повергает меня в негодование. Я понимаю: можно в Докторе видеть опасность, бороться с ним религиозно и т. д. Это все я понимаю. Я не понимаю одного: как можно *эту красоту* назвать скучными речами пастора, как называет Э. К. Метнер. Так сказать – значит быть слепым и глухим. Так сказать – значит выказать совершенное безвкусие в понимании красоты (я беру лишь пока эстетический критерий); более того: так сказать значит вырыть бездну между нами. Ибо тут примиренья быть не может – так сказать: оскорбить во мне художника. Или я идиот, или я во всей жизни моей не проявил ни одного жеста вкуса, чудовищно

ненаблюдателен, туп, как художник – бездарность, необразован, в жизни моей не видал ничего замечательного, что, как мальчишка, услышав доктора Штейнера, [воскликнул: «Ничего] я в жизни прекрасней не слыхивал» (я беру только ***пока*** эстетически); или я все это, или... Эмилий Карлович Метнер, увидевши и услышавши Штейнера, проявил жест толстокожего носорога: прободал рогом своей нечуткости нежную фреску Джиотто. Все я прощу Э. К. Метнеру из великой любви к нему. Не прощу одного: я думал, что он с тонким вкусом, а он был на лекции Штейнера – ничего не увидел, ничего не услышал. Значит, все, о чем мы говорили эти 10 лет, в чем согласились, в чем условились, – одно сплошное недоразумение и мы <говорили> о совсем, совсем разных вещах.

Ибо для меня Штейнер безмерное углубленье полусознательных моих грез, меня самого. Ибо то, за что он полюбил косноязычное лепетанье моих стихов и симфоний, – то же, все то же, только в 1000 раз сильнее гремит, вопит, рыдает в Штейнере, заливается смехом и слезами, тихо грустит и снова, и снова: разражается громом.

За что меня любил Эмилий Карлович, не знаю, ибо то, что он во мне любил, – это вот (только в миллион раз сильнее) *осуществилось*. Осуществленье – Штейнер. Если он над Штейнером глумится, то для меня это значит: он не глумился над *моим* только потому, что *мое* говорило намеками, и он в *мое* вложил свой, мне чуждый, мне далекий смысл.

Вспоминая слова о Докторе Э<милия> К<арловича>, я почти плачу: нет, ему я не напишу всего этого. Я не хочу его огорчить...

Или в Эмилия Карловича вселился черт?

Правда: за последние 5 лет Штейнер все развертывается в лекциях; каждый следующий курс *ослепительней* отдается в сердцах. И доселе на публичных фортрагах[4] для *идиотов* Штейнер прикидывается рационалистом и педагогом; ***но***: из того, что он углубляет свои темы для нас, еще не значит, что он развивается сам. Ибо 8 лет тому назад, при начале своей деятельности в малой кучке своих учеников говорил он *громадное*; идиоты-ученики ничего не понимали; и он стал уж позднее применяться к пониманию (а то *и он бы* прослыл «*декадентом*»). Только так могло создаться

то обманчивое впечатление, что он *пастор*, что лекции его скучны и банальны и т. д.

Но как проницательному критику и человеку со вкусом не *увидеть* все это сквозь quasi-банальную простоту штейнеровских слов – с этим я не могу примириться; с этим я не хочу примириться!

Ну вот видите, милая Маргарита Кирилловна, я хотел только Вас горячо поблагодарить, а отвлекся и раскричался. А все оттого, что люблю Э. К. Метнера. И не могу ему простить его отношенье к Штейнеру...

Еще раз горячее, горячее спасибо за помощь. Деньги я получил. Милая, если действительно Вы мне можете помочь до декабря, то громадное, невыразимое спасибо. Адрес мой первого октября будет, вероятно: Берлин. Poste restante. Если случится неожиданность, и мы *еще* не попадем в Берлин, телеграфирую Вам. Но во всяком случае скоро пишу.

Остаюсь глубоко любящий и преданный

Борис Бугаев.

P.S. От Аси сердечный привет.

---

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте: Basel. 20.IX.12. Почтовый штемпель получения: Оболенское. Калуж. губ. 11.IX.1912. Написано по получении письма, приведенного в примеч. 13 к п. 111.

[2] Речь идет о курсе лекций «Евангелие от Марка» (см. примеч. 15 к п. 112).

[3] См. примеч. 12 к п. 111.

[4] Der Vortrag (*нем.*) – доклад, лекция.

114

19 сентября / 2 октября 1912 г. Фицнау[1]

Дорогая, близкая, глубоколюбимая
Маргарита Кирилловна,

пишу Вам под впечатлением базельского курса Доктора[2]. Во-первых, как нас всех измучил этот курс! Подумайте: две

недели громовых, головокружительных лекций, извне, эстетически, гениально построенных, гениально произнесенных; нечего прибавлять, что внутреннее содержание для нас <с> Асей, конечно, доминировало в лекциях, ибо твердо я знаю, что сейчас во всем мире *единственно* от Штейнера можно услышать то, что слышишь. Я удивляюсь чисто внешней структуре этих лекций, ибо как ни поразил меня мюнхенский курс красотой построения, все же я не думал, чтобы в Докторе сидел такой огромный художник: не употребляя столь осмеянных слов, как *теософ*, *оккультист*, я скажу только: может быть, в произведениях Ницше встретишь отрывки столь же большого напряжения, смелости образов и сочетания слов, как слышанная нами на протяжении двух недель речь Доктора.

Когда Э. К. Метнер Вам будет Штейнера ругать, то вспомните одно: хотя Э. К. Метнер и ценитель искусства, *но он не художник*: только этим объясняю я его заявление мне: что Доктор ему абсолютно не симпатичен. Последняя лекция курса «*Евангелие от Марка*» была уж не лекцией; зал буквально просиял от *ауры* Доктора; все сидели, как очарованные; когда Доктор ушел с кафедры, то около *600* человек продолжали сидеть; никто не двинулся, никто не нарушил *странной тишины* и какого-то Невидимого Присутствия в зале. Это вышло естественно: молитвенным молчанием можно было ответить на то, что только что перед тем совершалось.

Потом вдруг, как по команде, встали, задвигали стульями, загудели.

Некогда В. С. Соловьев писал о *теургии*[3]; писал о *теургии* и я в 1904 году[4]; писал и Н. А. Бердяев[5]. Но всё то слова, слова, слова. Есть отблеск какого-то теургического действия в «*Трех разговорах*», в стихотворениях В. С. Соловьева. Это уж не слова... И сплошное теургическое делание – интимные курсы Доктора; меняется атмосфера зала, приходишь домой: меняется душа. И главное: все о том же, о том Доктор, о чем писал В. Соловьев в последние годы жизни:

«Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается, но ни – здесь, ни – там»[6].

И ничего не совершается, когда мы, грешные, пишем о том, что *«надо, чтобы совершалось»*. *Теургия* – вот что близко мне в Докторе: а как там *это* называется у немцев, это мне все равно: *«теософия»*, *«оккультизм»* – обо всем этом можно написать умную книгу, согласиться или не согласиться с историей *теософии* или историей *оккультизма*. Только все эти согласия или несогласия с теоретическим положением того или иного исторического течения не касаются Доктора, ибо он – для меня явление, еще небывалое в истории; и он о нашем, заветном, о Христе. А как он в историческом моменте соединяется с теософией или отталкивается от теософии, это все проблема тактики и чисто внешней ориентировки. Кто-то мне писал: «Можно ли сравнивать Якова Беме с Доктором!»[7] И я согласился: «Конечно, нельзя: Доктор бесконечно нужнее, *важнее Якова Беме*». Он открывает и учит о мистериях, он *реально* учит, *реально* дает возможность себя проверить (в чем я *уже* убедился). У Доктора есть ряд учеников, которые ему сдают уроки, которых он реально направляет; к числу многих учеников теперь присоединились и мы с Асей. И оттого-то вот нам нельзя надолго отлучаться от Доктора, ибо и я, и она находимся под личным его руководством. Уехать, едва встав на путь обучения, *очень, очень, очень* опасно и физически, и этически. Доктор предупреждает: «Хотите у меня работать?» – «Да»... – «Предупреждаю, что работа трудна и отступление от предписаний может быть гибельным... Выполнение же точно уроков только укрепляет здоровье».

Такое происходит между Доктором и вступающим на путь ученичества, после чего на первых шагах (год, два) надо быть всегда недалеко от Доктора, ибо могут наступить такие моменты, когда *внезапно* понадобится помощь Учителя; в начале ок<культного> пути у всех бывают неизбежные *детские болезни* пути (своего рода скарлатины, кори и т. д.); в присутствии Доктора течение их – пустяки; без Доктора могут быть очень сериозные последствия. Далее: Доктор на первых порах требует строгого отчета в работе; и отказывается вести ученика, если он *нужное время* не может при нем быть.

Излагаю все это Вам, дорогая Маргарита Кирилловна (все это между нами), для того, что не праздный эпикуреизм, не самоуслаждение оставляет нас при докторе, а необходимость *суровая, строгая*: чувство ответственности и желание вернуться в Россию *воином*, а не так себе; ибо всё вне реальной работы, вне реального приближения к скрытым от нас мирам – *так себе*. Вы спросите: для чего же приближаться? Для чего такое самоуглубление, для чего, наконец, ок<культная> работа над собою, в себе?.. Я скажу на это одно: без *знания* (реального знания) своей оккультной анатомии и физиологии непонятна анатомия и физиология окружающей нас действительности; наша общественная деятельность, наше стремление работать на благо страны эфемерны, раз мы реально не знаем анатомии себя самого; не теоретическому гнозису учит теософия розенкрейцерства, а гнозису практическому, строя его на *фактах*, лишь оформливая их. Только *факты* эти требуют, чтобы открылись в физических глазах другие глаза; а чтоб открылись глаза, нужна операция раскрытия: это и есть работа у Доктора → ряд операций *открытия* себя самого: Вы, допустим, такая: , а физически Вы себя видите такой: ;

Вы физическая вписаны в другую ; надо себя узнать во всем объеме хотя бы для того, чтобы узнать во всем объеме каждого, Вас окружающего; а это опять-таки надо для настоящей работы с людьми, в мире: ибо силы, определяющие течение событий, с которыми мы считаемся, истекают из сфер, нам неизвестных; и работая над тем, что доступно лишь физическому зрению, мы в смешном положении; работа наша зачастую → работа тщетная. Все это прекрасно понимает *русское старчество*; но *старцы* – это люди, часто инстинктивно лишь, чутьем чующие *реальность* и целесообразность молитвенной медитации; и потом: старцы и их присные покидают мир реальной работы. Штейнер для меня – это тот, кто сознательно проработал себя для того,

чтобы не бесплодна была его работа на пользу грядущего; штейнерьянство это своего рода старчество, но: остающееся в миру, для ми́ра и сознательно знающее, что грядущее требует, чтобы в близком будущем реально подняли знамя Христово, ибо приближаются великие времена, о них же писал Соловьев: «*Знайте же, Вечная Женственность ныне в теле нетленном на землю идет*»[8]. И далее: «*Змей поднимает последние свои силы*».

Мало одной веры, одного исповедания: нужно реально поднять Знамя; мало носить на себе Крест, нужно, чтобы *Крест Христов* был в Тебе возжен, чтобы он пресуществлял самую кровь Твою.

Работа, на которую указывает Доктор, есть начало великого пресуществления той части человечества, которая в будущем должна будет стать как рать, когда «*Змий Древний*» поднимет свои последние силы[9].

Милая, не самолюбивое чувство, не вера в себя или в свое будущее, а смиренное сознание своих слабостей, нашей общей беспомощности в реальном и т. д. удержало меня при Докторе. А обзор последних четырех лет в Москве, т. е. все неврастеническое безобразие, вся *канитель*, которую поднимают лучшие из нас, едва касаясь *дела*, – этот обзор показал мне, что ждать нечего: надо сызнова всему разучиться и всему научиться.

До сих пор жили в Базеле. Доктор уехал на 3 недели отдыхать пред Берлином[10]. В Берлине у нас свидание. Эти 3 недели выждем в деревушке на Фирвальдштетском озере, где наш адрес приблизительно до 10 русского октября[11]. Здесь тихо, нет туристов (все разъехались); только горы да вода. *Итак, точный наш адрес теперь таков*:

Schweiz. Vitznau (Vierwaldstättersee). Poste restante. Herrn Boris Bugaïeff.

Остаюсь глубоко преданный Вам, глубоко любящий, глубоко благодарный. Ася приветствует Вас.

Борис Бугаев.

---

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте: Vitznau. 2.X.12. Почтовый штемпель получения: Москва. 22.9.12. В Фицнау (городок на Фирвальдштетском озере, Швейцария) Белый и А. Тургенева жили с 1 до 26 октября (н. ст.) 1912 г.

[2] Курс лекций Р. Штейнера «Евангелие от Марка» (см. п. 113, примеч. 15 к п. 112).

[3] В «Философских началах цельного знания» (1877) Соловьев, в частности, писал: «... мистика, изящное и техническое художество являются как одно мистическое творчество, или *теургия*, а все вместе представляет одно религиозное целое» (Соловьев В. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Соч.: В 15 т. М., 2000. Т. 2. С. 198); «...первое субстанциальное единство творчества, поглощенного мистикой, мы назвали теургией <...>» (Там же. С. 214).

[4] Белый подразумевает свою статью «О теургии» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 100–123).

[5] См. главу VII («Мистика и Церковь») книги Бердяева «Философия свободы» (1911) (Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 225–226).

[6] Цитата из стихотворения «Les revenants» («Тайною тропинкою, скорбною и милою...», 1900). См.: Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 136 («Библиотека поэта». Большая серия).

[7] Вероятно, имеется в виду Бердяев, который в письме к Белому от 8 июня 1912 г. утверждал: «Штейнер же во многом следует за Беме, но что у Беме гениально, то в книгах Штейнера скучно. В центре мистики Я. Беме Христос, у Штейнера же нигде нельзя найти Христа» (Новый журнал. 1979. Кн. 137. С. 121). Ответные письма Белого, по-видимому, утрачены.

[8] Цитата из стихотворения Соловьева «Das Ewig-Weibliche. *Слово увещательное к морским чертям*» (1898). См.: Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 121.

[9] Ср.: Откр. XII, 9–10.

[10] В октябре 1912 г. Штейнер совершил поездку в Италию (Флоренция, Милан), с 5 ноября (н. ст.) он обосновался в Берлине (предпринимая оттуда кратковременные лекционные поездки).

[11] Ср. позднейшую запись Белого об октябре 1912 г.: «Фицнау. Наша жизнь с Асей в полном одиночестве; чтение “Geheimwissenschaft” <“Die Geheimwissenschaft im Umriss” Штейнера, 1910>; чтение “*Goethes Weltanschauung*” <Штейнера, 1897>. Чтение курса Штейнера “Дети Христа и Люцифера” <скорее всего: “Der Orient im Lichte des Okzidents. Die Kinder des Luzifer und die Brüder Christi”, 1909>. Усиленнейшая медитационная работа и приготовление схем и отчетов Штейнеру, отнимающая все время;

чтение, пристальное, "Заратустры" и *"Ecce homo"*; <...> пишу для "*Трудов и дней*" две статьи: "*Круговое движение*" и "Круг, линия, спираль символизма"» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 59).

115

18/31 октября 1912 г. Дегерлох[1]

Глубоколюбимая и дорогая Маргарита Кирилловна, огромное спасибо; только что деньги получил, но получил их в Штуттгарте, ибо, прождав деньги в Фицнау 6 дней и не получив (надо же было для занятий ехать в Штуттгарт), я ждал, чтобы мне деньги переслали в Штуттгарт. Теперь получил.

Мы в Штуттгарте[2], потому что здесь одна из ближайших учениц Доктора, которая с нами работает[3]. Кроме того, 25 ноября (н. ст.) Доктор читает маленький курс в Мюнхене, который мы и хотим выслушать[4]; а Штуттгарт в расстоянии 3 часов езды от Мюнхена; из Берлина же ехать было бы нам невозможно.

В Мюнхене же, встретившись с Доктором, мы сдадим ему отчет. (Доктор задает нам вроде уроков, которые мы и сдаем после 1–2 месяцев).

После Мюнхена только едем уже за Доктором в Берлин[5].

Еще раз огромное спасибо.

Простите, что пишу так кратко. Мы с Асей совершенно измучены. Спешу закончить роман; работаем Доктору и работаем с ученицей Доктора[6]. С утра до ночи без передышки работаем, а тут еще многомесячные затяжные неприятности с Москвой.

7 месяцев из меня Э. К. Метнер выматывает душу отвратительными и несправедливыми придирками[7], не давая покою в тот период времени, когда, ей-Богу, хочется мира и тишины: если бы они в Москве понимали, что они делают *со мной*, они сгорели бы со стыда.

И вот мы измучились вконец.

Скверно измучили только москвичи: а от работы только хорошая усталость, но *усталость страшная*.

До 24-го мы в Штуттгарте, т. е. до 11-го ноября русского стиля. Наш адрес или: Deutschland. Stuttgart. Degerloch. Wera Strasse. № 45. Bei Schrenk, или: Stuttgart. Poste restante. С 25-го до 29-го наш адрес: München. Poste restante (т. е. от 12 ноября до 16 ноября).

Дорогая Маргарита Кирилловна, напишите две строки, как Вы, как «*Путь*», как москвичи.

Остаюсь глубоколюбящий Вас и преданный

Борис Бугаев.

Ася шлет привет и уважение.

P.S. Извиняюсь за подчерк: подчерк от усталости.

---

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте: Degerloch. 31 Okt. 1912. Почтовые штемпели получения: Москва. 21.10.12 и 22.10.12. Дегерлох – городок близ Штутгарта; Белый и А. Тургенева жили там в ноябре (н. ст.) 1912 г.

[2] Белый отправил открытку А. Д. Бугаевой по приезде в Штутгарт 16/29 октября 1912 г. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359).

[3] Имеется в виду Иоганна Поольман-Мой (Po(o)lmann-Moy; van der Meulen, 1874–1953), ученица Р. Штейнера, в 1913 г. отошедшая от антропософии; публиковала свои эзотерические и космологические сочинения под псевдонимом Intermediarius; с 1912–1913 г. – спутница жизни Эллиса (см.: Willich Heide. Lev Kobylinskij-Ellis: Vom Symbolismus zur *ars sacra*. Eine Studie über Leben und Werk. München, 1996. S. 125, 179–181, 184, 187–190; Poljakov Fedor B. Literarische Profile von Lev Kobylinskij-Ellis im Tessiner Exil: Forschungen – Texte – Kommentare. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 35–36, 267). Знакомство Белого с нею завязалось в июле 1912 г. в Мюнхене: «... фрау Мой, урожденная голландка, спиритка, потом – астролог, наконец, теософка, одна из талантливейших штейнеристок, дружила с неукротимейшим Эллисом» (Андрей Белый. Из воспоминаний. 3. У Штейнера // Беседа. 1923. № 2. С. 113–114).

[4] Поездка Штейнера из Берлина в Мюнхен и обратно состоялась 25–30 ноября (н. ст.) 1912 г., 25 и 27 ноября он выступал на тему «Сверхчувственные миры и суть человеческой души», 26 и 28 ноября – «Оккультные исследования о жизни между смертью и новым рождением».

[5] Белый и А. Тургенева переехали из Штутгарта в Мюнхен 24 ноября (н. ст.) 1912 г., выехали из Мюнхена в Берлин 30 ноября.

[6] Ср. запись Белого о ноябре 1912 г.: «Дегерлох (около Штутгарта). Перерабатываю "Петербург" (написанное) в окончательн<ую> редакцию. Ряд ответственнейших бесед с Эллисом и Поольман-Мой; <...> напряженнейшие медитации, читаю курс Штейнера "Апокалипсис" <"Die Apokalypse des Johannes", 1908>. И перечитываю Владимира Соловьева» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 59).

[7] Имеются в виду прежде всего пространные письма Метнера к Белому от 13/26 – 14/27 сентября 1912 г. и от 1/14 октября 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 28, 29).

116

20 ноября / 3 декабря 1912 г. Берлин[1]

Berlin. 3 декабря (нов. ст.) 12 г.

Дорогая и глубоколюбимая Маргарита Кирилловна!

Позвольте Вас глубоко поблагодарить за деньги, Вами присланные. Очень, очень благодарю: спасибо.

Несколько дней не уведомлял Вас, потому что получил деньги в Штуттгарт в день укладки (а почта была так далека от нас). А четыре дня в Мюнхене[2] были сплошным метаньем: разговоры с русскими, лекции, подготовление к свиданию с Доктором, наконец свидание это.

Передали Доктору наши доклады; мы с Асей пишем ему вроде интимных *Vortrag'ов** о ходе ему нашей работы – с невероятной трудностью: приходится ведь писать по-немецки, а при нашем знании языка – грамматика и синтаксис хромают[3].

Перед нами стоял вопрос: ехать ли в Берлин или опять скрыться в наше убежище, под Штуттгарт (берлинская атмосфера ужасна, а Доктор, кажется, на Рождестве читает в Штуттгарте курс[4]: для работы же ему нужно уединение); но Доктор прямо сказал, что нам лучше быть в Берлине.

Вот мы и приехали[5].

Дома, гудки автомобилей, дождь, неуютица; и вдобавок формальные затруднения, как жить: мы ведь с Асей не

---

* докладов (*нем.*).

венчаны, а немецкое фарисейство, превратив Германию в сплошной кабак и кафе-кабарэ, остается неумолимым для таких, как мы, невенчанных.

Пока живем на «*ура*»: авось кривая вывезет.

Вообще Германия «брр»... Чем больше живу здесь, тем более удивляюсь грубости и тупости немцев, сперва мало бросающейся в глаза под лоском «*цивилизации*».

Если бы, вообще, не Доктор, ни за что в Германии бы не жили: лучше Бельгия, Швейцария, Италия, лучше даже Франция. Германия – в прошлом: теперь от нее ничего не осталось; воздух напитан пивом, скабрезностями и коммерческими интересами: больше нет ничего!... Никого!..

Доктор: разве он немец? Сейчас его миссия работать для Германии, в Германии: к Германии он приспособляет темп своих лекций, бесед и т. д.: Германию сейчас надо спасать.

Только здесь я понял, как жив, реален, зловещ теоретически изжитый наивный материализм.

Германия – самая материалистическая страна современности. И потому-то в самой материалистической стране работает Доктор.

И опять-таки: до чего Доктор не немец. И как он искрист, жив, безумен, попросту весел: весь какой-то огневой. В нем, конечно, есть славянская кровь. Ведь родина его – славянская провинция Австрии (его отец – простой железнодорожный рабочий)[6]. До чего он в беседах интимных не *носорог*, а наоборот: ребенок, мудрец, святой и... маленькая «*обезьянка*». Мне, *старому декаденту*, которого декадентскими парадоксами никто не удивит, иногда он скажет нечто такое в декадентском темпе, от чего, уверяю Вас, бык свалится с ног.

И какое же недоразумение, что русские, не знающие его интимным, говорят, будто он – схематичен: это он-то, парадоксалист, декадент, буян, святой, безумец, ребенок!!!

Все же прочее вокруг Доктора, эксотерическое – та же Германия: говорят о Христовом импульсе, а в душе ни иоты подлинной религиозности.

В Мюнхене (теперь) Доктор по адресу «*имеющих уши*» из своей паствы говорил вещи, от которых не поздоровится немецким теософам.

Сейчас, слава Богу, около Доктора начинают группироваться и русские (надо же понять, что жизненно не то, что вопит о глубинах, а то, что под *схемой* и видимой чопорностью пульсирует здоровою *жизнью*). Но к русским отношение двойственное. В общем русских немцы *терпеть не могут*; и ревнуют к Доктору; и не могут слышать, что славянство есть будущее[7].

Недавно одна дама, голландка, наш друг с Асей[8], передала нам следующий характерный диалог в антракте на лекции Доктора: к ней подходит одна немка-теософка и говорит с недовольством: «Здесь очень много русских...» – «Да!...» – «Знаете, с русскими надо быть осторожно: не надо им говорить, что они – будущая раса...» – «Почему же?» – «Они становятся с нами высокомерными...» – «Да, но ведь по учению Доктора будущее все-таки с ними...» – «Но не с этими: у теперешних русских нет никакого "*Я*": они ведь на низшей ступени сознательности, а у немцев развита *Verständnisseele** (термин Доктора)...» – «Да: настолько развита, что высушено все религиозное, так что немцы с *Verständnisseele* настолько доэволюционировались до сознательности, что не нашли ничего лучшего, как поддерживать полумесяц против Креста...» (В это время мимо проходим мы с Асей) – «Вот, смотрите: опять эти русские...» – «Да, мои друзья...»

Тут дама поджала губы.

Не правда ли, типично: этот разговор – лейтмотив отношения к нам: от теософов нам приходится туго. Теософы-немцы под всеми предлогами стараются оттеснить Доктора от русских, чуя отсюда, со стороны России, соперника и врага (Доктор ведь не немец, он – мировой: столь же италианец, сколь и испанец); и доктор, кажется, не слишком-то очарован своими учениками немцами. Между тем немцы его считают своим (unser Doktor)**. Отсюда замаскированная национальная борьба за Доктора в безнациональном *Теос<офическом> О<бще>стве.*

Между прочим: борьба с Адиаром (штабом Теос<офического> О<бще>ства) настолько обострилась (из-за са-

---

* Душа понимания (*нем.*)

** Наш доктор (*нем.*).

модурства Безант и лжехриста Альционы)[9], что в Мюнхене Доктор прямо заявил: «Пусть лже-теософы выходят из О<бще>ства, зачем нам выходить» (*лже-теософами* он назвал вообще теософов). Вопрос об уходе из О<бще>ства дебатируется несколько месяцев; *теософия* (в том смысле, как говорят в России) и Доктор – непримиримы, ибо тут борьба: борьба за Христа против 1) Будды, 2) против духа антихриста.

Позиция Доктора правильна: он говорит: «Теософия есть синтез религий не теоретический, а действенный: этот синтез произошел на Голгофе; после Голгофы *теософ*-буддист не может не подать руки *теософу*-христианину, ибо он не может не понимать мирового, космического события Голгофы; если он этого не понимает, то он и *не теософ*. Вот в чем теософия: теософию я понимаю, как действенное приятие смысла Христова События, как события, вознесенного над всеми расовыми религиями (между прочим и буддизмом); *теософия* – хорошее слово, и мне нечего отступать от него: да, *я теософ*... И не моя вина, если большинство *теософов* (восточных) проводит буддизм или Восток под флагом *теософии*. Положение таково: надо, оставаясь в *Теософии*, очистить *авгиевы конюшни* теософического о<бще>ства; и уже только исчерпав все средства борьбы за христианство, отряхнуть прах с порога Теософического Общества, ибо опять-таки: что можно возразить против прямого смысла слова *Теософия*, что есть: Божественная Мудрость... в звуке teos (Θεός) нет ничего позорного; в звуке София – нет ничего позорного тоже».

Вот точный смысл политики Доктора в «*Теос<офическом> О<бще>стве*».

Заметьте: он лишь генерал-секретарь германской секции О<бще>ства (каждая страна имеет своего генерал-секретаря); и борьба его с обществом благодаря влиянию его в Германии превратилась в борьбу *немецкой теософии* с Теос<офическим> О<бще>ством. В этой борьбе *пока* опирается он на немцев (unser Doktor и т. д.), как на членов теос<офического> общества (меньшинства), поднявших знамя христианской теософии (т. е. *теософии* собственно) против восточной теософии (большинства) – *так сказать теософии*....

Отсюда естественная тональность германизма в изложении, в периферии учения Доктора (он говорит, приспособляясь к пониманию немцев XX столетия, нужных ему для *начала* подготовления *Крестового похода* против современной культуры); и немцы ему дают первичную, реальную поддержку: будущее же движения – раскрытие, осознание, реализация всего того, что бьется в Докторе, может встретить реальный отклик в славянстве, только в славянстве. И Доктор знает это: оттого у него особая нота к славянам. Когда ему говорят об ограниченности немцев и о том, почему он действует не в России, он неизменно отвечает в таком смысле, что дело его в будущем продолжится в славянстве, но там оно примет иные, новые формы, что сейчас еще не время думать о колоннах и фронтоне здания, когда надо тесать громоздкие, неуклюжие массивы фундамента.

Неуклюжесть этих массивов, над которыми, скрепя сердце, работает Доктор, импрессионистически и совершенно неверно воспринимается русскими как *схематизм*, когда живой смысл схемы, благодаря просто незнанию подробностей Доктрины (как-никак XXV томов), кажется *сухим смыслом.* Но это до некоторой степени и понятно, и простительно (детям интереснее хрестоматия из евангельских событий: подлинник Апокалипсиса им бы показался тоже ведь схематизмом).

Непонятно следующее: когда на основании видимой схематичности розенкрейцерской доктрины соболезнующе восклицают: «Что вам-то, с вашим символизмом, делать у *сухого* и *педантичного немецкого* Доктора».

Восклицания эти в замаскированном виде мне пришлось получать: восклицания эти – схематичны до крайности. На основании *видимо схематических* двух-трех напечатанных книжек да двух-трех обрывочков, выхваченных из *интимных* курсов (этих курсов XXV, и надо сказать, что для всякого ученика Доктора и эти курсы лишь *внешнее введение* к интимному обучению) – на основании *отрывков* из Доктрины делается заключение о личности Доктора: «Вам-де, с вашей жизненностью, не ко двору немецкие схемы»... Да ведь неужели я приехал в Германию, чтобы только слушать *Vortrag'u*? Хорошее же представление имеют люди

о мистике, если думают, что она *изложима* на бумаге и что мистик есть тот человек, кто прочел с сочувствием изложенное на бумаге.

Можно, конечно, даже услышать лично Доктора и сказать: это не для меня. Но если бы кто хоть 2 месяца *реально* ему поработал, *реально* у него поучился и сказал бы: «Доктор – схематичен», тот, верьте мне, был бы совершеннейшим дураком. Но такого случая не было: у Доктора учатся и дураки. *Но даже дураки этого не говорят.*

А умнейшие люди, *реально* не прикасавшиеся к Доктору, все согласны: «*Книги Доктора схематичны; следовательно: схематичен Доктор; следовательно: у Доктора нечего делать...* и т. д.».

Тут что-то не так...

До меня дошли слухи, что Гр<игорий> Ал<ексеевич> Рачинский что-то такое читал о Люцифере и Аримане против Доктора[10]. Должен сказать: вероятно, все это должно было быть в высокой степени удивительно. О Люцифере и Аримане Гр<игорий> Алек<сеевич> знать точно учение Доктора не мог.

И далее: говорить о Люцифере и Аримане вообще – праздная вещь, как и вообще праздно говорить о том, чего реальное раскрытие путем медитации, концентраций воли и строгого оккультного режима отсутствует. О таких вещах более шепчутся, чем говорят.

Сказать что-либо реальное о небесных иерархиях можно вообще после нескольких лет строжайшего воздержания от вина (не между «*водкой и селедкой*»), упорного многомесячного развития в себе силы *очищения*; далее: после работы над развитием *имагинации*; далее: сознания тщетности *имагинации* (развитая *имагинация* должна быть разбита); далее: после новой работы развития инспирации (и во все это время – ни капельки вина, и т. д.). Тогда только *кое-что* узнаешь из того, что даст возможность краешком души подойти *реально* к принятию или отвержению схемы Доктора о том или ином *символе* оккультного развития души, каковыми являются символические встречи с Люцифером и

Ариманом (реальное, а не символическое *знание* дается в редких случаях творчески одаренным и морально очищенным натурам еще на более высоких ступенях, к которым иные и не поднимаются вовсе, но к которым все-таки если и поднимаются, то *реально*, а *не словесно*).

Читать же лекцию о Люцифере и Аримане есть – откровенная схоластика, подогретая расходившимися парами чувств.

И вот тут хочется сказать: Доктора обвиняют в нежизненности, требуют от него образности, оргиазма и т. д. Но ему противопоставляется не жизнь, не символ даже (ибо символ реален), а схема, облитая *паром чувств*.

И в русском протесте против Доктора вижу я слишком часто: *пар – пар – пар*.

Пар требует, чтобы учение Доктора предстало не в схеме, а в *паре же*: пар неподготовленности, пар словесного знания словесных сочетаний той или иной формулы оккультизма, не подозревающий, что словесная формула эта есть формула *пути*, *реального*, не словесного, приницающего привычки, чувства, обычаи даже.

У нас же господствует метод парообразного расширения словесных значений: едва услышим: Люцифер, Ариман, как уже в словах ширим и ширим значение *реального нечто*, думая, что постигли.

Как хорошо, что интимные *Vortrag'и* Доктор запрещает распространять: будь они доступны русским, правда, мы в России не приписывали бы Доктору небылиц: но блюдо из XXV доступных курсов оказалось бы столь сладким (не русской душе) русской болезни (парообразному расширению слова), что *реальный путь*, по которому ведет Доктор, превратился бы мигом в столб переливающихся на солнце радужных слов. Через миг лопнули бы слова: ничего не осталось бы, кроме русской неврастении и нежелания *слова* опустить *в плоть жизни*.

Так что даже есть выгода в том, что Доктор отталкивает схемами: *метод сухости* лучше метода *парообразования*: это-то Доктор знает.

Ну вот я и подошел к главному: схематизм, сухость есть правильная, жизненная педагогика Доктора. Кто во-

преки этой личины все же сумеет расслышать Симфонию и здесь, для того Доктор повертывается подлинно-жизненным ликом, тот и сам понимает, что пресловутая сухость есть спасительный компас в плавании по опасным морям пути. Ведь в морях этих, как в камер-обскуре, отражается прошлое, настоящее и будущее человеческих судеб, *всемирной* истории.

Вот, милая Маргарита Кирилловна, длинное Вам письмо: и опять полемическое. За полемику не ругайте. Я Гр<игория> Ал<ексеевича> Рачинского глубоко, нежно, сердечно люблю. Оттого-то и бранюсь. Бранюсь добродушно.

Милая, Вам я пишу большое письмо: а от Вас ни звука – вот 3 месяца уж. Что мне думать? Или Вы сердитесь на меня? Или *«московское общ<ественное> мнение»* меня бранит, а Вы – дама с султаном, его выражаете?

Нет, не верю; милая, милая, глубоколюбимая Маргарита Кирилловна: если бы это было так, то по воле судеб я не писал бы Вам на рваных листках таких длинных писем, а писал бы на изящной бумаге безукоризненным подчерком глубоко-корректные вещи[11].

А вот хочется писать Вам обрывочно: не писать, а вываливать мысль. Это оттого, что хочется с Вами поделиться душой, всериоз, взаправду.

Оттого-то я и жду от Вас писем. Адрес до 15 декабря следующий: Berlin. Postlagernde. Не даю адреса, потому что еще нас, может быть, погонит полиция, а в таких случаях *Poste restante* представляет все виды удобства. Если выяснится, что можно нам жить, адрес сообщу. А пока Postlagernde.

Остаюсь глубоколюбящий и преданный

Борис Бугаев.

Ася приветствует Вас.

---

[1] Почтовые штемпели на конверте: Berlin. 4.12.1912; Москва. 23.11.12; 24.11.12. Адрес отправителя: Abs<ender> Boris

Bugaïeff. Scharlottenburg. Luther Strasse 27. Pension Wegner. Berlin. Deutschland.

[2] См. примеч. 5 к п. 115.

[3] Ср. запись Белого в перечне «Свидания с Доктором»: «1912 год <...> *6-ое свидание.* 29 ноября. Передали Доктору наши тетради и получили по новой медитации. Мюнхен» (Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 9. С. 471).

[4] Этот проект не состоялся.

[5] Выехав из Мюнхена в Берлин 30 ноября, Белый и А. Тургенева по дороге остановились в Нюрнберге, где провели, согласно позднейшему свидетельству Белого, «несколько дней» (*Ракурс к Дневнику.* Л. 59 об.) – не более двух-трех.

[6] Штейнер родился в городке Кралевец (Kraljevec), на территории Австро-Венгерской империи (ныне относящейся к Хорватии). Семья его происходила из лесного края Нижней Австрии; отец, Иоганн Штейнер (1829–1910), служил телеграфистом на железной дороге.

[7] Согласно Штейнеру, славянам предстоит сыграть определяющую роль в грядущей культурной эпохе; с этой идеей он выступил в цикле лекций «Миссия душ отдельных народов в связи с северогерманской мифологией», прочитанном в Христиании в июне 1910 г.

[8] Имеется в виду И. Поольман-Мой (см. примеч. 3 к п. 115).

[9] Центр Теософского Общества находился в городе Адиар (Adyar) в Индии, близ Мадраса. «Альциона» (Alcion) – Дж. Кришнамурти (см. примеч. 13 к п. 112).

[10] В антропософской доктрине Штейнера Люцифер и Ариман – символические обозначения демонических соблазнов и темных сил, действующих в мире и угрожающих духовному «я» на пути становления и самопознания: Люцифер – дух гордыни и «человекобожеского» начала, Ариман – дух лжи, разложения и хаоса.

[11] В воспоминаниях о Белом Морозова отмечает, приводя выдержки из «штейнерианских» писем Белого к ней: «Из всех приведенных мной выдержек из писем Бориса Николаевича совершенно ясно, насколько глубоко и без оглядки он отдался своему Ученичеству. Он получал очень много писем из Москвы, от друзей, выражавших ему свои сомнения в правильности избранного им пути, но ничто не могло поколебать его. Все друзья и почитатели таланта Белого боялись, что он, отдавшись Штейнеру, потеряет свою само-

бытность как художник, что пропадет своеобразность его красок и яркость его языка, что приемы работы над собой Штейнера как бы сотрут его. К сожалению, он слишком прислушивался к доходившим до него слухам порицания его, а также не мог равнодушно прочитывать всех писем, в которых выражались малейшие сомнения в избранном им пути. Все это причиняло ему только лишние страдания и заставляло его тратить силы, чтобы доказывать, что ничего не изменилось в нем, что он остался верен себе. Я ужасно сожалею, что я, хотя очень скромно и осторожно, но также выражала свои сомнения. Борис Николаевич в ответ на мои сомнения писал мне бесконечные письма; например, из Берлина, в 28 страничек об оккультизме, из Швейцарии – в 18 страниц, из Базеля – 26 страниц. Я теперь перечитывала эти письма с глубокой грустью о том, что он не жалел своих нервных сил на эти письма, притом, что ему нужно было так много работать, будучи у Штейнера. И еще я особенно сильно сожалею о том, что все любившие Бориса Николаевича друзья, к которым я себя причисляю, зная его чуткую, нежную, ищущую Света душу, не откликнулись на его порыв по отношению к Штейнеру, как на порыв найти, наконец, прием работы над собой, умение подчинять свое внешнее существо своему внутреннему смыслу, найти гармонию и равновесие. В этом смысле нужно было с большей любовью отнестись к его решению стать учеником Штейнера» (*Андрей Белый. Проблемы творчества.* С. 542).

117

3/16 декабря 1912 г. Берлин[1]

Дорогая и многоуважаемая Маргарита Кирилловна,
получили ли мое большое письмо?[2] Пишу установившийся адрес: Berlin. Scharlottenburg. Luther Strasse. 27. Pension Wegner.

Остаюсь глубокопреданный

Борис Бугаев.

---

[1] Открытка, отправленная по адресу: Знаменка, д. 11. К-во «*Путь*». Датируется по почтовому штемпелю: Berlin. 16.12.12. Почтовый штемпель получения: Москва. 5.12.12.

[2] Имеется в виду п. 116.

118

11/24 декабря 1912 г. Берлин

Дорогая и близкая Маргарита Кирилловна,

пишу Вам только деловую записку; пишу на обрывке, ибо спешу отправить, а почтовая бумага вышла вся в письме к Вам, которое кончу не скоро[1], а где подробно Вам отвечаю на Ваше хорошее и согретое лаской письмо[2]. Отвечаю Вам пространно и по пунктам, ибо радость для меня в том, что Вы слушаете мои слова без тенденциозной мины полуснисхождения-полуиронии, с каковою мне теперь пишут многие, как человеку, рехнувшемуся и попавшему в безнадежный тупик. Вашему письму я порадовался, как предлогу поделиться с тем, что лежит у меня на сердце.

Милая Маргарита Кирилловна, мне страшно конфузно от двух вещей: 1) от книг, полученных из «*Пути*»[3]: сколько я за них должен? Тут недоразумение. Я просил А. С. Петровского прислать мне книги, полагая, что я их выписываю на свой счет, а он сконфузил меня, написавши, что просил «Путь» мне выслать: я чуть не попенял ему за это, но не попенял, потому что и так мы в Мюнхене не *по-настоящему* встретились и я боялся, что он обидится. А теперь, получив книги, покраснел.

2) Второй, еще более конфузный вопрос: милая, по Вашему хорошему письму (в Базель) выходило, что 1-го декабря Вы сможете мне выслать 200 рублей из того долга, который Вы так по-хорошему одолжили мне. Только в январе у меня будет известная сумма, а до января я рассчитывал на Вами любезно одолженную сумму денег. Сегодня 24 декабря (н. с.), т. е. 12 декабря старого[4], а *не получил* (не в том дело – у меня еще есть деньги); но ввиду того, что нам надо быть в Кёльне 27 декабря до 4 января (жить в гостинице и проезд) на *обязательном цикле лекций*[5], я боюсь, что не хватит имеющихся, или что деньги разойдутся со мной и их надо будет сложно добывать: поэтому, милая, известите в Кёльн (Poste restante), сможете ли Вы выслать мне 200 рублей, и если да, то 1) высланы ли они? (может быть, почтовая путаница?). Если можете и деньги еще не высланы, перешлите их на Кёльн (poste restante), если же высланы, то черкните скорее, куда высланы: Berlin, postlagernd, или на мой адрес.

Милая, мне стыдно, но... в самом деле: обязательство быть в Кёльне неожиданно, и без этого обязательства мне хватило бы, но проезд и гостиница в Кёльне сажает нас на мель, так что не знаю, хватит ли на возвращение обратно из Кёльна в Берлин. Дорогая Маргарита Кирилловна, только потому осмеливаюсь Вас спросить обо всем этом, что в письме в Базель* Вы обещали выслать 300 в октябре, 300 в ноябре и 200 в декабре, что с 300 присланными в Базель составило бы 1100, сумма, равная моему гонорару у Некрасова[6] и обещанная Вам. 300 рублей я получил в Базеле, 300 в Фицнау, 300 в Штуттгарте и ждал 200 сюда, но их не получил; а между тем часть гонорара, который мне должен журнал «*Современник*» и который обеспечил бы меня на январь и конец декабря, 4 *месяца* не могу добиться от Редакции «*Современника*»[7], а тут... Кёльн.

Ответьте же, родная, можете ли послать (если нет, телеграфируйте тотчас: *Köln. Postlagernd*), пошлете ли, послали ли уже, и если да, то – куда?

А то я беспокоюсь.

О долге моем, о работе «*Пути*»[8] пишу подробно в огромном неоконченном письме, которое суждено мне, видно, везти с собой в Кёльн[9].

Остаюсь глубоко преданный, уважающий и любящий Вас

Борис Бугаев.

---

[1] Имеется в виду п. 119.

[2] Имеется в виду следующее недатированное письмо, написанное в ответ на п. 116:

Дорогой и милый друг Борис Николаевич!

Получила сию минуту Ваше письмо и пишу! Я Вам писала дважды за это время, и, как видно, Вы моих писем не получили. Это и неудивительно, т<ак> к<ак> не успеешь опомниться, как Вы улетаете в другое место, потому сейчас пишу не откладывая, а то Вы того и гляди куда-нибудь упорхнете! Дорогой мой и милый друг, благодарю бесконечно за Ваши письма, я их храню (как вообще все Ваши письма) и часто перечитываю. Спасибо за них! Очень, очень прошу Вас, продолжайте мне писать, мне так нужно

---

* *В автографе описка*: из Базеля.

знать, что Вы и как! Прежде всего умоляю Вас не думать, что со мной *нужна* полемика, потому Ваши письма я и не понимаю как полемику, а всей душой слушаю Вашу горячую речь, обращенную через меня ко всем! Слушаю и всеми силами души хочу прислушаться не к словам, не к теоретическому смыслу, не даже к религиозным утверждениям, а к тому, «о чем все это» и «к чему оно ведет»! Поверьте, что я глубоко заинтересована Штейнером, для этого мне достаточно того, что *Вы* пошли к нему, поверили ему и отдались ему! Как и что, каковы его теории, каков он как ученый, как философ – я не знаю, не могу судить, но это для моей души и не так важно! Хотелось бы, слушая Вас, следить и видеть плод «дела Штейнера»! Самой глубиной души я задаю себе *вопросы,* это *вопросы* только. Да разве в сущности все мы можем в самой глубине жизни задавать что-нибудь кроме вопросов! Главный мой вопрос – это оккультизм? Не то что я не принимаю смысла оккультизма и значения его. Наоборот, я уверена, что мы слишком мало знаем все чудесное, что пока для нас тайна и что мы должны идти к тому, чтобы раскрывать эту тайну в нас и кругом нас. Все дело не в цели, а в средствах. Так вот мой вопрос, который я не критически холодно себе задаю, не осуждаю чего-то, как Вы подозреваете, а просто спрашиваю и со страхом и, каюсь, недоверием! Привыкла верить яркому солнцу, а ночь хотя и манит, но Бог знает какая там нечисть живет! А тут не все на солнце, иначе почему тайное? Я знаю, что сама жизнь тайна и пути ее таинственны, но это тайна мировая и хранительница ее церковь, и что бы там ни было, плохо ли, хорошо ли, но средства и цели ясны, т<ак> к<ак> опираются на всечеловеческий, объективный опыт! Я знаю там, что вручаю себя, свою волю не личной, отдельной, произвольной воле, а чему-то общему, основанному на долгом историческом опыте. Видите, какая я трусиха! Я вот и озираюсь со страхом, что Вы вручаете свою волю и силы *отдельной субъективной* воле, хотя и гениальной, может быть. Потом очень волнует меня вопрос о том, как возможны, оставаясь в мире, в браке, в борьбе, в культуре, все эти оккультические упражнения? Хватит ли сил человеческих? Мне ясно, что, отказавшись от жизни, уйдя в монастырь, я подчиняюсь старцу и под его руководством начинаю развивать в себе внутренние силы! Но оставаясь в жизни, не достаточна ли сама жизненная борьба, сама жизнь, труд, постоянное лишение, необходимость давать другим, любить других! Дай Бог, чтобы хватало сил и на это, а тут надо отдавать силы на подчинение отдельной личности и тратить их на трудные упражнения, не путем жизненного труда на своем посту, а путем отдачи себя (хотя и временной) в пассивное состояние. Дорогой, ради Христа не сердитесь, поймите, что не дама с султаном говорит с Вами, а душа моя обращается со

своим сомненьем. Я от всей души счастлива, что есть на свете такая *сила*, как Штейнер, но я глубоко грущу и боюсь, что эта сила вместо того, чтобы подымать в душах силы и поддерживать их на жизненном пути и не отрывать от их жизненного дела, вместо того сосредоточивает их около себя и углубляет в свое неизвестное! Что же это, монастырь? Если да, то это *мне* понятно, хотя и не по силам было бы. А если нет, то я боюсь этого неведомого, ночного! Что там в этой темноте сокрыто? Выражаю Вам *свой* страх! Я Вам верю, знаю, что Вы светлый, верю и что Штейнер светлый и говорит и думает о светлом, но *пути* его? Знает ли он сам, куда они ведут? Дорогой, пишите, что Вы? Что Ася? Долго ли Вы еще будете там? Я знаю, что Вы вернетесь сюда на Ваш жизненный путь, знаю, что Вы *для него* всем сейчас жертвуете! Христос с Вами.

Ваша *М. Морозова*

[3] Белому были высланы, вероятно, книги издательства «Путь», вышедшие в свет после его отъезда за границу в марте 1912 г., – «Философия хозяйства. Ч. I. Мир как хозяйство» С. Н. Булгакова, «Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение» В. Ф. Эрна (первая книга появилась в марте, вторая – в октябре 1912 г.). Возможно, Белому были присланы также более ранние издания, осуществленные «Путем».

[4] В действительности – 11 декабря ст. ст.

[5] С 28 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г. (н. ст.) Штейнер прочел в Кёльне цикл из 5 лекций «Бхагавадгита и послания апостола Павла»; там же 28 декабря было официально учреждено Антропософское общество (отделившееся от Теософского общества).

[6] Гонорар, выплаченный издательством К. Ф. Некрасова за рукопись «Петербурга» (см. примеч. 7 к п. 111).

[7] Гонорар от петербургского журнала «Современник» следовал Белому за публикацию в 1912 г. его очерка «Египет» (см. примеч. 2 к п. 101). В ноябре и начале декабря 1912 г. Белый дважды обращался к Е. А. Ляцкому (редактору «Современника») с просьбой перечислить гонорар (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 228–230).

[8] См. примеч. 2 к п. 108, примеч. 5 к п. 110.

[9] Белый и А. Тургенева выехали в Кёльн 27 декабря. Ср. запись Белого о декабре 1912 г.: «Отъезд в Кёльн на цикл: “Послания апостола Павла и Бхагават-Гита”. Новый год встречаем в Кёльне: последняя дружественная встреча с Эллисом и Поольман-Мой» (Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1988. Вып. 6. С. 346).

119

Последняя декада декабря (н. ст.) 1912 г. – первая декада января (н. ст.) 1913 г. Берлин[1]

С Новым Годом!

Милая, родная Маргарита Кирилловна,
простите ли Вы мне это странное, непричесанное письмо, начало которого я вынул, ибо оно о событиях, уже минувших, о Москве, о ворчанье, и т. д. Я сперва начал Вам обыкновенное письмо на обыкновенной бумаге, но её не хватило. Я продолжил просто на листах. Вышло оно несуразно и обрывочно (в промежутке его – дела и поездка в Кёльн[2]). И вот, заканчивая письмо, пишу новое к нему начало.

Громадное спасибо за ласковое и хорошее Ваше письмо[3]: оно меня глубоко затронуло, и прежде всего захотелось Вам безмерно много сказать.

Я хотел сразу, в одном письме ответить Вам на все Ваши вопросы, но один вопрос, вопрос об *«оккуль<ти>зме»* разросся в целую систему ответа.

Итак, милая, хорошая Маргарита Кирилловна: пока я лишь показываю Вам паспорт отношения моего к пресловутому *«оккультизму»*. И лишь в следующем письме коснусь других Вами затронутых вопросов (о *свете,* о *христианстве,* о *старцах* и т. д.). Но, чтобы писать не в пустоту, я продолжу *это свое письмо* лишь после получения от Вас ответа.

Милая, не пугайтесь размеров письма и прочтите его внимательно. Начало его (о передрягах с Москвой) я вынул*.

Ну, не стану о *треволнениях*: буду подробно Вам отвечать на хорошее, ласковое, светлое письмо.

---

* *Далее зачеркнуто:*

Пишу, родная, так подробно, ибо всё это больной пункт мой. Так трезво, тихо, нормально сидишь у себя в углу и никому не мешаешь, а к Тебе насильно врываются нездоровые струи болтовни и суеты.

Вот почему я стал осторожен и, каюсь, подчас подозрителен: ряд инцидентов вокруг меня и друзей – инцидентов вздорных, раздуваемых в «события», – измучил меня за эти 8 месяцев.

Отсюда и мое письмо к Вам.

Милая, хорошая: такой теплый луч идет от Вашего письма; и так мне легко и светло отвечать на Ваши сомнения о Докторе (верней, о его деле): только тут ведь могут быть сомнения; дело не в личностях, а в устремлении пути; есть ли *оккультизм* Путь? Не знаю: я ведь очень холодно отношусь к терминам. Когда говорят *«оккультизм»*, то разумеют прежде всего оккультическую литературу XIX столетия (второй половины), т. е. сочинения талантливых и неталантливых синкретистов, смешавших воедину все исторические памятники *«Geheimwissenschaft»*;* обыкновенно такие книги все шарлатанского духа: пишущие или рассчитывают на легковерье, или сами ни аза не смыслят в том, о чем пишут, или думают, что смыслят, опираясь на рудиментарные, неразработанные способности своей души, открывающие им *кое-что* из написанного (в терминологии Штейнера лучшие из них обладают имагинацией, т. е. астральным ясновидением: но эта имагинация есть ясновидение сквозь густой туман субъективизма, смещающего контуры подлинной правды). Поэтому даже лучшие представители совр<еменного> оккультизма – бессознательные шарлатаны (смешивая индивидуально узнанное в астральном плане с историческими свидетельствами мистики и т. д.). Таких честных шарлатанов *«мало»* (St<anislas> Guaita, d'Alveydre); далее идут уже явно шарлатаны вроде Eliph<as> Lévi, Папюса. И они доминируют. Оккультизм такого рода к *«Geheimwissenschaft»* относится так, как наименование *профессора* черной и белой магии (смотри представленья в цирках) не имеет ничего общего с высоко-почетным университетским званием «профессор»...

Люди, мало знакомые с сутью *проблемы* (с принципами тайной науки), смешивают *достоверность* тайной науки с шарлатанизмом. Вы понимаете, конечно, что *«das ist nicht der Fall»*** относительно меня.

Это во-первых.

Во-вторых: под *«оккультизмом»* разумеют то особое течение 15-го, 16-го и 17-го столетия, которое породило, с

---

* «тайной науки» (*нем.*)

** «это не так» (*нем.*).

одной стороны, новую философию, новую науку, новую мистику. *«Оккультисты»* – это те, кто стоял на рубеже между нашей эрой и средневековой схоластикой. Это те, кто подняли во имя *мистики* и *науки* знамя бунта против «догматизма» в кавычках Римской Церкви, противополагая интимное понимание религии (эсотеризм, оккультизм) средневековью и инквизиции, но которые верили в *магию науки* и в *научность магии*. Так их определяют поверхностно культурные люди *«века сего»*. Имена их фигурируют во всяком учебнике истории *новой философии* в качестве предшественников *прогресса* и *цивилизации* века застоя. Я назову только следующие имена: Аббат Тритгейм, Агриппа Нетесгеймский (автор *«Occulta Philosophia»*[4], убежденнейший оккультист), его ученик Иоган Вейер (ученый врач, первый настаивавший на том, что *ведьмовство* есть психопатологическая болезнь), Теофраст Бомбаст Парацельс, Генрих Кунрат, Николай Фламмель, Кирхер, Флюдд и т. д. (Флюдд, Кунрат, Кирхер, Парацельс – розенкрейцеры). Непошлое понимание Джордано Бруно заставляет его без сомнения отнести к этому же ряду имен. Фаланга этих оккультистов непроизвольно переходит к отцам естествознания. Например, Ньютон: его *«сила»* есть, конечно, *«qualitas occulta»*[5]. Говорю широко – и Ньютон оккультист: все ньютонианские теории в физике непроизвольно мистичны.

Отношение к историческому оккультизму двояко: его считают (большинство) предтечей новой эры одни, и его реставрируют другие: сочинения Кунрата, Парацельса переиздают в наши дни, видят здесь смыкуемые *«глубины»*[6]. Образно говоря, отношение к оккультизму этого рода либо *«либеральное»*, либо *«декадентское»;* у Виндельбанда *«либеральное»*, у нео-мистиков наших дней часто декадентское (Стриндберг, Гюисманс и т. д.).

Ни то, ни другое неправильно.

Если есть что-либо ценное в туманных эмблемах Кунрата или Агриппы, так это вовсе не то, что в них видны зачатки философских концепций, впоследствии развернувшихся в Лейбнице, Спинозе, Декарте; еще менее эти писатели – объект стилизации мысли наших дней (они ни *сырая говя-*

дина для позднейшего блюда философии, ни декадентская *корочка черного хлеба** после «Ананаса»). Лучшие имена их (Парацельс, Кунрат, Флюдд, Кирхер) – розенкрейцеры, т. е. люди, принадлежавшие к *тайному братству,* в котором культивировалось знание, недоступное иным: знание подлинного строения человека, его связи с космосом (связи не только моральной, но и анатомическо-физиологической); книги этой группы людей были лишь внешним выражением того, что в интимном смысле слова невыразимо словами, как нечто *реально-опытное, достоверное;* ведь физический, химический опыт в науке выразим в описании и суммирован в формуле. Опыт предполагает осязаемый объект. Объект химии – вещество, биологии – животный организм. Объект оккультизма тоже реально виденный и осязаемый *объект,* но *объект* иного порядка: факт, взятый *не только* на физическом плане. Как же подойти к этому факту?

Но что есть обычный факт? Естествознание прежде считалось с фактами в грубейшем и примитивнейшем смысле: факт есть то, что я осязаю, например, обычным зрением; но если бы естествознание остановилось на этой стадии, то его и не было бы в нашем смысле слова. Вы знаете, что биология базируется на микроскопических исследованиях: *факты* из жизни *клеточек* лежат в основе современной биологии, а сама клеточка *не видна простым зрением;* и так для факта биологии, для объекта ее нужен *микроскоп,* а для астрономии *телескоп,* т. е. *прибор, инструмент;* инструмент становится между объектом и человеком. И если бы кто-нибудь стал сомневаться в существовании клеточки, того по заслугам бы осмеяли.

Заметьте: популярное понимание мира, основанное на фактах, принимается нами на веру, ибо изучение *объекта* естествознания ведется столь тончайшими специалистами, что, заговори они с нами на их техническом языке, мы услышали бы *абракадабру:* вывод науки словесный есть всегда популяризация чего-то непопулярного; в науке есть своего рода деление на *кларизм* (экзотеризм) и оккультизм (эсотеризм). *Кларистично* популярное изложение того, что есть

* Определение Сезанна С.И. Щукиным. *(Примеч. Белого.)*

сущность звука, и *оккультно* в этом смысле «Теория слуховых ощущений» Гельмгольца. Почитайте Гельмгольца, и Вы ничего не поймете, а Вы все-таки Гельмгольцу *верите,* ибо знаете, что Гельмгольц *проверяем,* но... таким же специалистом, как он. Видел ли кто-либо, как две частицы водорода соединяются с частицею кислорода? Нет. Но возьмите соответственные порции и проведите опыт: Вы получите воду (то есть 2 водорода + 1 кислород). И Вы скажете: доказательство *невидимому* есть произведенный мною опыт с такими-то результатами.

Но для произведения опыта нужен прибор.

То же и в *Geheimwissenschaft* (тайной науке). Кто докажет мне, что эфирное тело[7] есть? Никто не докажет, ибо не доказуемо в химии существование атома, но признание его необходимо, раз имеют место такие-то опыты. Произведите морально мысль в таких-то условиях, сосредоточьтесь так-то, и такой-то цикл явлений Вам будет открыт; и по сумме явлений Вы признаете, что существование эфирно-атомического строения мозга, которого грубым уплотнением является мозг физический, есть столь же необходимая гипотеза, возведенная в догму, каковой является *догма* о существовании эфирного тела. Вы скажете, почему именно такие-то в принципе случающиеся феномены суть взывают к эфирному телу, а не к чему бы ни было другому. Но это вопрос, на который *специалист* «тайной науки» ответит: «Чтобы судить о правильности гипотезы, возведенной в *догму,* надо увидеть, как гипотеза эта естественно вырастает в Вас, как объединение опытных данных, а опытных данных для суждения у Вас нет. Для изучения химии нужен ряд *приборов*». Вы спросите: «Где же фабрика приборов для *этого* рода опытов?» Вам ответят: «Фабрику для изготовления приборов нужно построить Вам самим по имеющимся планам при содействии архитектора, и когда фабрика будет построена, тогда будут приборы, и приборы точнейшие». Вы скажете: «Да, но если *прибор* для изучения есть, так сказать, морально-физиологическое очищение и сосредоточивание себя так-то и так-то, то это, во-первых, – индивидуальный самогипноз, во-вторых, путь, который закрыт для всех». И Вам ответят: «Но, оставаясь на строго научной почве, Вы не можете строить, не

имея *данных*; чтобы так сказать, надо что-либо *знать фактически:* объясните-ка крестьянину, что на солнце открыт был сперва металл гелий, и крестьянин Вас засмеет». Даже тончайшие мистики, не испробовавшие реально-оккультной учебы, суть такие крестьяне, оспаривающие самую возможность открытия *гелия* на солнце, когда открытие это фактически *уже совершилось давно.* Во-вторых, специалист Вам скажет: «В принципе *да,* но в реальности нет: далеко не всякий способен, окончив 8 классов гимназии, 4 курса математического факультета, сдавши магистерский экзамен, убедиться осязательно в правильности скульптурной лепки фигур 4 измерений в трехмерном пространстве (такова в высшей математике скульптура фигур по Вейерштрассе – своего рода математический оккультизм); то, что мы верим, что это возможно, основано не на нашем знании, а на доверии к *специалисту*». Если механическое усвоение вершин знания требует далеко не механической усидчивости, то во сколько раз *сложнее, деликатнее, тоньше* приборы оккультизма, рост органов эфирного и астрального зрения, находящихся у нас в зачаточном состоянии (анатомия и физиология этих органов разработана в теории и проверяема на практике: органы эти – цветки лотоса – в месте лба, гортани, сердца, солнечного сплетения и т. д. *связаны* с определенными достижениями оккультизма). Ко всей сложности *технического* достижения должно присоединить самообладание, мужество, дерзновение, режим, особые медитации и, что главное: постепенное очищение моральное и душ<евный> покой, даже (что важнее многого) контроль и этика мыслей и чувств, ибо мысль – реальнейшее из реального; и дисгармония мыслей, сходящая с рук профану, становится воистину *серной кислотой* для неофита в его первых, робких шагах. Что это все *не теория,* а винты и отдельные части оккультических *микроскопов* и *телескопов,* это мы знаем уже по себе. 5 месяцев *преддверия приготовительного класса* учебы мне показали реально, что *объекты* оккультизма столь же осязательны, как объекты научного исследования; в 5 проведенных при Докторе месяцах мы узнали *достоверно* то, что во всю жизнь не знавали; узнали и то, что *трезвость, контроль* и *проверка* отграничивают строго эти области

от субъективного (ну, что скажешь Вам, если Вы скажете, что *ауры* нет, когда *я вижу* ауру, и когда она золотая, то это не мне кажется, а кажется *всем одинаково*, кто ауры видит; а когда она *синяя*, то она *синяя* для А, В, С, D и т. д.).

Все это пишу Вам я так пространно, чтобы наметить следующие положения: начало естественного разграничения между *оккультным* и *неоккультным* уже лежит в естественном порядке вещей, в *нашей науке*, в процессе нарастания сложностей по мере углубления в природу вещей: там, где поэты, мистики, бессознательные провидцы восклицают «мысль изреченная есть ложь», там, где измеривающие обычным способом океаническую глубину подсознательного и надсознательного говорят *«здесь кончается лот измерения»*, там оккультизм, не отчаиваясь перед хаосом подсознательного и не ослепляясь от солнечного блеска надсознательного, *трезво* изыскивает способы изучения и фиксации в формуле *неизреченного*. И фиксированная формула, красноречивая для того, кто *методично* и *четко, без головокружения*, сходит в глубину или восходит в высоту, для мистика только, поэта или обычного философа будет *абракадаброю*, как была бы *абракадаброю* для греческого философа-физика столь ясная для *современного физика* формула: $\rho v = \rho_0 v_0 (1 + \alpha\tau)$. «Что это за ρ, v, α, τ?», воскликнул бы греческий философ. – «Нравится Вам или не нравится, но это – так: это – символическое выражение закона Шарля и Бойля, проверяемое опытом...» Так ответил бы физик-ученый.

Поймите: деление на *скрытое* и *явное* – деление, которое Вас шокирует, есть деление, основанное не на желании спрятать, а на невозможности доказать толпе, отрицающей то или другое без проверки. Но дело не в том, что оккультисты прячут проверку; дело в том, что условия проверяемости требуют здесь от желающего проверить полного изменения своих привычек и обычных схоластических предвзятостей, т. е. полной объективности спокойного неполемического зрения и изготовления *прибора*. Представьте себе человека, абсолютно не верящего в то, что при критической температуре *вещество* прямо, мгновенно из жидкого состояния переходит в газообразное (обычный опыт, показываемый

студентам-естественникам первого курса); профессор физики говорит такому неверующему: «Я вам могу это доказать не на словах, а на опыте». Неверующий: «Хорошо, покажите: пойдемте в кухню, я дам вам воды, вскипятите ее так, чтобы пара не шло и чтобы вода мгновенно исчезла из кастрюли». Профессор физики: «Я вам не могу это здесь показать: мне нужен прибор». Неверующий: «Какой такой прибор: слова о приборе, ссылка на отсутствие условий опыта увёртка». Профессор физики: «Я с вами спорить бессилен, приходите ко мне завтра в лабораторию». На другой день в лаборатории профессор объясняет: «Видите этот крошечный сосудик: здесь запаяна жидкость в пространстве, где разрежен воздух; сосудик находится в условиях необычайного давления; теперь я нагрею до соответственной температуры, и сразу жидкость превратится в газ». Неверующий: «Да, но сосудик мал, и не видишь, что произойдет там; далее, сосудик ваш находится в системе стеклянных сосудов, и его нельзя взять и поднести к глазам». Профессор: «Не беспокойтесь: сядьте сюда – я направлю луч из волшебного фонаря на сосуд и отражу его на экране в увеличенном виде: видите? Вот сосуд: вот эта черта на экране есть граница жидкости... Я нагрел – видите, граница мгновенно исчезла...» Неверующий: «Это всё какие-нибудь фокусы... Я требовал осязаемости: вместо этого вы сосудик от меня спрятали под стеклянный колпак; я глазами не видел, как жидкость мгновенно перешла в газ: я видел лишь, как на экране мгновенно исчезла черта; почем я знаю, что там произошло в сосудике...» Профессор: «Я вам показал реальный опыт, научно обставленный; но вы опыт находите нереальным: простите – я полагал, что вы прошли гимназический курс физики; оказывается, вы не знаете, что есть опыт. Подите, поучитесь, а пока я на все ваши возражения буду отвечать вам молчанием». Неверующий: «Это не ответ: вы просто прячете доказательство; явное делаете тайным, чтоб морочить людей. Да оно и понятно: где видано на земле, чтобы жидкое мгновенно переходило бы в газообразное: будь это так, Атлантический океан мог бы мгновенно исчезнуть...» Профессор: «Будь возможность сам океан заключить в систему подобных сосудов, с ним произошло бы то же, что с этой капелькой жидкости. В принципе океан

может мгновенно исчезнуть». Неверующий: «Шарлатан вы: вы говорите ерунду; (к окружающим:) господа – профессора морочат народ: бить их» (далее происходит университетский погром). Сопоставьте предшествующие мои слова о *тайной науке* с этою сценою, и Вам станет ясна моя мысль. Делаю транскрипцию этого разговора: *Адепт тайной науки:* «Эфирное тело есть». Профан: «Оно недоказуемо». Адепт: «Извините, оно доказуемо». Профан: «Доказуемость в опыте». Адепт: «Эфирное тело доказуемо *на опыте*». Профан: «Покажите мне его на опыте». Адепт: «Для этого нужно, чтобы *лепестки лотоса там-то* в вас задрожали, а для этого нужно, чтобы вы вели такой-то образ жизни, нужно очищение вашего тела и не только физического, но и эфирного, но и астрального: нужно моральное стремление, сочетаемое с тем-то и тем: это и есть та лаборатория, в которой убеждаетесь вы в существовании эф<ирного> тела...» Профан: «Я хочу тотчас же». Адепт: «Т. е. вы хотите грубыми средствами, разрушающими здоровье и этику, удовлетворить свое любопытство; извините, я не могу вас удовлетворить: это было бы колдовством, а с колдовством, гипнозом и порабощением воли оккультизм не имеет общего...» Профан: «Хорошо, я согласен учиться...»

Проходит год.

Адепт: «Вы видите *то-то и то-то,* вы испытываете при этом *то-то и то-то.* У вас были такие-то и такие-то моральные переживания. Болело здесь, здесь и здесь: после чего вы стали физическими глазами видеть *такое-то* истечение». *Профан*: «Совершенно верно, откуда вы это знаете?» Адепт: «Странный вопрос: я знаю, ибо это всё есть просто знание физиологии, знание физиологической зависимости физического тела от эфирного. Наука предсказывает затмения, оккультист ученику рассказывает то, что этому последнему кажется субъективнейшим субъективнейшего в себе... Истечения такого-то цвета?» Ученик: «Не совсем такого-то». Адепт: «Стало быть, вы сделали такую-то ошибку, вы не так делали медитацию в этом-то месте». *Профан*: «Я делал *то-то*». Адепт: «Не совсем то. Надо делать то-то и то-то. Приходите ко мне через месяц: тогда мы двинемся далее». *Профан*: «Я позволю напомнить вам, что год назад вы

сказали, что я увижу эфирное тело, а я увидел и узнал бесконечно многое, но совсем другое: *то-то* и *то-то*». Адепт: «Позвольте: *то-то* есть слабое видение вашего эфирного мозга». *Профан*: «Я себе не так представлял». *Адепт*: «Вы себе представляли неверно». *Профан*: «А чем вы докажете, что эти *течения* эфирные?» *Адепт*: «Я докажу это только тогда, когда у вас будет *то-то* и *то-то*, когда *объект* ваших опытов обрисуется точно». *Профан*: «Я не хочу больше ждать». *Адепт*: «Вы хотите воочию убедиться в достоверности опытного принципа, не имея еще опытных данных; согласитесь: трудно в физике доказать кинетическую теорию газов тому, кто только всего и знает, что тела, погруженные в воду, теряют вес, равный объему вытесненной жидкости: у вас нет терпения продолжать учения». *Ученик*: «Я вам не верю: вы шарлатан». Адепт: «Я с вами заговорю лишь тогда, когда вы окончите среднюю школу оккультизма...»

Проходит 2 месяца и... профан печатает: *«Разоблачение тайной науки»*, в которой доказывает, как он постиг методы оккультизма и пришел к выводу, что *оккультизм* – самогипноз.

И люди века сего восклицают: «Видите, видите: мы всегда говорили...»

Вот почему создалась естественно та стена, которая отделяет *тайную науку* от *просто науки*. Джордано Бруно был сожжен на костре физическом за то, что был впереди века. Тайная наука остается *всегда впереди:* и потому-то ее удел – костер смеха вокруг нее. Но граница между ней и просто наукой постоянно передвигается; граница эта изменяется в зависимости от эпохи, нации, периода времени. Последняя глубина *Geheimwissenschaft* головокружительно опасна *для слабых* (*динамит*, полезный только в руках *морально развитого* мейстера и гибельный, когда попадает в руки *товарища: динамит* – средство взрывать граниты, загораживающие путь; в руках у *товарищей* динамит – средство взрывать людей... Достанься *тайное знание* в руки морально нетвердого общества – оно разорвало бы и человечество, и земной шар); а окраины *Geheimwissenschaft*, пограничные с жизнью, постоянно меняют свои контуры; так основы современной науки, теория вращения планет, объединяю-

щая воедину и Птоломееву систему, и систему Коперника, были достоянием *Geheimwissenschaft*, которая сознательно сперва пустила в оборот систему Птоломея, а потом систему Коперника; бывшее *тайным стало явным;* обратно – излечение морально эфирным током было вовсе не тайным: были медицинские институты *явные,* учившие* излечивать наложением рук. Одно время (не теперь) эти примитивно-явные знания отошли в область тайного (граница передвинулась здесь в обратную сторону). Эти передвижения границ между явным знанием (Земля – шар), так сказать явным (скульптурная формула Вейерштрассе), так сказать тайным (проблемы изучения действия мыслей на расстоянии) и просто тайным 1) обусловлены моральной недисциплинированностью среднего человека, 2) созданы как ограда для блага среднего человека, 3) эти передвижения границ совершаются во имя спасения человечества ради тактических целей. И даже: первые этапы *тайного,* намечаемые в культуре мистерий, также меняются во имя среднему человеку недоступных благих целей; так: мистерии Индии суть культура эфирного тела, Египта – культура астрального тела; мистерии христианства – культура человеческого «*Я*» и т. д.

Повторяю: границы, отделяющие *явное* от *тайного,* естественны, а не насильственны и обусловлены *знанием, мудростью* и *светом,* а не хаосом, тьмой неизвестности и экстазом.

Вы пишете: «Главный мой вопрос – это оккультизм? Все дело не в цели, а в средствах. Так вот мой вопрос, который я не критически холодно себе задаю, не осуждаю чего-то... а просто спрашиваю и со страхом и, каюсь, недоверием! Привыкла верить яркому солнцу, а ночь хотя и манит, но Бог знает какая там нечисть живет! А тут не всё на солнце, иначе почему тайное?»

Я надеюсь, что вышенаписанное мной есть ответ на слова, почему не *всё на солнце.*

Итак, что есть солнце? Глаз наш, ощупывающий солнце, или животворное действие тепла солнечных лучей –

* *У Белого описка:* лечившие.

тепла Христова. Прежде всего проблема о *тепле* и *Свете*. Свет Свету рознь: свет ледяной снежной равнины, когда солнце за облаками, есть *свет* без тепла, но солнечный. Тепло молитвы Иисусовой, произносимой в темной комнате и физически даже ощутимой, как тепло в груди и в сердце, есть *тепло* без физического света.

Итак, что есть свет? Что есть *тепло*? Что есть Свет без тепла? Что есть *тепло* без *света!* Что есть *свет и тепло*?

Постараюсь подробно ответить по крайнему разумению, но сперва отвечу, как я отношусь к слову *«оккультизм»*.

Милая, после недельного перерыва возвращаюсь к письму (в середине лежит кёльнский курс Доктора *«Багават-Гита и послания апостола Павла»)*[8]: итак, слово *«оккультизм»* не волнует меня, не связывает: это не *«оккультизм»* заставил меня, бросив все, сесть у ног Доктора покорным учеником; но и оккультизм не то, что Вы себе представляете: это не какое-нибудь волхвование, упрятывание тайны, а известный познавательно-практический путь, обставленный опытами и обучением, как *всякая наука*; разница между точной наукой и оккультизмом та, что благодаря особым условиям праксиса *объект* тайной науки (оккультизма) безгранично деликатнее и сложнее, нежели всякой другой объект естественной науки; поэтому и профессора этой науки очень, очень редки; и методы естествознания с их микроскопами и телескопами составляют нечто *носорожье* по сравнению с деликатными и чувствительными *«приборами»* окк<ультной> науки (приборы эти, так назыв<аемые> *цветы лотоса,* суть органы нашего более тонкого тела, и их мы должны сорганизовать предварительно особыми приемами, даваемыми учителем). *«Тайная»* наука – название историческое, традиционное; *«тайными»* науками прежде считались и математика, и физика, и знание электричества. Вы знаете, что суть науки не в термине: *физикою* прежде называли и науки, составляющие ныне предмет зоологии, физиологии; а современная физика скорее не физика, а

динамика; современная *биология* скорей *гистология* и *эмбриология;* но мы говорим *физика, зоология,* сохраняя за наукой сместившийся уже исторический ее термин; таким же историческим термином является *оккультизм,* ибо *оккультисты* вроде Кунрата, Гельмонта, Парацельса были не только историческими предтечами новой науки и новой философии, но и владели многими знаниями чисто практического, действенного познания: т. е. был момент, когда передовые гении человечества в смысле теоретического мышления были еще, кроме того, соединены в *тайное братство* (розенкрейцерство); оккультистами были те, кто соединяли знание о природе внешней со знанием о природе души; последующий разрыв между *этими знаниями* в силу ряда сложных, необходимых исторических условий и создал искусственное деление на *тайное* знание и *явное* знание; противоположение между тем и иным смешно.

Противоположение это усиленно раздувается *носорогами* от науки и шарлатанами от оккультизма. *Оккультизм есть наука:* и она не прячется; на циклах Доктора сообщаются *почти на площади* (при 500 аудитории) вещи оккультнейшего порядка; не забудьте: эти 500 человек (почти площадь) состоят частью из людей, которые сами состоят в ученичестве у Доктора, частью принципиально не предубеждены против «*Geheimwissenschaft*»; частью это просто неболтливые люди; *тайна* тут только в том, что лекции Доктора изъяты из публичного обихода и изданы на правах рукописей; но это на том же основании, на каком *рел<игиозно>-фил<ософское> О<бщест>во* не собирается в Моск<овском> Художественном Кружке. Совр<еменное> О<бщест>во настолько погрязло в предрассудках, что сообщать ему нечто, требующее для восприятия и еще моральной работы над собой и проверяемое лишь на личном опыте, – сообщать это значит воистину кощунствовать. Доктор от толпы не прячется: каждые две недели в Берлине он не только читает публичную лекцию, но и пространно отвечает с кафедры на все предложенные вопросы. Доступ к *оккультизму* открыт: нужна только добрая воля и личная инициатива; и далее: *терпение в работе* и доверие, что терпеливо и безуспешно веденная работа в один день

даст свои плоды. И так нетерпеливость, недоверие, отсутствие доброй воли и личной активной инициативы со стороны критиков *Geheimwissenschaft* может породить впечатление, что тайная наука для чего-то *упрятывается* под спуд. *«Оккультизм»* в смысле Вашего письма не существует.

Нельзя же ведь в самом деле опытно работать в лаборатории со студентом, предлагающим профессору вопрос: «Почему атомный вес серы *32,* а не *33*?» Профессор на это ответит: «Оттого, что *32:* это факт, а не размышление: я нисколько не виноват, что ваше желание, чтобы вес атома серы был = *34* по сравнению с водородом, не осуществимо, ибо вес серы = *32;* и это так; вам это может нравиться и не нравиться; мне тоже может это не нравиться, но *факт остается фактом»*.

Вспоминаю, как некогда Гр<игорий> Ал<ексеевич> Рачинский кому-то говорил: «Почему 16 лепестков у такого-то цветка Лотоса, а может быть 18?» Вопрос Гр<игория> А<лексеевича> Рачинского есть тот же вопрос студента. Доктор на этот вопрос лишь ответит: «Я не виноват, что такой-то орган астрального тела так-то построен: спросите об этом у Господа Бога: я не Господь Бог, но я изучал анатомию астр<ального> тела; и не я один, а все изучавшие считались с такою-то анатомической формой, а не эдакой». Поймите: возражения, подобные приведенному, отскакивают от *тайной науки,* как досужее схоластическое измышление отскакивает от *факта,* или как горох от стены...

Теперь, когда и мы с Асей стоим у преддверия опытной части Geheimwissenschaft, невыразимо смешны иные теоретические опровержения положений Доктора; например: в известном месте он говорит: «Таков факт, проверяемый (путь проверки остается открытым)». А на факт возражают: «Совместимо ли это умозрение с каноном ортодоксальной церкви?» Здесь опровержение Доктора *умозрением* для меня уже сейчас просто смехотворно и напоминает возражение современников Николаю Копернику: «Совместимо ли с достоинством Славы Божией, избравшей Землю центром вселенной, что Земля, центр вселенной, бегает вокруг солнца?» Вы понимаете, что исследования Коперника ни умаляют Славу Божию, ни явно доказывают ее, ибо исследования

эти и исследования *Славы Божией* несоизмеримы: методы несоизмеримы. Мы это знаем теперь хорошо о Копернике; но то же надо сказать и об оккультизме.

Оккультизм *позитивен,* а не *спекулятивен,* и он ни задевает религию, ни строит ее; просто оккультизм несоизмерим с *телеологией*; связь *что* оккультизма с *для чего* – это уже метафизика Доктора Штейнера; в *метафизике* своей он философ, как всякий другой; правда, он строит мост: от оккультизма, как науки, к метафизике и философии истории, от этих последних к мистике и от этой последней к религии и обратно. Но мосты строил и Вл. Соловьев.

Поймите: назвать Штейнера оккультистом можно: С. Н. Булгакова можно назвать *политико-экономом,* меня – *естествоиспытателем,* Достоевского – *инженером,* Ницше – профессором филологии; но смысл деятельности С. Н. Булгакова – религиозно-философская деятельность, лишь косвенно отражающаяся на специальности С. Н. (политическая экономия); смысл деятельности Достоевского – религиозно-художественный; я – кто я? Я могу писать статьи, стихи, романы, критику; но могу быть и естественником (когда-то писал рефераты по физике и зоологии). Я и сейчас могу взять и написать статью: «О период<ической> системе элементов». Кто я? Географ? Химик? Поэт? Критик? Беллетрист? Доктор Штейнер: ученик Геккеля[9] и прекрасно осведомлен о последних научных открытиях; кроме того: два года он писал в газетах рецензии на книги поэтов и на театр; специальность его – *Geheimwissenschaft*, но он имеет пламенные религиозно-философские убеждения.

Ныне я учусь у Доктора Штейнера предмету его специальности: я ученик его в *Geheimwissenschaft*, как был я учеником проф. Анучина и писал последнему сочинение об *«Оврагах»*[10]. И поскольку *«физическая география»* не изменила ни капли мои религиозные, эстетические убеждения, постольку *Geheimwissenschaft*, как бы я ни отдавался ей, оставляет неизменными мои симпатии и антипатии в других сферах знания и мысли; но те приобрет<ен>ия в чисто опытном пути, какие могут для меня встретиться, конечно могут влиться и в мои философско-эстетические взгляды, подобно тому, как любовь к естествознанию отразилась

(надеюсь, ко благу) в творчестве Гёте (*«Избирательное сродство», «Теория цветов»,* «Позвоночная теория черепа»[11] и т. д.). Можно ли сказать: естествознание поработило волю Гёте? Не сказать ли наоборот: оказало воспитательное значение.

Поймите: оккультизм для меня средство, как и для Доктора средство. Доктор – оккультист; но и – религиозный проповедник, и мистик, подобно тому как С. Н. Булгаков политико-эконом; но религиозность С. Н. ретроспективно преломила его политические взгляды, как прежде *политическая экономия* влияла на путь, на тонус подхождения к религиозной проблеме вообще; так *оккультизм* Доктора оказывал влияние на *тонус* его касания проблемы религиозной; и обратно: христианская проповедь Доктора отражается ныне на взглядах его о задачах и целях Geheimwissenschaft. Оккультизм и религия в той же мере соприкасаемы, как соприкасаема религия с вопросами политической экономии: *соприкасаемы,* ***но не**** смешиваемы. И мое доверие к Доктору в сфере *Geheimwissenschaft* соприкасаемо с моим восторгом по отношению его мистической и религиозной миссии: соприкасаемы, но не смешиваемы: в области *Geheimwissenschaft* я учусь у Доктора; в областях мистики, религии я восторгаюсь, соглашаюсь, спорю, сравниваю свою точку зрения с его, беру что мне надо, и т. д. *Учение* и любовное доверие, *Geheimwissenschaft* и индивидуальная мистика Доктора не смешиваются в душах его *учеников; свобода* личного почина, свобода мысли, отношения к Доктору безграничны; инициатива личная, творчество личное лишь окрыляются у Доктора: кто этого не понимает, тот ничего не понимает ни в Докторе, ни в *ученичестве* у Доктора.

Те или иные методы окк<ультной> работы *мне нужны:* и Доктор, давая мне указания, уподобляется профессору, дающему указания ученику, ведущему самостоятельную работу по химии: профессор может дать, как опытнейший, совет, так-то загибать стеклянную трубочку, так-то выпаривать жидкости: но эти указания технические, не влияющие на выбор и род работы. Ни о каком монастыре, ни о какой

* *Подчеркнуто трижды.*

отдаче воли не может быть речи; если я – земля, на которой растут цветы, то я – земля – могу просить химического удобрения; те или иные советы Доктора касаются о характере удобрения земли: а что на этой земле растет: цветы или чертополохи, это уже от меня лично зависит.

Ваши слова об отдаче воли вполне понятны, ибо они естественно возникают в тумане московского, предвзятого, химерического, *умственного и только умственного* представления о Докторе и его пути. Следует лишь раз лично увидеть Доктора или раз поговорить с ним, чтобы понять *беспочвенность* и *схоластичность* мнения, будто дело Доктора – монастырь, а не строительство новой, *религиозной* культуры, а путь к Доктору – отдача воли, вместо увеличения творческой независимости.

Да вот Вам: «Ни один учитель эсотеризма, давая эти правила (т. е. медитации, концентрации, контемплации[12]), не имеет в виду посредством них господствовать над людьми... Никто не ценит и не охраняет человеческую самостоятельность, как учителя оккультизма... Орден, обнимающий всех посвященных, окружен стеной... Если же посвященный выступит из замкнутого пространства наружу и войдет в общение с людьми, тогда для него входит в силу третий строгий закон: *"Наблюдай за каждым твоим действием и... словом так, чтобы через тебя ни один человек не испытывал давление на свободное решение своей воли"...*» (*«Путь к Посвящению»*, русск<ий> пер<евод>, стр. 64)[13]. И далее: «Кто убедится, что учитель эсотеризма проникнут именно таким настроением, тот не будет опасаться за свою самостоятельность, когда последует практическим правилам, которые ему предлагаются» (Там же, стр. 64). Убедился ли я, что это так? Слишком убедился, ибо слишком видел людей вокруг, трагедия которых не в том, что Доктор связывает волю, а в том, что не берет настойчиво предлагаемой воли и уклоняется влиять на то или иное решение.

А что Доктор Штейнер – посвященный, то это так же мне ясно, как, напр<имер>, то, что Ницше *не бездарность*. Это уж – позвольте *мне знать:* живя в *быту* окружения Доктора, мы привыкли просто смотреть на *такие факты* доказательства этого, что приходится усиленно *заграж-*

дать свои уста молчанием, дабы не прослыть даже перед ближайшими друзьями лгуном. Ведь *мы,* ученики Доктора, находимся под непрерывным дождем *явлений,* из которых каждое в *мире сем* сочли бы за чудо: *и вот то, что мы молчим об* ***этом***, дабы нас не назвали лгунами и дабы тень шарлатанизма от наших сообщений не пала на Доктора Штейнера (ибо даже Вы мне не поверили бы, если бы я Вам рассказал все реально-чудесное, бывшее с нами за эти 8 месяцев) – это вот *вынужденное молчание,* тягостное (ибо тут нельзя говорить, а надо вместе *видеть* и *осязать,* т. е. прийти к Доктору) и является тем *удивляющим* фактом, что ученика Доктора Штейнера можно обливать градом доказательнейших рассуждений о том, что штейнерьянство схоластика, что оно отвергает благодать, что оно – без творчества, схематично: ученик Доктора Штейнера, если он *реальный* ученик, а не только член его О<бщест>ва, – ученик Доктора Штейнера будет сидеть и молча улыбаться: слыша *умствования*, он будет вспоминать *пережитые факты;* и вместо всякого возражения скажет: «Поехали бы Вы сами к Доктору, а потом и поговорим».

Несоответствие книжной критики и досужего разглагольствования по поводу напечатанных его книг с реально пережитым и благодатно чудесным – вот глубокий непереступаемый ров между учеником Доктора и неучеником.

Вопрос о том, знает ли Доктор, куда ведет он (Ваш вопрос), есть в сущности вопрос о том: посвященный ли Доктор?

Я тут не могу убеждать или разубеждать, а Вы не можете ни верить, ни не верить. Я могу лишь свидетельствовать: *«Да, – он посвященный»*. И как всякое реальное свидетельство, свидетельство мое будет текстом из послания Ев<ангелиста> Иоанна: *«О том, что видели, что осязали руками своими»*[14].

Противники Доктора всё только говорят, а ученики его молчат, но: *«видят и осязают»*. Оттого-то вечное недоумение спорщиков: им кажется, что они в лоск уложили штейнерьянство, а ученик Доктора (видят они) глазом не моргнет. Тогда спорщики говорят: «Штейнерьянство гибельно отра-

жается на самостоятельности, порабощает волю и мысль». Они не подозревают, что не в штейнерьян-«*стве*» дело, а в личности *посвященного*. Доктор Штейнер так же далек от нарисованного образа его, встающего со слов очевидцев, случайно соприкоснувшихся с ним, книг или рассуждений, как *Монреальский Собор,* около которого *для которого* прожили мы 10 дней в холодной комнате, от открыток, изображающих собор, которые мы посылали в Москву[15]. Мне не нравится открытка, скажет Г. А. Рачинский; мне не нравится сам собор, скажет Э. К. Метнер; возражение Гр<игорию> Алексеевичу: на открытке ложно расположены краски; возражение Э. К. Метнеру: вы увидели внешность собора, а внешность – арабская; и вы прошли мимо; внутренность же собора – ослепительная византийская мозаика.

Монреальский собор – Доктор; открытки собора – напечатанные книги и даже... циклы (допустим); внешность собора – Доктор Штейнер на публичных лекциях и при мимолетном общении.

Теперь возьмите историю искусств, и Вы увидите: монреальский собор знаменит своей внутренностью: внутри его – *лучшая византийская мозаика мира.* Внутренность штейнерьянства, его священная мозаика есть глубокохристианский, катастрофический смысл самой личности Доктора; *теософия Доктора* – арабская внешность христианского собора (кстати: Доктор всё порвал с *теософией:* восточную мудрость он назвал засохшей смоковницей); а *Geheimwissenschaft* – искаженные открытки собора.

Вот видите, сколько, родная; и все – по поводу одного слова: «*оккультизм*». И это все для того, чтобы Вам стало ясно, как день, что я не хочу ни преувеличивать значения этой области знания, ни смешивать оккультизма с религией; ни, тем более, преумалить объективного значения для культуры будущего истинных форм этой науки. Действительно: если оккультизм есть наука, т. е. если он опирается на *опыт,* как научная систематика этого опыта, его значение громадно. Для профанов и теоретически судящих об оккультизме его и вовсе не существует; для нас, учеников

Доктора, он – есть (и на отрицание факта его существования мы, ученики Доктора, заявляем: приходите к Доктору, поживите с нами, в нашей рабочей атмосфере – так сказать, в лаборатории – и вопрос для Вас сам собою решится); а раз он есть – есть как наука, то громадное значение его для анатомии, физиологии человеческого тела (хотя бы) громадно: теперь *микробиология* и *бактериология* говорят нам о деятельности микроорганизмов и о роли их в жизни физического организма; борьба болезней переносится к борьбе с источниками болезни: путем регулирования деятельности микроорганизмов в теле Мечников создает мечту о возможности удлинения человеческого возраста. Теперь перенесем расширенный в бактериологии диапазон медицины на почву оккультизма, сопоставим учение оккультизма, основанное на *опыте,* что самый физический организм есть уплотненное элементное тело, что физическому сердцу соответствует эфирное и что связь между тем и другим такая же, как между водой и плавающим в ней из нее выкристаллизированным куском льда, что, работая над эфирным телом, сознательно управляя и организовывая последнее, мы чрез организацию последнего приближаемся по-иному и к физическому – поймите связь тел, поймите, что анатомия и физиология подлинного телесно-многосоставного человека значительно отличается от тех обрывков физиологии и анатомии, которые установимы при анализе видимого тела физического, и Вы на этом лишь положении согласитесь; и скажете: «При условии существования эфирного тела это значение оккультизма, как *знания лишь**, *безмерно*». Но для ученика ок<культной> школы существование эф<ирного> тела (даже для меня) есть не только доказанный, но *и лично проверенный* факт: следовательно, *условность* существования превращается для меня в научную истину; следовательно – роль оккультизма как науки будущего – в будущем превосходит для меня все смелые сны, какими бы явились для человека XV столетия достижения естествознания XIX столетия. Изображаю графически соотношения тел; объективно, в пространственном отношении каждое тело более ниже ле-

* Область веры и религиозный момент я пока для простоты исключаю из оккультизма. *(Примеч. Белого.)*

жащего: если «а» физический человек, то «b» эфирный:

, «с» – астральный[16]:

и т. д. Эти высшие тела, так сказать, торчащие из физического, пронизывая *тело* физическое и *проницая* друг друга, относятся друг к другу, как *лед* к *воде, вода* к *водян<ому> пару,* пар к *газу* и т. д. и составляют окружение человека, т. е. его *ауру* (видную при известных упражнениях); но, взяв, например, сердце, мы можем, принимая во внимание принцип пронизывания одного тела другим, вместо существующей анатомической схемы: физическое сердце дать следующую схему:

Видите: вся схема меняется: методы медицины будущего (ныне еще зародыши ок<культной> медицины) деликатнее и тоньше. Если же принять во внимание, что чем выше восходим мы от тела к телу, тем более кровна связь между природно-*законным* и *морально-настроенным,* вопрос о связи усложнится. Оккультизм рассматривает подлинное *«Я»* как монаду, лежащую на границе между *тонкой телесностью* и чистым духом; все, что ниже *я*, душевно, и далее: душевно-телесно; и наконец телесно; выше – надындивидуальная стихия духа в человеке и мир ангельских иерархий в его окружении. Но дуализм между телесным и духовным в *«я»* пропадает: *«я»* – не раздвоено.

Такова схема:

h сфера надындивидуального
g f e сфера «Я»
сфера душевного
d сфера тонкой телесности или телесной душевности
c
b
a тело

Мною расставлены буквы:

«*a*» физическое тело,

«*b*» эфирное тело, тело воспоминаний (эфирный мозг подлинный орган мышления, а физический мозг грубейший инструмент),

«*c*» астральное тело – тело *чувства* (ибо самые элементарные чувства есть все еще телесная материальность),

«*d*» *тело мысли* (ибо и обычная мысль есть sui generis материализация),

«*e*» подлинное *я*

и т. д.

Видите: «*Я*» приподнято над телом, мыслью, чувством; даже мысль лишь телесность; и, приняв во внимание проницаемость тел друг другом, мы для нормальной оккультной работы должны для телесного *воочию* наблюдения над объектами оккультизма работать уже в области морального очищения себя; такая мораль – мораль оккультизма – есть даже еще не мораль, а просто гигиена; и ей грош цена, но если такой морали *грош цена,* это не значит еще, что за пределами оккультизма, как науки, нет морали, что оккультизм аморален: наука ни моральна, ни аморальна в смысле высокой человеческой морали; оккультизм Доктора *личную этику* низводит с высокого пьедестала *морали* до понятия *гигиены* и мер предосторожности (не кури над бочкой с порохом, не уплотняй мысли низменными мыслями и т. д.) для того, чтобы в метафизике и *религии* принять как мораль безграничную *божественную любовь.*

Воспитание же в себе монастырской, лично-эгоистической морали как цели Доктор осуждает: вот что Доктор говорит про *такую мораль,* мораль, взятую как *иога:* «Люди, идущие исключительно путем *иоги,* быть может, и находят в себе душевное тепло, но они уже не умеют передать своего тепла другим; блеск и великолепие мира для них гаснет; мир отваливается от них; они остаются в самих себе: такова участь многих современных *иогистов;* гордые собой, эгоистически замкнутые в своих восторгах, они скитаются среди нас какими-то бледными тенями, не понятые никем, не понимающие никого» (Из кёльнского курса).

Нечего говорить, что сам Доктор – полное воплощение противоположного: с утра до вечера с людьми, десять лет

разрываемый на части, едущий с лекции на курс, с курса на лекцию, спящий в поезде, десять лет объезжающий Европу: да вот хотя бы последний кусок внешней деятельности Доктора. *Август:* пишет новую мистерию[17], ставит все три мистерии (каждый день две репетиции, в промежутке этого времени: ряд интимных свиданий; ночью пишет и (это между нами) является в снах ученикам); с 17 августа мистерии[18]. С 20-го августа курс лекций «О посвящении»[19]. *Сентябрь.* После мюнхенского цикла 10 дней работает в Мюнхене, за это время принимает 260 человек, из которых каждый ему несет *последнее.* С середины сентября курс в Базеле[20]; в Базеле 150 свиданий; после две недели отдыха; и далее: читает публичные и интимные лекции в Лугано, в Милане[21]. *Октябрь.* Разражается история с Безант[22], секретарские обязанности; едет на лекции в промежутке в Лейпциг и Гамбург[23]. Читает через две недели лекции в ложе и через две недели публичные в Берлине[24], правит корректуру нового издания Geheimwissenschaft[25], проглатывает ряд книг (ибо за всем следит лично), организует *«Антропософическое Общество». Ноябрь*: лекции в Берлине, маленький курс в *Мюнхене*[26] (на свидании у Доктора вечно толпа ждущих приема: по 20–30 человек ждут часами). И опять: лекции в Берлине. *Декабрь:* ряд лекций в Берлине. Ряд лекций в Швейцарии: Цюрих, Берн, Невшатель и еще в каких-то швейцарских городах[27]; летит к Рождеству в Берлин, где опять-таки ждут: публичная лекция, интимная лекция в ложе, рождественная лекция в Ложе, наконец праздничная лекция в Ложе для одиноко себя за границей чувствующих иностранцев-теософов (для нас в том числе)[28]. И тотчас же кёльнский курс (5 лекций и 2 публичных). Вчера ночью мы приехали, потрясенные курсом (мы разбиты, лишь слушая Доктора), а уж завтра – лекция в Ложе, через 3 дня публичная лекция *«Миссия Рафаэля»*[29]; а уже недели через две-три новая поездка Доктора: в Лейпциг, в Вену, в ряд австрийских городков и оттуда в Штутгарт[30]; на немецкой Пасхе, кажется, новый большой курс в Амстердаме, потом в Риме и т. д.[31]

Вот обрывок (за несколько месяцев) общественной деятельности Доктора; а ведь так Доктор – 10 лет. За это время прочтены сотни публичных лекций, десятки тысяч

прошли интимных свиданий и десятки интимнейших, головокружительных курсов. Во время писания мистерии в Мюнхене Доктор *полтора месяца фактически не имел времени спать*. При этом: быстрый, гибкий, моложавый, общительный, веселый; на лекциях голос гремит; в глазах *такой любви* к человеку я ни у кого, никогда не видал: на Рождестве он так говорил о любви, что нам с Асей, *видавшим виды*, просто, по-мужицки–по-дурацки, хотелось *реветь* от хорошего, хорошего чувства. Принимая сотни людей, каждого отпускает потрясенного, радостного: вокруг этого человека постоянно водоворот изменяющейся человеческой судьбы: блудники, грешники рыдают и каются; умные умаляются и говорят *«что мудрость века сего»*[32], небольшой, обиженный судьбой человек *около* Доктора начинает расти.

А Вы, милая, о какой-то там катакомбе, о гиератизме: Доктор не потому для меня *гиерофант,* что в его книгах можно вычитать жест мудрого величия, а потому он для меня *учитель,* что всею жизнью своей он только и делает, что омывает больные и усталые ноги учеников.

А у нас в Москве, покуривая, за чаем занимаются тем, что, не понимая, не видя, не зная этого человека, рождают умственную канитель, не имеющую ничего общего с Доктором. Неудивительно: ученики Доктора Штейнера, слушая многие *«умные»* рассуждения о якобы гиерофантической деятельности Доктора, только молчат: если бы поняли источник того равнодушия, с каким Петровский, например, слушает речи о *«штейнеризме»* и преспокойно себе молчит, потягивая чай, то, ей-Богу, смутились бы.

Ведь у меня редкая способность: писать письма в 40 страниц, объясняющие о Докторе то, что для учеников Доктора есть само собой разумеющееся.

Ибо само собой разумеется: «оккультизм» Доктора, его *«посвященность»* и *«мудрость» осветлены и согреты для нас его мирской деятельностью, самоотвержением и безмерной, христианской любовью к человеку.*

Многообразнее этого человека я не знаю: в промежутках между *всем* важным он – возится с детьми, выкапывает

и ставит крестьянское прославление Рождественской Звезды по образцу крестьянских мистерий Венгрии, занимается лично смешением красок, читает египетские гиероглифы, изобретает какие-то новые краски, прекрасно знает историю живописи; по его методу где-то построена мельница с новою системой вращенья колес. Доктор Штейнер: математик, естествоиспытатель, знаток Гёте, любитель Новалиса, лично знакомый с немецкими поэтами-модернистами, бывший знаток театра, бывший воспитатель (воспитал *идиота:* теперь *«идиот»*, кажется, разумный человек); кроме того, он дает указания Доктору Пайперсу (ученику), как пользоваться методами оккультной медицины, лично знает целебные свойства растений. А вот из области анекдотического: для одной из поставленных мистерий нужна была картина: краска не удавалась художнику; представьте: в 2 часа написал картину – сам: и со сцены, издали, она выглядела преинтересно; на репетициях – сам завертывал складки костюмов. Подумайте: я тащу Доктору толстые тетради своих схем, и Ася – тоже, Эллис – тоже; каждый несет ему свое.

Да поймите же, родная: оставляя в стороне все вопросы *оккультизма, посвящения, мудрости,* мы все-таки остаемся с чудом: *с Доктором Штейнером.* Ничего прекраснее, солнечнее, горячее, энергичнее, радостнее Доктора Штейнера я не знаю.

Ей-Богу, не преувеличивая: он – сам радостный, всевдохновляющий Свет.

Родная, хорошая: ведь мое письмо сущее безобразие; и при том заметьте: все оно отвечает *лишь* на один Ваш вопрос: «Что такое оккультизм». Ответ: *«оккультизм – не путь»,* но Доктор Штейнер путь, ибо его учение о значении *Geheimwissenschaft* лишь первое периферическое его окружение.

В чем его *Путь,* это будет предмет следующего моего письма. А теперь ответьте: удовлетворены ли Вы моими словами о нашем отношении к оккультизму. Я хочу, чтобы наши письма друг другу были деятельны в смысле взаимного понимания друг друга.

Итак; мои тезисы: 1) Оккультизм – не путь.
2) Оккультизм – наука.
3) Д<октор> Штейнер не только оккультист.

Оспаривайте!...

О том, что он и кто он, я буду писать впоследствии, как и о том, что есть *свет, тьма, солнце, тепло* (т. е. о другом поставленном Вами вопросе).

Пока же я ответил на первый.

Теперь деловая часть.

Вижу Вас, родная: и вижу – Вы говорите: «Б. Н. увлекается. Доктор Штейнер для него какое-то чудо». Но ведь вот: не трудно поверить, что такое многообразие и солнечность, как Доктор, описанный мной, пленяет; но трудно поверить, что Доктор, описанный мной в многообразии своих проявлений, есть бледная схема подлинного Доктора. Если Вы поверите, что это так, то Вам будет понятно несколько *ироническое* молчание учеников Доктора меланхолического темперамента при критике книг или деяний Доктора; и Вы поймете мой холерический восторг при описании Доктора и всю мою досаду, что радость моей веры в *чудо*, называемое Доктором, не разделяют любимые лишь по *неведению*, т. е. случайно...

Милая, родная Маргарита Кирилловна: я хотел писать об одном деле: о том, почему так долго я не представляю «*Пути*» работы[33]. Сказать внешне об этом не хочу; хочу Вам описать подробно, как мы живем изо дня в день, как устаем, как много работаем, чтобы *реально* почувствовали Вы, что мои оправдания и извинения в столь долгой медлительности не увертка, а совершенно реальны. Но... опять оторвался от письма (на несколько дней: я пишу это письмо отрывочно, две недели); милая, о себе и еще о Докторе, о работе моей, о работе «*Пути*» позвольте до другого раза.

А то рискую расписаться, и письмо – еще застрянет на неделю.

Вы позволите ведь писать Вам и впредь так неровно, много, обрывочно... Ведь да?

Поздравляем Вас с Асей с русским Новым Годом. Желаем Света, радости и счастья. И много бодрости.

Ну Христос с Вами.

Остаюсь глубоко любящий Вас

Борис Бугаев.

---

[1] Письмо начато до отправки п. 118, отправлено из Берлина 12 января (н. ст.) 1913 г. (датировка почтового штемпеля). Почтовый штемпель получения: Москва. 3.1.13.

[2] См. примеч. 9 к п. 118.

[3] Имеется в виду письмо, приведенное в примеч. 2 к п. 118.

[4] Первое печатное издание труда Агриппы Неттесгеймского «De Occulta Philosophia» – 1533 г.

[5] Ср. замечание в романе «Петербург» (гл 1, главка «Аполлон Аполлонович вспомнил»): «... сила в ньютоновском смысле, как, верно, неведомо вам, есть оккультная сила» (Андрей Белый. Петербург. СПб., 2004. С. 50). В комментариях (1909) к статье «Формы искусства» Белый писал: «... в пределах ньютонианского представления космоса понятие о силе видоизменялось <...> сила оказывалась то механической работой, то "*qualitas occulta*" (к последнему истолкованию силы склонялся сам Ньютон)» (Андрей Белый. Символизм. Книга статей. М., 1910. С. 510).

[6] Ср. аналогичный обзор в комментариях Белого к его книге «Символизм»: «... как интересуют нас и мистики более позднего времени, относящиеся к эпохе Возрождения и после нее: Рейхлин, Пико-де-Мирандола, аббат Тритгейм, учениками которого явились два таких имени, как Агриппа с его последователем Иоанном Вейером и Теофраст Бомбаст Парацельс, ставший в скором времени знаменем глубоко интересного и доселе не отчетливо понятого, но во всяком случае глубокого движения, отпрыски которого развиваются и в наши дни; в то время как линия Агриппы пресекается вскоре, линия Парацельса ветвится: во-первых, упомянем фон-Боденштейна (1528–1577) ("*Onomasticum Paracelsicum*", "*De lapide Philosophorum*"); далее появляются сочинения ван-Гельмонта (1577–1644); появляется сочинение Генриха Кунрата из Лейпцига, "*верного жениха теософии*"; ученый, каббалист и алхимик, Кунрат издает том своего "*Amphitheatrum'a*"; это произведение группирует вокруг себя видную группу мистиков: Швейгхардта,

Ирения (Irenaeus Agnostus), Михаила Майера, Роберта Флудда ("*Macro et Microcosmus*", "*Tractatus Theologo-Philosophicus in libros tres distributus*"); эта группа преемственно продолжается в виде ордена до второй половины XVIII века, когда в упомянутом течении происходит раскол <...> в конце же XIX и в начале XX-го течение, основателем которого явились Тритгейм, Агриппа и Парацельс, вспыхивает здесь и там: и в сочинениях по истории мистики, отчасти даже в течении, именуемом "*символизмом*"»; «Среди выдающихся алхимиков прошлого мы должны отметить Раймонда Люллия (XIII века), Николая Фламеля (XIV века), Беригарда из Пизы, Гельвеция, ван-Гельмонта (XVII века), Генриха Кунрата, Иосифа Кирхвегера и других» (С. 460, 490).

[7] Согласно теософским (и антропософским) представлениям, эфирное (стихийное, жизненное) тело – «эфирный двойник», насквозь проникающий физическое тело человека и служащий проводником для жизненных токов, действующих на материальный организм.

[8] См. примеч. 5 к п. 118.

[9] В первой половине 1890-х гг. Штейнер и Геккель общались по переписке, их личное знакомство состоялось 17 февраля 1894 г. в Йене. См.: Хемлебен Йоханнес. Рудольф Штайнер. Биографический очерк. СПб., 2004. С. 69–73, VI.

[10] Над кандидатским сочинением «Об оврагах» Белый работал, будучи студентом естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, весной 1902 г.

[11] «Избирательное сродство» («Die Wahlverwandschaften», 1809) – семейно-бытовой психологический роман Гёте, название его расшифровывается как термин из области химии. «К учению о цвете» («Zur Farbenlehre», 1810) – естественно-научный труд Гёте по физиологии зрения. «Позвоночная теория черепа» (предполагавшая, что череп животного и человека состоит из видоизмененных позвонков) была обоснована Гёте в статье «Строение черепа из шести позвонков» (1824).

[12] Die Kontemplation (*нем.*) – созерцательность, созерцание.

[13] См. примеч. 18 к п. 112.

[14] 1 Ин. I, 1: «О том <...> что видели своими очами, что рассматривали и осязали руки наши, о Слове жизни».

[15] В Монреале (Сицилия) Белый и А. Тургенева жили в конце декабря (н. ст.) 1910 – начале января 1911 г. Монреальский собор (1174–1189) – памятник норманно-сицилийского стиля, знаменитый своими мозаиками работы византийских мастеров. Белый описал его в книге «Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис» (М.; Берлин, 1922. С. 136–151). См. также письмо Белого к матери, отправлен-

ное из Монреаля (Воронин С. Д. Из писем Андрея Белого к матери // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 71).

[16] В теософии астральное тело означает сферу страстей и желаний в составе человека.

[17] Имеется в виду драма-мистерия «Страж Порога» («Der Hüter der Schwelle»), создававшаяся в июле и августе 1912 г.; русский перевод Н. Н. Белоцветова: Штайнер Рудольф. Драмы-мистерии. М., 2004. С. 329–439.

[18] 18 августа 1912 г. в Мюнхене состоялось представление «Священной драмы Элевсина» Эдуарда Шюре, в последующие дни были представлены три мистерии Штейнера: 20 августа – «Врата Посвящения» («Die Pforte der Einweihung»), 22 августа – «Испытание Души» («Die Prüfung der Seele»), 24 августа – «Страж Порога». В сентябре 1913 г. Белый перевел на русский язык фрагмент из первой мистерии (см.: Штейнер Р. У врат посвящения. Розенкрейцерская мистерия / Публ., примеч., послесл. С. В. Казачкова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 69–73).

[19] См. примеч. 12 к п. 111.

[20] См. п. 112, примеч. 15.

[21] В Милане Штейнер прочитал две лекции 26 и 27 октября (н. ст.) 1912 г.; поездка его в Лугано в эту пору не зафиксирована (см.: Lindenberg Christoph. Rudolf Steiner. Eine Chronik. 1861–1925. Stuttgart, 1988. S. 321-322).

[22] Имеется в виду начало конфликта Штейнера и его приверженцев с руководством Теософского общества (11 декабря 1912 г. А. Безант отозвала учредительные документы Немецкой секции Общества), приведшего к оформлению самостоятельного Антропософского общества.

[23] С 16 по 20 ноября 1912 г. Штейнер совершил лекционные поездки в Гамбург и Ганновер (но не в Лейпциг).

[24] Курс из 10 лекций для членов Общества «Жизнь между смертью и новым рождением в соотнесенности с космической реальностью» Штейнер начал читать в Берлине с 5 ноября 1912 г., с публичными лекциями в Берлине он выступал 7, 14, 21 ноября и 5, 12 декабря 1912 г.

[25] «Очерк тайноведения» («Die Geheimwissenschaft im Umriss») был впервые издан в 1909 г., речь идет о подготовке четвертого издания (1913).

[26] См. примеч. 4 к п. 115.

[27] Лекционную поездку по Швейцарии Штейнер совершил 13–20 декабря 1912 г. (Берн – Цюрих – Невшатель – Санкт-Галлен).

[28] Описывается пребывание Штейнера в Берлине с 21 по 26 декабря 1912 г.

[29] Лекция Штейнера на эту тему не зафиксирована. 7 января (н. ст.) 1913 г. он выступил в Берлине с докладом для членов Общества, 9 января – с публичной лекцией «Якоб Бёме» (см.: Lindenberg Christoph. Rudolf Steiner. Eine Chronik. S. 328).

[30] В январе 1913 г. Штейнер выезжал из Берлина с двумя лекционными поездками: 11–12 января (Лейпциг) и 19–29 января (Вена – Грац – Клагенфурт – Линц – Прага). Поездка в Штутгарт тогда не состоялась.

[31] Из предполагаемых здесь состоялась лишь лекционная поездка Штейнера в Голландию – в Гаагу (18–29 марта 1913 г.).

[32] 1 Кор. II, 6: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего...».

[33] См. примеч. 2 к п. 108, примеч. 5 к п. 110. Ни одного своего произведения Белый после этого в издательство «Путь» не представил; статья его «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы», первоначально предполагавшаяся к выпуску в свет в «Пути» отдельной брошюрой, была опубликована в утреннем выпуске газеты «Биржевые Ведомости» 26 июля 1916 г.

120

27 февраля / 11 марта 1916 г. Арлесгейм[1]

Глубокоуважаемая Маргарита Кирилловна, –

– позвольте Вам выразить благодарность за присылку книги «*Из рукописей А. Н. Шмидт*»[2]; позвольте Вам выразить мою скорбь и смущение: оба мои долга («*Пути*» и Вам)[3] еще не возвращены мною. В 1912 г. я задался целию написать монографию о Фете, но мое вступление в *Антр<опософическое> О<бщест>во* вызвало резко враждебное отношение к этому моему поступку со стороны лиц, Вам и «*Пути*» близких (выразилось это отношение частью в словах, дошедших до меня, частью в разрыве письменных сношений со мною, частью в немотивированном упразднении меня от редактирования «Трудами и днями»[4], частью в выходках «*Мусагета*» по адресу антропософии[5]); все это создало мне психологическую невозможность писать монографию, т. е. в некотором отношении навязывать свое идейное содержание «Пути»...

Случай расплатиться с долгами в течение 1913–1914 года все время был на границе возможного («*Сирин*» склонялся купить у меня собрание сочинений)[6]; но разразилась война и расстроились мои планы с продажей собрания сочинений (я чуть было их не продал тысяч за 15); пала возможность до окончания войны достать денег для расплаты с долгами.

Великодушно простите меня за неаккуратность, в замедлении возможности Вам вернуть 1000 рублей, великодушно Вами предложенных мне; передайте членам редакции «*Из<дательст>ва Пути*» мою скорбь и мои извинения: отсутствие денег не дает мне возможности все еще вернуть 1000 рублей аванса, данного мне «Путем». По окончанию войны я приму все меры, чтобы литературно устроиться и выплатить долг Вам и «*Пути*».

Буду очень благодарен и тронут, если Вы не вмените мне мое невольное замедление в отдаче долгов.

Позвольте, многоуважаемая Маргарита Кирилловна, еще раз поблагодарить Вас.

Примите уверения в глубочайшем уважении.

Борис Бугаев.

Дорнах. 11 марта н. ст. 1916 г.

---

[1] Отправлено, согласно почтовому штемпелю на конверте (Arlesheim. 20.III.16), более недели спустя после обозначенной в тексте даты написания. Почтовые штемпели получения: Москва. 23.III.16 и 24.III.16. В марте 1916 г. Морозова писала Э. К. Метнеру (письмо получено в Цюрихе, согласно почтовому штемпелю, 2/15 апреля 1916 г.): «Что Борис Никол<аевич>, часто думаю о нем, иногда хочется ему написать, но боюсь впутываться. Что Вы об этом думаете? О нем напишите, пожалуйста! » (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 30).

[2] Книга «Из рукописей Анны Николаевны Шмидт» (<М.>, 1916), подготовленная к печати С. Н. Булгаковым, была выпущена в свет на базе издательства «Путь», но без обозначения марки издательства, в декабре 1915 г. После кончины Шмидт в 1905 г. Белый был одним из посредников в ходе передачи рукописей ее мистических сочинений для Морозовой и Булгакова (см.: Голлербах Евгений. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб.,

2000. С. 209–213). Белый встречался с А. Н. Шмидт осенью 1901 г. (см.: *Начало века*. С. 141–145).

[3] См. примеч. 2 к п. 108, п. 118, примеч. 33 к п. 119.

[4] Двухмесячник издательства «Мусагет» «Труды и Дни» начал выходить в 1912 г. под редакцией Андрея Белого и Э. К. Метнера, однако в конце того же года Белый отказался от ведения журнала, о чем было оповещено со ссылкой на неблагоприятные внешние обстоятельства: «Андрей Белый намеревается остаться за границей на неопределенное время; поэтому, сохраняя за собой права и обязанности члена литературного комитета издательства "Мусагет", он вынужден отказаться от редактирования "Трудов и Дней", так как эта работа издалека, в особенности при частых переездах, сопряжена для него с большими внешними неудобствами» (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 149).

[5] Подразумевается прежде всего конфликт, возникший осенью 1913 г. вокруг печатания в «Мусагете» религиозно-философского трактата Эллиса «Vigilemus!» (М., 1914). Убежденный в том, что «Vigilemus!» содержит выпады против антропософии Штейнера (в которой Эллис, бывший ранее ее ревностным адептом, разочаровался), Белый затребовал корректуру трактата и настаивал на изъятии из текста ряда фрагментов; поскольку его требования не были приняты, Белый отказался от дальнейшего участия в деятельности «Мусагета». См.: Эллис. Неизданное и несобранное. Томск, 2000. С. 465–466.

[6] Переговоры о предполагавшемся издании собрания сочинений Андрея Белого велись с петербургским издательством «Сирин» в начале 1913 г. и не привели к положительному результату. См. письмо Э. К. Метнера к А. Блоку от 20 февраля 1913 г. (Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 214–218).

121

Между 14 и 18 сентября 1916 г. Москва[1]

Многоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна,

Простите, что осмеливаюсь Вас пригласить от себя в квартиру Григоровых (Кудринская Садовая, д. 6, кв. 2); если Вы свободны вечер и не боитесь поскучать. Завтра, послезавтра судьба может меня неожиданно загнать в Киев; ни с кем не успею проститься. Друзья (антропософы и М.О. Гер-

шензон) просили меня почитать отрывки из моей повести[2]. Из удобства назначили сегодня в 9½ часов в квартире Григоровых (сегодня единственный и последний свободный вечер). Все время набито делами. Должен либо уехать в Киев, либо быть в казарме[3]; хотелось бы проститься, или же хоть увидеться (напр<имер>, С. Н. Булгакова не видал и уже не увижу).

Простите за смелость приглашения. Если не боитесь поскучать, то буду страшно рад Вас видеть сегодня у Григоровых.

Глубоко уважающий и любящий Вас

Борис Бугаев[4].

---

[1] Датируется по времени пребывания Белого в Москве: он приехал туда из Петрограда 14 сентября 1916 г., отбыл в Киев 19 сентября.

[2] Ср. запись Белого (Москва, 14–19 сентября 1916 г.): «Чтение "*Котика Летаева*" у Григоровых. Встреча с Морозовой, Булгаковым» (Андрей Белый. Жизнь без Аси // РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 1). Роман «Котик Летаев» к тому времени еще не был завершен Белым (6-я глава и эпилог написаны в октябре 1916 г.).

[3] В это время Белый ожидал призыва на военную службу. Известие об этом дошло до него в Брянске (по пути в Киев) 20 сентября; возвратившись сразу после этого в Москву, он получил трехмесячную отсрочку.

[4] Морозова ответила следующим недатированным письмом:

Дорогой и милый Борис Николаевич!

Я в отчаянии, что не могу быть сегодня вечером у Вас! Какая обида! Если бы я это знала вчера или даже сегодня рано утром, я бы отменила маленькое собрание, которое у меня будет. Но теперь это неловко, т<ак> к<ак> тот, кто у меня будет, уезжает на войну завтра и из-за меня сегодня отказался от чего-то! Я очень, очень этим огорчена! Ужасно Вам благодарна и тронута, что Вы меня позвали! Так хотелось бы услышать Вашу новую вещь. Неужели Вы завтра уезжаете и мы не увидимся? Напишите как будет возможно, где Вы и что с Вами!

Сердечно Вам преданная *М. Морозова.*

Завтра еду на 10 дней в деревню.

122

13 октября 1916 г. Москва[1]

Глубокоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна, не смея Вас приглашать, уведомляю лишь Вас. Воскресенье[2] в 8 ½ часов я читаю у Григоровых, куда имею честь приглашать знакомых, свою повесть «*Котик Летаев*». Если бы Вы заехали послушать, был бы, разумеется, весьма счастлив. Если бы Михаил Михайлович[3] захотел тоже послушать, был бы очень рад. Очень хотелось бы видеть Вас: сейчас очень занят, да и... устал; если позволите, как-нибудь забегу к Вам. Остаюсь глубокоуваж<ающий> и пред<анный>

Б. Бугаев[4].

Адрес: Кудринская Садовая. № 6. Кв. 2.

---

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 13.10.16.

[2] 16 октября.

[3] М. М. Морозов, сын Морозовой.

[4] По получении письма Белого Морозова ответила недатированным письмом (14 октября):

Дорогой Борис Николаевич!

Только что хотела написать Вам, как получила Ваше письмецо. Непременно буду в воскресенье и Мика тоже. Мы ужасно рады видеть Вас и слышать! Начиная с завтра, субботы до пятницы 21-го я все дни дома в 7 час., *кроме* вторника, и ужасно Вас прошу прийти обедать около 7-ми. *Понедельник, среда, четверг,* в один из этих дней! Я это время пережила много перипетий с призывом Мики и открытием Народн<ого> дома в деревне. Радуюсь воскресенью! Тоже большой радостью было известье, что Вы прочтете у нас реферат!

Сердечно Вам преданная *М. Морозова.*

(В тексте упоминаются: построенный Морозовой Народный дом для крестьян в селе Белкино, соседнем с ее имением Михайловское (открытие его состоялось 25 сентября 1916 г., см.: Думова Наталья. «Сказка» Старого Арбата // Арбатский архив. Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. I. С. 223); доклад Андрея Белого «Александрийская эпоха и мы в освещении проблемы

"Восток и Запад"», прочитанный в Московском Религиозно-философском обществе 30 ноября 1916 г.).

В недатированном письме к Е. Н. Трубецкому Морозова сообщала: «Завтра мы с Микой идем слушать новую повесть Бугаева. Он будет ее читать своим друзьям»; и в следующем письме: «Вижу Бугаева и слушала его новое произведение. Много интересного и талантливого, но бесформенно и бесплотно» (*Взыскующие града*. С. 667, 668).

123

14 или 15 октября 1916 г. Москва

Глубокоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна, ради Бога простите, что отвечаю Вам на Ваше милое, меня так порадовавшее письмо[1] на клочке бумаги: я – застигнут врасплох: у меня вышла неожиданно почтовая бумага; и – мне не на чем ответить. Вы доставите мне огромную радость, если приедете с Михаилом Михайловичем меня послушать, потому что – не знаю, почему, – но когда я пишу, то в числе читателей на некоторые темы я всегда *конкретно* представляю Вас, Эмилия Карловича; а именно «*Котика Летаева*» почему-то мне ужасно хочется читать Вам лично. Спасибо Вам: я очень *ценю* Ваше посещение. Ужасно хочется Вас видеть: я ведь так *люблю* Вас. Позвольте мне быть у Вас в понедельник около 7-ми[2]. Очень, очень хочу Вас видеть.

Еще раз простите меня за халатность: за этот ужасный клочок бумаги: но Ваша записка застала меня врасплох.

Остаюсь глубоко преданный и уважающий Вас

Борис Бугаев.

---

[1] Имеется в виду письмо, приведенное в примеч. 4 к п. 122.

[2] Понедельник – 17 октября.

124

28 октября 1916 г. Москва

28 октября. 1916 года.

Глубокоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна, по уговору моему* с Пашуканисом[1] мне удобно Вам отдать из 300 рублей, которые я хотел чрез него Вам вернуть с благодарностью в конце октября, – 200 рублей, а сто остающиеся позвольте мне Вам вернуть в течение ноября: до 20-го числа.

Извиняюсь очень в моей некорректности, милая, милая Маргарита Кирилловна, но – сейчас жду денег: вероятно, их получу через две недели. Тогда – тотчас же возвращу *100* из *300*, которые я хотел Вам вернуть. Дело в том, что Асе нужно экстренно поправить шубу[2], а от меня «*консульства*» требуют деньги, взятые мной, как субсидии в пути; и – неожиданный расход в 250 рублей лишил меня возможности вернуть Вам единовременно 300 рублей.

Простите меня, что пристаю к Вам с этими скучностями.

Остаюсь глубоко, глубоко преданный Вам

Борис Бугаев.

P.S. На той неделе, если позволите, было бы мне крайне радостно у Вас быть... к семи.

---

[1] С В. В. Пашуканисом, начавшим на базе издательства «Мусагет» собственное предприятие, Белый тогда договаривался об издании своего собрания сочинений и получал, видимо, под него денежные авансы. Из этого «Собрания эпических поэм» в 1917 г. вышли в свет только 2 тома – 4-й и 7-й.

[2] Белый собирался перевести деньги А. Тургеневой в Швейцарию, где она осталась после его отъезда в середине августа (н. ст.) 1916 г. в Россию.

---

* *В автографе описка:* моим.

125

29 декабря 1916 г. Москва

29 декабря 16 года.

Многоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна, поздравляю Вас с новым годом. Ужасно жалею, что не мог у Вас так долго быть. Я все время убегал в Лавру[1]. А в те дни, когда бывал в Москве, поднималась такая суета, что просто я не знал, что делать. Думал, что буду у Вас 1-го января, но... именно в этот день (как это глупо!) надо мне являться в Крутицкие Казармы[2]. Буду очень скоро у Вас. Всего радостного и хорошего.

Остаюсь глубокоуважающий и любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Сижу простуженный. Оттого не могу лично быть у Вас.

P.P.S. Мне ужасно стыдно, что до сих пор я не вернул Вам 100 рублей, которые у меня хранятся для Вас.

---

[1] В ноябре – декабре 1916 г. Белый три раза ездил в Сергиев Посад (Троице-Сергиева лавра), где гостил у С. М. Соловьева и его жены Татьяны Алексеевны (урожд. Тургеневой, младшей сестры А. Тургеневой). В третий раз он жил там с 23 по 27 декабря; этими днями датирована запись Белого: «Сергиев Посад. Елка» («Жизнь без Аси» // РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 1).

[2] Имеется в виду обязательство явиться на призывной участок по истечении отсрочки (см. примеч. 3 к п. 121).

126

29 декабря 1916 г. Москва

Дорогая и милая Маргарита Кирилловна,

все утро сегодня вспоминал Вас. Давно, давно, давно рвусь к Вам. Но... страшно плохо себя чувствовал все это время и поэтому спасался бегством в Посад[1]. Жил главным образом там. Спасибо за приглашение[2]. Завтра, если позволите мне у Вас быть в 6, то буду с радостью; но в 8 мне уже надо уходить на вечер с одним музыкантом (ужасно не хочется, но – обещал). С воинской повинностью полная неопределен-

ность. Опять 1-го января тащиться в Казармы: ужасно как мучают[3].

Спасибо за память. Остаюсь глубоко уважающий и любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Сегодня отправил Вам письмо[4].

---

[1] См. примеч. 1 к п. 125.

[2] Видимо, Белый откликается на письмо Морозовой с приглашением посетить ее.

[3] См. примеч. 2 к п. 125.

[4] Имеется в виду п. 125.

127

31 декабря 1916 г. Москва[1]

Милая, милая Маргарита Кирилловна, –
ради Бога простите меня[2]. Вчера едва таскал ноги (все эти дни болен). Но и ужасно: ужасно... Жить тяжело. Тоскую по Асе[3]. Все постыло. Война? Но вот мое отношение к ней:

Война, война!.. Смятенье мировое...
Взлетает ввысь громовый вопль племен.
Закручено все близкое, родное,
Как столб песков в дали иных времен.

А я? А я?.. Былое без ответа...
Но где оно?.. Его и нет... Ужель?
Невыразимые, зовут иных земель
Там волны набегающего света[4].

Они все меня не спрашивали о войне, без меня ее начали. Так пусть и не судят меня, если я выражаю ей, войне, свое особое мнение[5].

Я вообще мало что понимаю... Человечество сошло с ума: я это знал. Давно мы с Асей сбежали от всех кружков, политики, общественности – туда, где –

...волны набегающего света!...

Теперь, насильно втиснутый в сумасшедший дом, именуемый Москвой, я уже, стиснув зубы, 2 месяца страдаю... Оттого я и прячусь ото всего, где шум, витийство[6]. Мой бедный ум ничего не понимает, ничего не понимает. Может быть, меня надо в сумасшедший дом? Не знаю. Если Вы меня примете – *такого, больного*, – то скоро приду к Вам.

1-го должен идти в казармы. Если освобожусь вовремя, то приду в 4 часа. Если нет, значит, задержали[7].

С новым годом, милая, милая, милая Маргарита Кирилловна! Христос с Вами. Не судите меня, что «*волны света*» посещают меня на чужбине и что на родине я делаюсь такой, как сейчас.

Искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Если хотите знать мое настроение, то – вот оно:

На нас тела, как клочья песни спетой...
В небытиё
Свисает где-то мертвенной планетой
Все существо моё.

* *
*

В слепых глазах, в глухорожденном слухе
Кричат тела...
Бесптаменные, каменные духи!
Бесплаченная мгла!

* *
*

Зачем простёр на тверди оледелой
Свои огни
Разбитый дух – в разорванное тело,
В бессмысленные дни?

* *
*

Зачем, за что в гнетущей, грозной гари,
В растущий гром
Мы – мертвенные, мертвенные твари –
Безжертвенно бредем?[8]

Оттого-то я стараюсь спрятаться.

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте: 31.12.16.

[2] Имеется в виду несостоявшийся визит к Морозовой, о котором говорится в п. 126.

[3] Ср. запись Белого о декабре 1916 г.: «Каждый день – письма к Асе» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 84).

[4] Первоначальный вариант текста стихотворения «Война» («Разорвалось затишье грозовое...»), впервые опубликованного в сб. 2 «Скифы» (<Пг.>, 1918. С. 35) и вошедшего в книгу Андрея Белого «Звезда. Новые стихи» (Пб., 1922. С. 16. Помета под текстом: «1914. Арлесгейм»).

[5] В записи о ноябре 1916 г. Белый указывает: «За этот месяц решительно обостряется антивоенное настроение; я ощущаю себя почти пораженцем...» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 83 об.).

[6] Реминисценция начальной строки стихотворения Н. А. Некрасова (1858): «В столицах шум, гремят витии».

[7] См. примеч. 2 к п. 125.

[8] Стихотворение впервые опубликовано под заглавием «Зачем, за что?» в альманахе «Ветвь» (М.: Северные Дни, 1917. С. 13), под заглавием «Тела» вошло в книгу Андрея Белого «Звезда» (С. 27. Помета под текстом: «1916. Москва»).

128

Середина января 1917 г. Москва

Милая, милая Маргарита Кирилловна,

Я ужасно извиняюсь, что Вы не получили от меня вовремя ответ[1]. Я вчера приехал[2]. Сегодня осматривали меня. Получил отсрочку на 2 месяца[3]: стало быть, могу быть оппонентом Евгению Николаевичу, если не поздно это[4].

Остаюсь сердечно преданный

Борис Бугаев.

---

[1] Подразумевается следующее письмо Морозовой, отправленное 9 января 1917 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Что Вы? Что решилось насчет воинской повинности? Ответьте, можно ли Вас поставить на афишу на *27-е* января как участника в преньях на открытом заседании Рел<игиозно->Философ<ского> Общ<ества>. Будет доклад Евг<ения> Никол<аевича> Трубецко-

го «Смысл и бессмыслица». Сегодня *нужно* получить Ваш ответ, т<ак> к<ак> необходимо печатать афиши.

Может быть, завтра (10-го) Вы будете у нас на докладе Успенского. Ответьте, можно или нет печатать на афише. Дайте словесно посланной просто: можно или нельзя.

Любящая Вас *М. Морозова.*

(Упоминается философ Леонид Васильевич Успенский (1889–?), выступивший в Московском Религиозно-философском обществе 10 января 1917 г. с докладом «О компромиссе в морали»).

[2] Согласно записям Белого «Жизнь без Аси» (РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 1), с 7 по 12 января 1917 г. он находился в Сергиевом Посаде.

[3] В тех же записях зафиксировано (12–16 января 1917 г. Москва): «Получение отсрочки (2 месяца)».

[4] 27 января 1917 г. Белый участвовал в обсуждении доклада Е. Н. Трубецкого «Мировая бессмыслица и мировой смысл», соответствовавшего главе I его книги «Смысл жизни» (М., 1918): «Участие в диспуте после выступления Е. Н. Трубецкого в религ<иозно>-фил<ософском> Обществе» (*Ракурс к Дневнику*. Л. 84 об.).

129

Конец 1923 г. (?) Москва[1]

Многоуважаемая и дорогая Маргарита Кирилловна, очень обрадовался, получив от Вас письмо: ведь это *первая весть* от Вас за эти 4 года.

Не имея от Вас никаких известий, я просто боялся и писать Вам, и даже пытаться узнать о Вас.

Спасибо за память.

Буду у Вас непременно в 8 часов, в пятницу.

Еще раз спасибо Вам за эти добрые слова Вашего письма, которые явились мне вестью о Вас, об общении с Вами.

Искренне преданный и уважающий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Письма Вашего я не получал[2].

---

[1] Написано, по всей вероятности, вскоре после возвращения Белого из Германии, где он провел около двух лет (возвратился в Москву 26 октября 1923 г.).

[2] В неизвестном нам письме, на которое отвечает Белый, Морозова, вероятно, сообщала о том, что ранее писала ему в Германию.

130

15 июля 1928 г. Коджоры[1]

Коджоры. 15 июля. 28 года.

Милая Маргарита Кирилловна, –
большая радость мне получить Вашу открытку[2]. Извиняюсь, что долго не отвечал. Сначала спешная работа: надо было к июлю окончить очерк об Армении, где мы были с К<лавдией> Н<иколаевной>[3]; потом неожиданно вылетели из Сачхер, помытарились несколько дней в Кутаисе[4], городе Аэта, мифического царя, владевшего Золотым Руном; около Кутаиса жила Цирцея[5]; город, окруженный безумной романтикой скал, легенд, храмов (как храм Баграта, Гелатский монастырь[6] и т. д.); но не красота мест, не воспоминания об Язоне и Медее остались мне памятью о Кутаисе, а..., простите за выражение,... кутаисские клопы и блохи, которые нас погнали прочь на ряд неудач, после чего неожиданно для себя попали в Тифлис[7], оттуда – в Коджоры, горную дачную местность, лежащую в 18 километрах от Тифлиса и лежащую на полтора (в высоту) километра над Тифлисом. Все эти пертурбации, «*плюс*» маленькие дорожные и денежные неприятности – не только перевлекали внимание от писем, но и брали все время.

Кавказ – непочатый угол прекраснейших мест, совершенно нам неизвестных, если не считать несколько «модных» курортов, к которым у нас нет влечения; но Кавказ ужасно труден, подчас непереносен, неудобен и даже в иных отношениях опасен. Здесь не переезжаешь и не оседаешь на местах, а борешься за ме́ста и перемогаешь кучи препятствий; зато иногда он дарит незабываемыми минутами блаженства, искупающими все препятствия.

Эти минуты переживаем мы здесь, в Коджорах, – местности не *«модной»* для тифлисцев (не имеющих воображения оценить Коджоры) и вовсе не знакомой москвичам; между тем: я редко видел места́, так волновавшие меня. Я люблю безлесные, четко-строгие, сухие рельефы земель; зеленые, *«живописные»* Боржомы вызывают во мне лишь скуку; я люблю не снизу вверх глядеть на высоту из мрачного ущелья, а с высоты глядеть в глубину провалов, окрашенных невыразимыми колоритами воздуха; и я люблю ширь. Здесь, в Коджорах, – все это: высота, глубина, разлет ширей, после которых сама степь кажется тесной тарелкой, накрытой колпаком неба; горизонт степи максимум 20–30 верст; наш горизонт здесь – многие десятки верст; 15 минут ходьбы (незаметного подъема) от нас – и мы на площадке вершины горы, откуда во все 4 стороны – не ландшафт, а градация ландшафтов: и в ширь, и в глубину, – под ногами: с севера главный хребет с Казбеком и снежным Адай-Хохом в расстоянии 160 верст; между – градация понижающихся кряжей, разрезанных военно-грузинской дорогой, с долиной Арагвы до душетского перевала; военно-грузинская дорога как на ладони, верст на 60, не менее; далее я узнаю горы Ананура (по прошлогоднему путешествию[8]); и упираюсь взглядом в кручи млетского подъема к Крестовому Перевалу. Это – вид на север; на северо-востоке, как на ладони, весь кахетинский хребет, отделяющий Кахетию от долины Куры; и над ним в неясной дали горы Дагестана; на востоке и юго-востоке ширящаяся в степь долина Куры; и Кура, сверкающая на несколько десятков верст; вся эта часть – в глубоком провале, покрытая дымкой воздуха и всегда выглядящая не землею, а нежнейшею светописью розовато-персиковых оттенков; и там не разберешь, где небо, где степь; видны дали Азарбейджанской долины, ниже лежащие на несколько тысяч футов; в одном месте, в страшной глубине, всегда в дымке, с молниеносной быстротой меняющей очертанья рельефов и окраску склонов – рябь, точно серо-коричневое пятнышко проказы; это – Тифлис, написанный кистью Чурляниса. На юге, за громадной низменностью, которая – высокое плоско-

горье, изрытое ущельями, дна которых не видишь, я в ясные дни насчитываю семь друг над другом поднимающихся гряд; последняя – неясные громады, всегда покрытые облаками; это горы Армении; ниже их – гряда, на которой вчера выпал снег; на юго-западе – волны синих вершин до... Ахалкалаки, граничащих с Турцией; на западе – те же волны вершин до... Сурамского Перевала, за которым жили мы в Сачхери. Каждую минуту та или иная часть обстающих ландшафтов меняется; эта мимика земель, о, насколько ярче, воздушней, живей, беспредельней, чем море; только в фантазиях Чурляниса я встречал нечто подобное, – вернее, лишь намек на то, что развернуто перед нами ежедневно.

Но если просторы начинают пугать, – десять лишь шагов вниз, и мы – на цветущей, зеленой лужайке, такой маленькой, уютной, в гирлянде диких розовых кустов, обвисающих белыми гирляндами; думаешь, что ты в низине, в веселеньком садике; но – десять шагов взбега, и – развёрт далей.

Милая Маргарита Кирилловна, – простите за мой панегирик Коджорам; но я лечусь, лечусь всем этим: ширью, воздухом, далями; это квинтэссенция всего того, к чему я всю жизнь рвался; здесь понимаешь, что если море – образная имагинация, то горы – инспирация чистой, но живой, вечно прядающей и текучей мысли; и здесь познаешь, что такое земля; она – сама чистота, после которой все *морское* и *водное* лишь иллюзия неутоленных страстей, лишь воля к мороку.

Вспомните: горы и... Ницше; мы с К<лавдией> Н<иколаевной> здесь в стихии Ницше и в стихии того, нам дорогого лица, уже отошедшего из жизни[9], которое и указало мне на то, что земля не есть размельченный порошок, удобренный разложением органической жизни, а твердая, чистая, горная (чуть не сказал «*философская*») порода, всегда сверкающая; это дураки выдумали какие-то драгоценные камни; всякий каменный камень, если его разглядеть, – драгоценный камень.

Вот что есть земля: она – духовна; а наши убогие представления о земле суть представления о «*гнилоземах*» (раз-

ложившейся земле «*плюс*» – навоз). Коджоры мне каждый день показывают землю, оправдывают землю; и я радуюсь, что когда-нибудь и я соединюсь <с> землей; это будет тогда, когда «*Я*» станет солнцем, ибо центр самой земли, центр атома – солнечен; он вечно пылает, как несгораемая купина.

Дорогая Маргарита Кирилловна, – простите меня, если я, вместо всяких эмпирических подробностей о нашей жизни, скажу о главном, об эмпирике самых бытовых «*эмпирик*», – о главном, что мы переживаем с Клавдией Николаевной постоянно и что развертывает перед нами ландшафты свои: свет сошел в землю, в ней, из нее, ею – светит; и никакая тьма этот свет не способна погасить, ибо – *просвещена сама земля.* В прошлом году я уселся на 3 месяца за теоретические книги о материализме, углубляя свои студенческие взгляды, к которым не прикасался 25 лет; и вынес огромную радость, что подлинная наука утверждает то именно, что у нас вписано в сердцах; а эта наглядная минералогическая картина камней и геология хребтов, на которых играют воздушные переливы, – наглядно показывает то, что в теориях запечатано в формуле.

Но – довольно: никогда не кончу; переношу наш разговор до осени – у Вас и у меня в Кучине[10] (для меня будет огромная радость Вас в Кучине увидеть). Отдыхайте, набирайтесь сил. Мечтаю, как об уютнейшем, – о том, что Вы познакомитесь с Клавдией Николаевной, которая стала таким солнцем моей жизни – солнцем, вставшим именно тогда, когда я думал, что для меня все кончено, и оттуда, где, казалось, были погашены все огни.

Милая, дорогая, – поцелуйте ручки от меня Вашему младенцу[11]. Сердечный привет от меня Елене Кирилловне и Михаилу Михайловичу[12]. Клавдия Николаевна шлет Вам сердечный привет. Здесь мы до конца июля; далее, не знаю где[13].

Остаюсь искренне Вас любящий

Борис Бугаев.

---

[1] Отправлено по адресу (на конверте): УССР. Полтавская губерния. Кобеляки. Михайловский 21. В Коджорах (близ Тифлиса) Белый и К. Н. Васильева, спутница его жизни по возвращении из Германии, жили с 6 июля по 9 августа 1928 г.

[2] Эта открытка, по-видимому, не сохранилась.

[3] Белый и К. Н. Васильева были в Армении с 18 по 25 мая 1928 г. (см.: Бугаева (Васильева) К. Н. Дневник. 1927–1928 / Предисл., публ. и примеч. Н. С. Малинина // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 7. С. 257–278), над очерком «Армения» Белый работал в июне и 25 июня выслал его рукопись в редакцию журнала «Красная новь», где и состоялась его публикация (1928. № 8. С. 214–258). См.: Андрей Белый. Армения: Очерк, письма, воспоминания / Сост., приложения и примеч. Н. Гончар. Ереван, 1985; Изд. 2-е, доп. Ереван, 1997.

[4] В имеретинском селе Схвитори (близ Сачхери) Белый и К. Н. Васильева обосновались 31 мая, прожили там до 28 июня 1928 г., в конце июня выехали через Кутаис (28 июня – 1 июля) в Тифлис (2 июля) (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 599–601, 603–605; А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 439–445).

[5] Город Кутаис (Кутаиси), древняя столица Колхидского и Имеретинского царств, ассоциируется здесь со страной Эей (Колхидой) в греческой мифологии, хранительницей золотого руна. Аэт (Ээт) – царь Эи, волшебница Медея – его дочь, волшебница Цирцея (Кирка) – его сестра; Ясон (Язон), предводитель аргонавтов, с помощью Медеи похитил золотое руно.

[6] Достопримечательности Кутаиса: руины храма Баграта III (980–1014), разрушенного турками в 1692 г., памятник средневекового зодчества Грузии; Гелатский монастырь (к северо-востоку от Кутаиса), состоящий из трех храмов и монастырских помещений, крупнейший культурный центр средневековой Грузии, основанный в 1106 г. грузинским царем Давидом Строителем. Белый посетил Гелатский монастырь 29 июня 1928 г. (см.: *Ракурс к Дневнику.* Л. 135).

[7] Из Кутаиса Белый и К. Н. Васильева намеревались отправиться в Шови (горный курорт), однако ливневые дожди размыли дорогу и проезд в Шови был закрыт до середины июля (см. письмо Белого к П. Н. Зайцеву от 9 июля 1928 г. // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. С. 442–443).

[8] В 1927 г. Белый и К. Н. Васильева прожили на Кавказе три месяца – с середины апреля до середины июля (Цихис-Дзири под Батумом, Тифлис, Боржом, Казбек, Владикавказ).

[9] Подразумевается Рудольф Штейнер, скончавшийся в Дорнахе 30 марта 1925 г.

[10] В подмосковном поселке Кучино (Нижегородская железная дорога) Белый жил постоянно с весны 1925 г. до апреля 1931 г.

[11] Имеется в виду внук Морозовой Михаил, сын М. М. Морозова от первого брака.

[12] Е. К. Вострякова и М. М. Морозов.

[13] В середине августа 1928 г. Белый и К. Н. Васильева возвратились из Тифлиса в Москву и затем в Кучино.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Агрипа Неттесгеймский Генрих Корнелий (1486–1535), немецкий ученый и философ-оккультист – ***233, 257, 258***
Азадовский К. М. – ***60***
Айхенвальд Ю. А. – ***14***
Аксакова-Сиверс Т. А. – ***13***
Алферов Александр Данилович (1862–1918?), педагог, общественный деятель – ***111, 112***
д'Альвейдр (Saint-Yves d'Alveydre) Жозеф-Александр, маркиз (1842–1909), французский оккультист – ***232***
д'Альгейм (d'Alheim) Пьер (Петр Иванович), барон (1862–1922), французский журналист и романист, музыкальный деятель; муж М. А. Олениной-д'Альгейм – ***185, 187***
Аничков Е. В. – ***204***
Антоний, епископ (Михаил Флоренсов; 1847–1918) – ***135, 137, 202***
Апетян З. А. – ***65, 130***
Арсеньев Н. С. – ***19***
Ася. См.: Тургенева А. А.
Ахрамович В. Ф. – ***180***

Баграт III, грузинский царь (975–1014) – ***272, 276***
Багрицкий Э. Г. – ***10***
Баратынский Е. А. – ***186, 260***
Безант Анни (1847–1933), английская писательница и общественная деятельница; одна из лидеров Теософского общества – ***201, 205, 220, 253, 259***
Безродный М. В. – ***150, 153, 156***
Белоцветов Н. Н. – ***259***
Бёме Якоб (1575–1624), немецкий философ-мистик – ***211, 214, 260***

[1] В указателе аннотируются только имена, встречающиеся в публикуемых письмах Андрея Белого.

Бергсон А. – ***156***
Бердяев Николай Александрович (1874–1948), философ, публицист, критик – ***165–167, 173, 191, 202, 203, 205, 210, 214***
Беригард из Пизы – ***258***
Бетховен Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор – ***5, 82***
Блаватская (у Белого: Блавадская) Елена Петровна (***1831–1891***), писательница и общественная деятельница; основательница (в 1875 г.) Теософского общества – ***199***
Блок Александр Александрович (1880–1921) – ***6, 7, 10, 11, 18, 23, 33, 39, 40, 47, 48, 51, 52, 56, 62, 64, 69, 70, 72, 77–79, 94, 99, 101, 117, 137, 159, 173, 174, 180, 185, 203, 204, 262***
Блок (урожд. Менделеева) Л. Д. – ***10, 23, 25, 70, 72, 78, 79***
Боденштейн А. фон – ***257***
Бодлер Ш. – ***122***
Бойль Роберт (1627–1691), английский химик и физик – ***237***
Бойчук А. Г. – ***167***
Бокова В. М. – ***13***
Бруно Джордано (1548–1600), итальянский философ, поэт – ***233, 240***
Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, критик, историк литературы, переводчик – ***33, 56, 59, 60, 81, 83, 86, 90, 92, 114, 117***
Бугаева (урожд. Егорова) Александра Дмитриевна (1858–1922), мать Андрея Белого – ***25, 26, 32, 54, 80, 86, 87, 90, 92, 93, 97–99, 101, 105, 109, 123, 142, 145, 159, 164, 178, 195, 216, 258, 259***
Бугаева (урожд. Алексеева, в первом браке Васильева) Клавдия Николаевна (1886–1970), вторая жена Андрея Белого – ***30, 107, 272, 274–277***
Бугаевы – ***48***
Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), философ, богослов, экономист, критик, публицист – ***26, 29, 111, 173, 230, 245, 246, 261, 263***
Буромская-Морозова Е. М. – ***9, 12***
Бурышкин П. А. – ***14***

Вагнер Рихард (1813–1883), немецкий композитор, дирижер, писатель, философ, публицист – ***27, 82, 129***
Васильева К. Н. См.: Бугаева К. Н.

Вейер (Вир) Иоганн (Жан) (1515–1588), автор трактата «De prestigiis daemonum et incantationibus ac veneficiis» (***1563***) – ***233, 257***
Вейерштрасс (у Белого: Вейерштрассе) Карл Теодор Вильгельм (1815–1897), немецкий математик – ***236, 241***
Викентьев В. М. – ***204***
Виллих (Willich) Х. – ***216***
Виндельбанд Вильгельм (1848–1915), немецкий философ, глава баденской школы неокантианства – ***157, 233***
Волошина М. В. См.: Сабашникова М. В.
Вольгемут (Wolgemut) Михаель (1434–1519), немецкий живописец и резчик по дереву – ***81, 82***
Воронин С. Д. – ***80, 159, 259***
Востряков Р. Д. – ***12***
Вострякова (урожд. Мамонтова) Елена Кирилловна (1875–1958), сестра М. К. Морозовой – ***12, 13, 16, 29, 51, 54, 55, 74, 275, 277***
Врочиньский К. – ***83***
Вулих С. А. – ***90***

Гапоненков А. А. – ***204***
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ – ***160, 207***
Гейне (Heine) Томас Теодор (1867–1948), немецкий график, иллюстратор, плакатист, карикатурист – ***80, 82***
Геккель Эрнст (1834–1919), немецкий биолог-эволюционист – ***245, 258***
Гельвеций Фр. – ***258***
Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821–1894), немецкий физик, физиолог, психолог – ***235***
Гельмонт Ян Баптист ван (1579–1644), голландский естествоиспытатель – ***243, 257, 258***
Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик – ***262, 263***
Гессен Сергей Иосифович (1887–1950), философ – ***150, 165, 167, 173***
Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт, драматург, прозаик, мыслитель, естествоиспытатель – ***11, 27, 130, 165, 246, 255, 258***
Гиацинтова С. В. – ***11***

Гиппиус (в замужестве Мережковская) Зинаида Николаевна (1869–1945), поэтесса, прозаик, критик, публицист – ***17, 86, 87, 112, 114***
Гоголь Н. В. – ***77***
Голлербах Е. А. – ***26, 159, 166, 182, 261***
Гольбейн Ганс Младший (1497 или 1498–1543), немецкий живописец и график – ***80***
Гольбейны – ***81***
Гончар Н. А. – ***276***
Гречишкин С. С. – ***156, 182***
Григоровы – Борис Павлович (1883–1945), экономист, один из основателей российского Антропософского общества, и его жена Надежда Афанасьевна (урожд. Бурышкина; 1885–1964) – ***204, 262–264***
Грюневальд (Grünewald) – ***81***
Гуссерль Э. – ***157***
Гюисманс Жорис Карл (1848–1907), французский прозаик – ***233***
Гюэйта (Guaita) Станислас де (1860–1897), французский оккультист, основатель «Ordre Kabbalistique de la Rose-Croix» – ***232***

Давид IV Строитель – ***276***
Данс Мишель Огюст (1829–1929), бельгийский гравер, преподаватель гравировального искусства в Брюсселе – ***183, 184***
Данте Алигьери – ***11***
Декарт Рене (1596–1650), французский философ, математик, физик, физиолог; родоначальник рационализма – ***233***
Депре А. Н. – ***181***
Державин Г. Р. – ***117***
Джотто (Джиотто) ди Бондоне (1266 или 1267–1337), итальянский живописец – ***208***
Дилекторский – ***51***
Добролюбов Александр Михайлович (1876–1945), поэт, религиозный проповедник – ***203, 206***
Долгополов Л. К. – ***195, 204***
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – ***245***
Думова Н. Г. – ***12, 14, 21, 22, 29, 264***
Дюрер Альбрехт (1471–1528), немецкий живописец и график – ***80–82***

Евсеев Д. М. – ***12***
Екатерина II – ***76***
Ельчанинов А. В. – ***137***
Енишерлов В. П. – ***9***, ***12***

Зайцев П. Н. – ***276***
Зилоти В. П. – ***12***
Зиммель Г. – ***157***

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт, драматург, критик, филолог-классик, теоретик символизма – ***94***, ***173***, ***197***, ***203***, ***204***, ***206***
Иванов-Разумник – ***195***, ***276***
Иванова Е. В. – ***137***
Ирений Агност – ***258***

Казачков С. В. – ***259***
Кампиони Владимир Константинович, лесничий; отчим сестер Тургеневых – ***169***, ***192***
Кант Иммануил (1724–1804), немецкий философ – ***21***, ***106***, ***157***, ***160***, ***162***
Катерина Ивановна – ***204***
Кашперов А. В. – ***119***
Кейдан В. И. – ***22***, ***33***
Кизеветтер А. А. – ***16***
Кирхвегер И. – ***258***
Кирхер Атанасиус (1601–1680), немецкий ученый, философ-оккультист, лингвист, математик; член ордена иезуитов – ***233***, ***234***
Киселев Н. П. – ***180***, ***204***
Кобылинский Л. Л. См.: Эллис
Коваленская (урожд. Карелина) Александра Григорьевна (1829–1914), детская писательница; бабушка С. М. Соловьева – ***45***, ***73***, ***74***, ***121***
Коген (Когэн) Герман (***1842–1918***), немецкий философ, глава марбургской школы неокантианства – ***157***, ***165***
Кожебаткин А. М. – ***159***, ***166***, ***176***, ***180***
Козлов А. А. – ***16***

Козловский О. – ***117***
Колеров М. А. – ***46, 61***
Коперник Николай (1473–1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира – ***241, 244, 245***
Корецкая И. В. – ***61***
Котрелев Н. В. – ***6, 40, 159, 164, 166***
Кранах Лукас Старший (***1472–1553***), немецкий живописец и график – ***80***
Кришнамурти Дж. (Альцион) – ***205, 220, 225***
Кублицкая-Пиоттух А. А. – ***48***
Кузнецов И. И. – ***48, 49***
Кунрат Генрих (ок. 1560–1605), немецкий ученый, алхимик, философ-оккультист – ***233, 234, 243, 257, 258***
Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), светлейший князь Смоленский (1812), полководец, генерал-фельдмаршал – ***172, 174***

Лавров А. В. – ***7, 33, 156, 182, 195***
Леви (Lévi) Элифас (наст. имя Альфонс-Луи Констан; ***1810–1875***), французский оккультист, аббат – ***232***
Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, математик, физик, языковед – ***233***
Леонардо да Винчи – ***81, 133***
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – ***6, 11, 39, 111, 112***
Лесневский С. С. – ***33***
Линденберг (Lindenberg) К. – ***259, 260***
Локс К. Г. – ***11, 112***
Лопатин Лев Михайлович (1855–1920), философ-персоналист, психолог, профессор Московского университета – ***96, 155***
Люллий Раймонд – ***258***
Ляцкий Е. А. – ***230***

Майер М. – ***258***
Макк (Мак) Карл (1752–1828), австрийский военный деятель, генерал – ***172, 174***
Максимов Д. Е. – ***60***
Малинин Н. С. – ***276***

Малмстад (Мальмстад, Malmstad) Дж. – ***31, 111, 159, 195, 225, 230***
Мамонтов К. Н. – ***12***
Мамонтов С. И. – ***12***
Мамонтов С. С. – ***14***
Мамонтова (урожд. Левенштейн) М. О. – ***12***
Маслих В. – ***13***
Маяковский В. В. – ***10***
Менделеев Д. И. – ***11***
Менделеева Л. Д. См.: Блок Л. Д.
Мережковские – ***61, 85–87, 111***
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941), прозаик, поэт, критик, публицист, философ, переводчик – ***17, 45–47, 84, 86, 87, 111, 112, 114, 203, 206***
Метерлинк (Maeterlinck) Морис (1862–1949), бельгийский драматург, поэт, эссеист, теоретик символизма – ***35, 37***
Метнер А. М. – ***23, 87, 130***
Метнер Николай Карлович (1879–1951), композитор, пианист, музыкальный писатель; брат Э. К. Метнера – ***22, 65, 130–132***
Метнер Эмилий Карлович (псевдоним – Вольфинг; 1872–1936), музыкальный критик, журналист, философ; руководитель издательства «Мусагет» – ***10, 19, 22–26, 28, 29, 49, 87, 89, 98, 99, 101, 102, 105, 107, 122, 130, 132, 150, 152, 159, 163, 168, 170–179, 191, 194, 196–198, 204, 207–210, 215, 249, 261, 262, 265***
Метнеры – ***85, 122, 130, 175***
Мечников Илья Ильич (1845–1916), биолог и патолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, иммунологии – ***250***
Милюков П. Н. – ***17, 19, 22***
Минц З. Г. – ***7, 40***
Михайлов А. А. – ***33***
Морозов Г. М. – ***51, 146***
Морозов М. А. – ***12–15, 51***
Морозов М. М. (Мика) – ***15, 30, 51, 146, 264, 265, 275, 277***
Морозов М. М., сын – ***277***
Морозова Е. М. – ***51, 146***

Морозова М. М. – ***51***
Морозовы – ***46–50***

Наташа. См.: Тургенева Н. А.
Некрасов Константин Федорович (1873–1940), издатель – ***192, 195, 197, 228, 230***
Некрасов Н. А. – ***270***
Немирович-Данченко Вл. И. – ***14, 15***
Никулин – ***56, 108***
Ницше Фридрих (1844–1900), немецкий философ, филолог, поэт – ***6, 21, 27, 36, 38, 47, 70, 97, 165, 210, 245, 247, 274***
Новалис (наст. имя Фридрих фон Харденберг; 1772–1801), немецкий поэт, прозаик, философ – ***255***
Носов А. А. – ***22, 24, 60, 119, 121***
Ньютон Исаак (1643–1727), английский математик, механик, астроном и физик, основатель классической физики – ***233, 257***

Оленина В. А. – ***44***
Оленина-д'Альгейм М. А. – ***44, 187***

Павел, апостол – ***127, 230, 242***
Павлова М. М. – ***87***
Павлова Т. В. – ***195***
Пайперс Феликс (1873–1944), врач, естествоиспытатель, директор антропософских клиник в Мюнхене и Штутгарте – ***255***
Папюс (наст. имя Жерар Энкосс; 1865–1916), французский оккультист, гипнотизер, популяризатор герметических доктрин – ***232***
Парацельс (наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм; 1493–1541), врач, натурфилософ, астролог и алхимик – ***233, 234, 243, 257, 258***
Пастернак Е. В. – ***11, 112***
Пашуканис Викентий Викентьевич (1879–1919), сотрудник издательства «Мусагет», книгоиздатель – ***266***
Петр I Великий (1672–1725), русский царь (с 1682 г.), первый российский император (с *1721* г.) – ***172***
Петрарка Ф. – ***11***

Петровский Алексей Сергеевич (1881–1958), переводчик, сотрудник Библиотеки Румянцевского музея – ***107, 117, 137, 151, 152, 166, 180, 204, 227, 254***
Пико делла Мирандола Дж. – ***257***
Пинес Д. М. – ***107***
Пискунов В. М. – ***31***
Пискунова С. И. – ***31***
Платон (428 или 427 – 348 или 347 до н. э.), древнегреческий философ, создатель первой классической системы объективного идеализма – ***75, 162***
Поливанов К. М. – ***11, 112***
Поляков Г. И. – ***10***
Поляков (Poljakov) Ф. Б. – ***216***
Полянская Е. И. – ***18***
Поольман-Мой И. – ***216, 217, 225, 230***
Постернак О. – ***12***
Поццо Александр Михайлович (1882–1941), муж Н. А. Тургеневой; юрист – ***198***
Пряшникова М. П. – ***60, 119***
Птолемей (Птоломей) Клавдий (ок. 90 – ок. 160), древнегреческий ученый, создатель геоцентрической системы мира – ***241***
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – ***116, 117, 186, 205, 260***
Пшибышевский (Пшебышевский) Станислав (1868–1927), польский прозаик, драматург – ***82, 83***

Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский живописец и архитектор – ***4, 5, 207, 253***
Рачинская Анна Алексеевна (ум. в 1916 г.), сестра Г. А. Рачинского – ***116, 117***
Рачинская Т. А. – ***117***
Рачинский Григорий Алексеевич (1859–1939), литератор, переводчик, философ; председатель Религиозно-философского общества в Москве – ***26, 96, 114, 117, 160, 186, 191, 222, 224, 244, 249***
Рейхлин И. – ***257***
Риккерт Генрих (1863–1936), немецкий философ, один из основателей баденской (фрейбургской) школы неокантианства – ***155–157, 162***

Розанов В. В. – ***21***
Рубенс Питер Пауэл (1577–1640), фламандский живописец – ***82***

Сабашникова (Волошина) Маргарита Васильевна (1882–1973), художница, деятельница антропософского движения; первая жена М. А. Волошина – ***203, 204***
Савальский (у Белого: Совальский) В. А. – ***96***
Сведеборг Э. – ***4***
Свенцицкий В. П. – ***46***
Сверчков Н. – ***13***
Северцов (Северцев) А. Н. – ***96***
Сезанн Поль (1839–1906), французский живописец – ***234***
Семен Николаевич – ***51, 54, 55***
Семенов М. Я. – ***86***
Семенова Н. – ***12***
Серафим Саровский, св. – ***110, 111***
Серов В. А. – ***14, 15***
Сизов Михаил Иванович (1884–1956), физиолог, педагог, критик, переводчик – ***152, 153, 180, 204***
Сковорода Г. С. – ***230***
Скрябин Александр Николаевич (1871–1915), композитор и пианист – ***21, 22, 60, 117–119, 177***
Соболев А. В. – ***96***
Сократ (470/469–399 до н. э.), древнегреческий философ – ***207***
Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, поэт, критик, публицист – ***5, 6, 8, 10, 21, 22, 24, 30, 39, 40, 75–77, 96, 111, 122, 160, 163, 171, 184, 185, 189, 199, 203, 205, 210, 214, 245***
Соловьев М. С. – ***40***
Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942), поэт, прозаик, религиозный публицист, переводчик – ***3, 9–11, 40, 45–48, 58, 77, 88–92, 98, 99, 107, 109, 110, 121, 123, 124, 134, 173, 180, 267***
Соловьевы – ***6, 40***
Спивак М. Л. – ***10, 25***
Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677), нидерландский философ – ***233***
Степун (Степпун) Ф. А. – ***17, 18, 31, 150***
Стриндберг Август Юхан (1849–1912), шведский прозаик, драматург – ***233***

Струве Н. А. – *26*
Струве П. Б. – *157, 204*
Сумбатов-Южин А. И. – *13, 14*

Танеев Владимир Иванович (1840–1921), юрист, философ, социолог – *47*
Толмачев М. В. – *114*
Толстой Лев Николаевич, граф (1828–1910) – *169, 171, 174, 206*
Толстых Г. А. – *153*
Томпакова О. М. – *60, 119*
Топорков Алексей Константинович (1882–1934), философ, публицист – *145, 146*
Топоров В. Н. – *4*
Третьяков П. М. – *12*
Третьякова (урожд. Мамонтова) В. Н. – *12*
Тритгейм (Тритгемий) Иоанн (1462–1516), аббат, ученый-оккультист – *233, 257, 258*
Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863–1920), религиозный философ, правовед, общественный деятель – *22, 24, 27–30, 96, 111, 112, 121, 122, 155, 156, 265, 270, 271*
Тургенева Анна Алексеевна (Ася) (1890–1966), первая жена Андрея Белого, художница – *25, 26, 28, 29, 158–167, 169–175, 178, 179, 181–188, 190, 191, 193–199, 204, 206, 209–211, 213–217, 219, 224, 225, 230, 244, 254, 255, 257, 258, 263, 266–268, 270, 271*
Тургенева (в замужестве Поццо) Наталия Алексеевна (1886–1942), сестра А. А. Тургеневой, жена А. М. Поццо – *175, 176, 181, 193, 198, 204*
Тургенева Т. А. – *267*
Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт, публицист – *114, 186, 260*

Успенский Л. В. – *271*

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт, переводчик, мемуарист, публицист – *6, 182, 186, 260*
Философов Д. В. – *86, 87, 112*
Фиолетова Н. Ю. – *11*
Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814), немецкий философ – *207*

Фламель (Фламмель) Никола (ок. 1330–1418), французский оккультист, алхимик – ***233, 258***
Флоренский П. А. – ***137***
Флюдд (Флудд, Фладд) Роберт (1574–1637), английский философ-оккультист, врач – ***233, 234, 258***
Фортунатов С. Ф. – ***16, 17***
Фосслер Карл (1872–1949), немецкий филолог – ***155, 156***
Фохт Б. А. – ***56, 96***

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920), философ, юрист, профессор римского права в Московском университете – ***96, 154–157***
Хвостова Надежда Павловна (1865–1960), начальница и преподавательница частной женской гимназии в Москве; жена В. М. Хвостова – ***152, 153***
Хемлебен Й. – ***258***
Христофорова К. П. – ***204***

Челпанов Георгий Иванович (1862–1936), психолог, философ, логик – ***155***
Чулков Г. И. – ***37***
Чюрлёнис (Чурлянис) Микалоюс Константинас (1875–1911), литовский живописец и композитор – ***273***

Шагинян М. С. – ***114***
Шарль Жак Александр Сезар (1746–1823), французский физик – ***237***
Швейгхардт Т. – ***257***
Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), немецкий философ, теоретик искусства – ***207***
Шепелева М. Д. (М. Д. Ш.) – ***9, 10***
Шмидт Анна Николаевна (1851–1905), нижегородская журналистка, автор религиозно-мистических сочинений – ***260–262***
Шопенгауэр Артур (1788–1860), немецкий философ, теоретик искусства – ***162***
Шпет (Шпетт) Г. Г. – ***96***
Шруба М. – ***95***
Штейнер И. – ***225***
Штейнер Рудольф (Доктор; 1861–1925), австрийский и немецкий религиозный философ, основатель и руководитель Антропософского

общества – *28, 31, 185, 186, 188, 190–196, 198–226, 229, 230, 232, 236, 242–250, 252–256, 258–260, 262, 277*
Штригель (Strigel) Б. – *81*
Шуман Роберт (1810–1856), немецкий композитор – *114*
Шюре Э. – *259*

Щукин Сергей Иванович (1854–1937), фабрикант, коллекционер произведений французской живописи – *234*

Эллис (наст. имя Лев Львович Кобылинский; 1879–1947), поэт, переводчик, критик, религиозный публицист – *88, 89, 94, 95, 173, 180, 203, 216, 217, 230, 255, 262*
Эмпедокл из Агригента (ок. 490–430 до н. э.), древнегреческий философ, поэт, врач, политический деятель – *207*
Эрн Владимир Францевич (1881–1917), религиозный философ, историк философии, публицист – *23, 28, 45, 111, 173, 230*
Эрн Е. Д. – *23*

Яковенко Борис Валентинович (1884–1948), философ – *155, 156*
Ященко Александр Семенович (1877–1934), юрист, библиограф, литератор, издатель – *144, 145*

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Лавров, Джон Малмстад.
«Прекрасная Дама» Андрея Белого 3

Список условных сокращений 33

ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО

1. *Март 1901 г. Москва* 35
2. *21 марта 1901 г. Москва* 38
3. *Не ранее середины февраля 1902 г. Москва* 39
4. *26 января 1903 г. Москва* 40

5–7. НЕДАТИРОВАННЫЕ ПИСЬМА 1901-1903 гг.

5. 41
6. 41
7. 43
8. *12 мая 1905 г. Дедово* 44
9. *Середина мая (?) 1905 г. Москва* 44
10. *26 мая 1905 г. Дедово* 45
11. *3 июня 1905 г. Дедово* 47
12. *23 июня 1905 г. Москва* 48
13. *9 июля 1905 г. Москва* 49
14. *11 июля 1905 г. Москва* 51
15. *Около 20 июля 1905 г. Серебряный Колодезь* 52
16. *23 июля 1905 г. Серебряный Колодезь* 54
17. *Начало августа (?) 1905 г. Серебряный Колодезь* . . 55
18. *21 августа 1905 г. Москва* 57
19. *2 сентября 1905 г. Москва* 58
20. *Конец сентября – начало октября 1905 г. Москва* . . 59
21. *4 ноября 1905 г. Москва* 60
22. *Около 25 декабря 1905 г. Москва* 61
23. *27 декабря 1905 г. Москва* 62
24. *Конец декабря 1905 г. Москва* 63
25. *12 января 1906 г. Москва* 63
26. *8 февраля 1906 г. Москва* 64

27. *6 или 7 марта 1906 г. Москва* 65
28. *Около 22 марта 1906 г. Москва* 65
29. *Около 8–10 апреля 1906 г. Москва* 66
30. *Конец апреля 1906 г. Петербург* 71
31. *7 мая 1906. Дедово* 72
32. *22 мая 1906 г. Дедово* 73
33. *1 июля 1906 г. Серебряный Колодезь* 74
34. *Начало августа 1906 г. Москва* 78
35. *10 сентября 1906 г. Москва* 79
36. *29 сентября / 12 октября 1906 г. Мюнхен* 79
37. *Середина ноября ст. ст. /
Конец ноября н. ст. 1906 г. Мюнхен* 81
38. *Середина ноября ст. ст. /
Конец ноября н. ст. 1906 г. Мюнхен* 83
39. *20 ноября / 3 декабря 1906 г. Париж* 84
40. *14/27 февраля 1907 г. Париж* 84
41. *Конец февраля 1907 г. Москва* 87
42. *Не позднее 14 апреля 1907 г. Москва* *88*
43. *Около 15 апреля 1907 г. Москва* 88
44. *Около 19 апреля 1907 г. Москва* 89
45. *Середина июня 1907 г. Петровское* 91
46. *30 сентября 1907 г. (?) Москва* 93
47. *Между 6 и 8 января 1908 г. Москва* 94
48. *Между 7 и 9 января 1908 г. Москва* 96
49. *20 января 1908 г. Москва* 97
50. *Конец мая 1908 г. Серебряный Колодезь* 97
51. *Начало июня 1908 г. Серебряный Колодезь* 99
52. *Середина июня 1908 г. Серебряный Колодезь* 102
53. *23 июня 1908 г. Серебряный Колодезь* 105
54. *14 июля 1908 г. Дедово* 108
55. *Середина июля 1908 г. Москва* 109
56. *Конец июля – начало августа 1908 г. Дедово* 110
57. *29 ноября 1908 г. Москва* 111
58. *4 декабря 1908 г. Москва* 112
59. *Вторая половина декабря 1908 г. Москва* 113
60. *Конец февраля 1909 г. Бобровка* 114
61. *Начало марта (?) 1909 г. Москва* 118
62. *1 июля 1909 г. Дедово* 119
63. *4 августа 1909 г. Москва* 123
64–95. НЕДАТИРОВАННЫЕ ПИСЬМА (1905—1909)
64. 124

65. 129
66. 130
67. 130
68. 131
69. 131
70. 132
71. 132
72. 133
73. 133
74. 134
75. 134
76. 135
77. 137
78. 138
79. 140
80. 140
81. 141
82. 141
83. 142
84. 142
85. 142
86. 143
87. 144
88. 144
89. 145
90. 145
91. 146
92. 147
93. 147
94. 147
95. 148
96. *Начало января 1910 г. Москва* 148
97. *Конец марта–начало апреля 1910 г. (?) Москва* . . 150
98. *Середина апреля 1910 г. Бобровка* 151
99. *Май (?) 1910 г. Москва* 153
100. *5/18 января 1911 г. Радес* 157
101. *6/19 февраля 1911 г. Радес* 160
102. *11/24 апреля 1911 г. Иерусалим* 164
103. *14 июня 1911 г. Боголюбы* 167
104. *14 июля 1911 г. Боголюбы* 171
105. *Конец июля — начало августа 1911 г. Боголюбы* . 178

106. *6 августа 1911 г. Боголюбы* 178
107. *16 августа 1911 г. Москва* 180
108. *15 марта 1912 г. Москва* 182
109. *3/16 апреля 1912 г. Брюссель* 183
110. *17/30 мая 1912 г. Брюссель* 184
111. *Середина августа (ст. ст.) / Конец августа (н. ст.) 1912 г. Мюнхен* 187
112. *Около 28 августа/10 сентября 1912 г. Базель* . . .196
113. *7/20 сентября 1912 г. Базель* 206
114. *19 сентября/2 октября 1912 г. Фицнау* 209
115. *18/31 октября 1912 г. Дегерлох* 215
116. *20 ноября / 3 декабря 1912 г. Берлин* 217
117. *3/16 декабря 1912 г. Берлин* 226
118. *11/24 декабря 1912 г. Берлин* 227
119. *Последняя декада декабря (н. ст.) 1912 г. — первая декада января (н. ст.) 1913 г. Берлин* . . .231
120. *27 февраля/11 марта 1916 г. Арлесгейм* 260
121. *Между 14 и 18 сентября 1916 г. Москва* 262
122. *13 октября 1916 г. Москва* 264
123. *14 или 15 октября 1916 г. Москва* 265
124. *28 октября 1916 г. Москва* 266
125. *29 декабря 1916 г. Москва* 267
126. *29 декабря 1916 г. Москва* 267
127. *31 декабря 1916 г. Москва* 268
128. *Середина января 1917 г. Москва* 270
129. *Конец 1923 г. (?) Москва* 271
130. *15 июля 1928 г. Коджоры* 272

Указатель имен 277

Р У С С К И Е   П О Э Т Ы

«Ваш рыцарь»

Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. *1901–1928*

Публикация А. В. Лаврова и Джона Малмстада

Художник
А. Д. Мухина
Художественный редактор
Д. С. Мухин
Редактор
В. П. Балашов
Корректор
Л. Н. Морозова
Верстка –
А. Б. Метелкин

Издательство Прогресс-Плеяда
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17
Тел. 246-46-18
Факс: 246-06-55
E-mail: progressp@mtu-net.ru

Главный редактор *С. С. Лесневский*

Лицензия на издательскую деятельность ЛР №065827 от 20.04.1998

Сдано в набор 15.07.2005. Подписано в печать 27.03.06
Формат 84×108/32. Объем 9¼ п.л. Тираж 3000 экз. Заказ 849

Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46